Jeremiah Curtin.

VE RI
TAS

Jeremiah Curtin.

Проф. В. Ключевскій.

КРАТКОЕ ПОСОБІЕ
по
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(1279)

Частное изданіе только для слушателей автора.

(2-е изданіе, съ дополненіями).

Москва.
Университетская типогр., Страстной бульв.
1900.

„Краткое пособіе по русской исторіи“, составленное проф. В. Ключевскимъ къ изданію разрѣшается съ согласія профессора.

Деканъ Историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета *А. Кирпичниковъ.*

28 Марта 1900 г.

Природа восточно-европейской равнины.

Въ географическомъ очеркѣ страны, предпосылаемомъ общему обзору ея исторіи, необходимо отмѣтить тѣ физическія условія, которыя имѣли наиболѣе сильное вліяніе на ходъ ея исторической жизни.

Двѣ особенности отличаютъ Европу отъ другихъ частей свѣта и отъ Азіи преимущественно: 1) *разнообразіе формъ поверхности*, 2) *чрезвычайно извилистое очертаніе морскихъ береговъ*. Нигдѣ горные хребты, плоскогорія и равнины не смѣняютъ другъ друга такъ часто, на такихъ сравнительно незначительныхъ пространствахъ, какъ въ Европѣ. Здѣсь на 30 кв. миль материковаго пространства приходится 1 миля берега, тогда какъ въ Азіи 1 миля берега приходится на 100 кв. миль материковаго пространства. Наиболѣе типичной представительницей этихъ особенностей Европы является южная часть Балканскаго полуострова, древняя Эллада: нигдѣ море такъ не изборозднло береговъ, какъ съ восточной ея стороны; здѣсь такое разнообразіе въ устройствѣ поверхности, что на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ градусовъ широты можно встрѣтить почти всѣ породы деревьевъ, растущихъ въ Европѣ, а Европа простирается на 36 градусовъ широты.

Европейская Россія не раздѣляетъ этихъ выгодныхъ природныхъ условій Европы или, точнѣе, раздѣляетъ ихъ въ одинаковой степени съ Азіею. Море образуетъ лишь малую долю ея границъ; однообразіе— отличительная черта ея поверхности. На огромномъ протяженіи это— равнина, волнообразная плоскость въ 90,000 кв. миль, т. е. площадь, равняющаяся болѣе чѣмъ 9-ти Франціямъ и очень немного сравнительно приподнятая надъ уровнемъ моря. Даже въ Азіи, среди ея громадныхъ сплошныхъ пространствъ одинаковой формаціи, такая равнина заняла бы не послѣднее мѣсто: такъ Иранское плоскогорье почти вдвое

меньше ея. Въ довершеніе сходства съ Азіей, эта равнина на югѣ переходитъ въ обширную, маловодную и безлѣсную степь тысячъ въ 10 кв. миль, приподнятую всего сажень на 25 надъ уровнемъ моря. По геологическому строенію эта степь совершенно похожа на степи Азіи, а географически она составляетъ ихъ прямое, непрерывное продолженіе, соединяясь съ азіатскими степями широкими воротами между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ и простираясь сначала широкою, а потомъ все суживающеюся полосою по направленію къ западу, мимо морей Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго. Это какъ бы азіатскій клинъ, вдвинутый въ европейскій материкъ и тѣсно связанный съ Азіей исторически и климатически. Урало-Каспійскими воротами издавна хаживали въ Европу азіатскія кочевыя орды. Умѣренная западная Европа не знаетъ такой изнурительной лѣтней жары и такихъ страшныхъ зимнихъ мятелей, какія бываютъ здѣсь, а послѣднія заносятся сюда изъ Азіи.

Климатъ. Отъ однообразія формы поверхности въ значительной мѣрѣ зависитъ и *климатъ* равнины. На огромномъ пространствѣ отъ линіи Вайгачскаго пролива (Югорскаго Шара), почти подъ 70° с. ш., до 44°, идущаго по сѣверному предгорью Кавказскаго хребта, мы ожидаемъ рѣзкихъ климатическихъ различій. По особенностямъ климата наша равнина дѣлится на 4 климатическихъ пояса: *арктическій* по ту сторону сѣвернаго полярнаго круга, *сѣверный* или холодный отъ 66½° до 57° с. ш., *средній* или умѣренный, охватывающій центральную полосу равнины (57°—50°), и *южный*, теплый или степной. Но климатическія особенности этихъ поясовъ гораздо менѣе рѣзки, чѣмъ на соотвѣтствующемъ пространствѣ западной Европы; однообразіе формы поверхности дѣлаетъ климатическіе переходы болѣе постепенными. Въ Европейской Россіи нѣтъ значительныхъ горъ меридіанальнаго направленія, которыя производили бы рѣзкую разницу въ количествѣ влаги на ихъ западныхъ и восточныхъ склонахъ, задерживая облака, идущія со стороны Атлантическаго океана, и заставляя ихъ разрѣшаться обильными дождями на западныхъ склонахъ; нѣтъ въ Россіи и значительныхъ горъ поперечнаго направленія, идущихъ съ запада на востокъ, которыя производили бы значительную разницу въ количествѣ теплоты на сѣверѣ и на югѣ отъ нихъ. Вѣтры, безпрепятственно носясь по всей равнинѣ, сближаютъ въ климатическомъ отношеніи мѣста, очень отдаленныя другъ отъ друга по географическому положенію. Моря, которыя окаймляютъ Россію съ нѣкоторыхъ краевъ, производятъ слабое дѣйствіе на климатъ внутренняго пространства страны; изъ нихъ Черное и Балтійское слишкомъ незначительны, чтобы оказывать замѣтное вліяніе на климатъ такой обшир-

ной равнины, а Ледовитый океанъ съ своими глубоко-врѣзывающимися заливами на большую часть года перестаетъ быть моремъ. Если вы взглянете на карту Европы, на которой обозначено распредѣленіе теплоты, то замѣтите, что изотермы, чрезвычайно изогнутыя на западѣ, замѣтно выпрямляются по направленію къ юго-востоку, какъ только заходятъ въ предѣлы нашей равнины.

Указанныя особенности восточной равнины объясняются *геологическимъ* ея происхожденіемъ. Ея поверхность состоитъ изъ рыхлыхъ наносныхъ пластовъ, покрывающихъ гранитную площадь; на нихъ лежатъ холмы, которые и придаютъ равнинѣ волнообразный видъ. Эти пласты, состоящіе изъ смѣси песка и глины, лишены въ южной части равнины всякой плотности, становятся зыбучими. На обширномъ пространствѣ нашей равнины эти пласты имѣютъ такое однообразное строеніе, которое заставляетъ предполагать и одинаковое ихъ происхожденіе. Въ этихъ наносныхъ слояхъ находятъ стволы деревьевъ, остовы допотопныхъ животныхъ, а по степи разсѣяны каспійскія раковины. Всѣ эти признаки заставили геологовъ предположить, что наша равнина, если не вся, то на большей части своего протяженія, была нѣкогда дномъ моря, отступившаго съ нея сравнительно въ позднее время. Берегами этого моря были горы Карпатскія и Уральскія, чѣмъ и объясняется присутствіе большихъ залежей каменной соли въ этихъ горахъ. Воды, покрывавшія равнину, отступили въ обширный водоемъ, называемый Каспійскимъ моремъ. Отступленіе это, по мнѣнію геологовъ, произошло вслѣдствіе пониженія дна этого моря. Осадки, отложившіеся при отступленіи моря, и образовали тѣ однообразно - расположенные глинисто - песчаные пласты, изъ которыхъ состоитъ почва нашей равнины. Геологи думаютъ даже, что море отступило не сразу, а въ два пріема; они находятъ признаки того, что сѣверный берегъ этого моря шелъ нѣкогда приблизительно по 55° с. ш., т. е. немного южнѣе впаденія Камы въ Волгу. Потомъ это море отступило къ югу еще градуса на четыре, и его сѣвернымъ берегомъ сталъ Общій Сыртъ, отрогъ, идущій отъ южной оконечности Уральскаго хребта и перерѣзывающій Волгу между Саратовомъ и Царицынымъ. Геологи думаютъ такъ, основываясь на рѣзкой разницѣ почвы и флоры по сѣверной и южной сторонѣ Общаго Сырта, а также на томъ, что уровень страны на югъ отъ него значительно ниже, чѣмъ на сѣверъ.

Несмотря на такое однообразіе равнины, всматриваясь въ нее пристальнѣе, можно замѣтить нѣкоторыя мѣстныя особенности, которыя повидимому также тѣсно связаны съ геологическимъ происхожденіемъ страны и имѣли большое вліяніе на ея исторію.

Почва. Обозначенное пространство между 55° с. ш. и линіей Общаго Сырта, раньше освободившееся отъ моря, почти совпадаетъ съ полосою наиболѣе толстаго чернозема на нашей равнинѣ. Этотъ черноземъ, какъ думаютъ, образовался вслѣдствіе продолжительнаго гніенія обильной растительности, вызванной здѣсь благопріятными климатическими условіями. Между тѣмъ пространство на югъ отъ линіи Общаго Сырта, образующее степную полосу и позднѣе вышедшее изъ-подъ моря, успѣло покрыться лишь тонкимъ растительнымъ слоемъ, лежащимъ на песчаномъ солончаковомъ грунтѣ, оставшемся отъ ушедшаго моря. Ближе къ Каспійскому морю, въ степяхъ астраханскихъ, почва лишена и такого тонкаго слоя, и солончаки прямо выступаютъ наружу. Если южныя понтійскія степи еще обильны травой и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже производятъ хлѣбныя растенія, то на прикаспійской низменности встрѣчается только слабая солончаковая растительность; но даже и травянистая южная степь по тонкости растительнаго слоя не въ силахъ питать древесныхъ породъ. Въ этомъ главная причина безлѣсія степной полосы. Такимъ образомъ въ южной полосѣ уцѣлѣли признаки ея геологическаго происхожденія. Видъ и составъ почвы прикаспійской степи заставляетъ предполагать, что отливъ моря съ нашей равнины завершился сравнительно поздно, можетъ быть, даже на памяти людей, въ историческую эпоху. Постепенная убыль морей Каспійскаго и Аральскаго продолжается и донынѣ. Не сохранилось ли смутное воспоминаніе объ этомъ переворотѣ въ извѣстіяхъ древне-греческихъ и средневѣковыхъ арабскихъ географовъ,—извѣстіяхъ, представляющихся на первый взглядъ нелѣпыми,—будто Каспійское море нѣкогда соединялось съ одной стороны съ Сѣвернымъ океаномъ, а съ другой—съ Азовскимъ моремъ? Послѣднее очень похоже по своему очертанію и характеру на остатокъ пролива, быть можетъ, нѣкогда соединявшаго Каспійское море съ Чернымъ.

Такимъ образомъ геологическое строеніе раздѣлило нашу равнину на двѣ ботаническія полосы, *лѣсную* и *степную*, которыя имѣли сильное вліяніе на исторію нашего народа. Отливъ моря съ южной части равнины произошелъ по склону, какой она дѣлаетъ къ морямъ Черному и Каспійскому; и степной характеръ страны въ этой части усиливается въ томъ же юго-восточномъ направленіи. Чѣмъ позднѣе вышло дно моря изъ-подъ воды, тѣмъ слабѣе, тоньше растительный слой, которымъ оно успѣло покрыться. Его сѣверо-западный край обнажался раньше сѣверо-восточнаго, такъ что сѣверный берегъ отливавшаго моря наклонялся къ югу въ западной своей части болѣе, чѣмъ въ восточной. И степная полоса имѣетъ то же очертаніе: она наиболѣе расширена съ юга къ сѣверу въ

восточной своей части у Урала и постепенно суживается къ западу, упираясь клиномъ въ низовья Дуная. Къ этой степной полосѣ съ сѣвера и сѣверо-запада примыкаетъ широкая полоса лѣса, образовавшагося здѣсь вслѣдствіе болѣе ранняго выхода этой полосы изъ-подъ моря и вслѣдствіе болѣе прочнаго растительнаго слоя, ее покрывшаго. Эта полоса лѣса дѣлится по характеру почвы и растительности на двѣ части: черноземъ на югѣ питаетъ *лиственный* лѣсъ; суглинокъ, который преобладаетъ въ составѣ почвы далѣе на сѣверъ, производитъ лѣсъ *хвойный*. Здѣсь равнина дѣлаетъ подъемъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Этотъ подъемъ носитъ названіе *Алаунскаго плоскогорья*, которое далѣе къ сѣверо-западу переходитъ въ *Валдайскую возвышенность*, состоящую изъ группы холмовъ отъ 800 до 900 фут. высоты; только нѣкоторые холмы достигаютъ до 1000 футовъ.

Рѣки. Валдайская возвышенность имѣетъ весьма важное *гидрографическое* значеніе для нашей равнины: она служитъ ея гидрографическимъ узломъ. Изъ озеръ, залегающихъ между ея холмами, берутъ начало главныя рѣки, текущія въ разныя стороны по равнинѣ, Волга, Днѣпръ, Западная Двина. Алаунское плоскогорье составляетъ центральный водораздѣлъ нашей равнины и оказываетъ сильное вліяніе на систему ея рѣкъ. Наша равнина не обдѣлена почвенной водой сравнительно съ западной Европой; обиліе водъ въ ней зависитъ частью также отъ формы ея поверхности. Въ углубленіяхъ между холмами остались обширные скопы водъ, которые поддерживаются атмосферными осадками. Уралъ задерживаетъ облака, идущія со стороны Атлантическаго океана, и заставляетъ ихъ изливаться обильными дождями надъ нашей равниной. Рыхлость почвы даетъ возможность водамъ въ этихъ скопахъ находить выходы въ разныя стороны, а равнинность страны позволяетъ этимъ рѣкамъ принимать самое разнообразное направленіе, и потому нигдѣ въ Европѣ мы не встрѣтимъ такой сложной *системы рѣкъ* съ такими разносторонними развѣтвленіями и такой взаимною близостью бассейновъ: вѣтви разныхъ бассейновъ такъ близко подходятъ другъ къ другу, что какъ бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно сложную рѣчную сѣть, наброшенную на равнину. Эти рѣки текутъ съ невысокой Алаунской плоскости и потому имѣютъ малое паденіе, т. е. медленное теченіе, при чемъ встрѣчаютъ рыхлый грунтъ, который легко размывается. Вотъ почему онѣ дѣлаютъ змѣевидные изгибы. Рѣки, падающія съ значительныхъ возвышенностей среди твердыхъ горныхъ породъ, при своемъ быстромъ теченіи наклонны къ прямолинейному направленію, а гдѣ встрѣчаютъ препятствіе въ твердыхъ горныхъ поро-

дахъ, тамъ дѣлаютъ уклонъ подъ прямымъ или острымъ угломъ. Таково вообще теченіе рѣкъ въ западной Европѣ. У насъ же вслѣдствіе малаго паденія и состава почвы рѣки чрезвычайно извилисты. Есть и еще особенность у нашихъ рѣкъ, текущихъ въ болѣе или менѣе меридіанальномъ направленіи: *правый берегъ у нихъ вообще высокъ*, *лѣвый низокъ*. Эта особенность оказала нѣкоторое дѣйствіе на систему внѣшней обороны страны и на размѣщеніе населенія: по высокимъ берегамъ рѣкъ возводились укрѣпленія и въ этихъ укрѣпленіяхъ или около нихъ сосредоточивалось населеніе.

Такимъ образомъ геологическимъ строеніемъ равнины обусловлены наиболѣе важныя для ея исторіи географическія ея особенности: во 1-хъ, ея дѣленіе на полосы съ неодинаковой растительностью и во-2-хъ, сложность ея рѣчныхъ бассейновъ съ разнообразными направленіями и общимъ узломъ въ центрѣ равнины. Эти полосы и эти бассейны оказали сильное дѣйствіе на исторію страны и притомъ неодинаковое на различныя стороны быта ея населенія. Различіемъ въ составѣ почвы разныхъ частей равнины опредѣлились особенности народнаго хозяйства и политическаго строя, смотря по тому, на какой полосѣ, степной или лѣсной, въ данное время сосредоточивалась масса русскаго населенія. Съ другой стороны, рѣчными бассейнами направлялось размѣщеніе населенія, а этимъ опредѣлялось политическое дѣленіе страны. Служа готовыми первобытными дорогами, рѣчные бассейны разсѣивали населеніе по своимъ вѣтвямъ. Но взаимная близость этихъ бассейновъ не позволяла размѣщавшимся по нимъ частямъ населенія обособляться другъ отъ друга, поддерживала общеніе между ними, народное единство, и помогала государственному объединенію страны. Однако, по рѣчнымъ бассейнамъ рано обозначились различныя мѣстныя группы населенія и сложились политическія области, *земли*, на которыя долго дѣлилась страна. Въ областномъ и княжескомъ дѣленіи древней Руси легко замѣтить это гидрографическое основаніе. Такъ древняя Кіевская земля—это область средняго Днѣпра, земля Черниговская — область Десны, Ростовская — область верхней Волги и т. д. Наконецъ, гидрографическимъ узломъ въ центрѣ равнины намѣчено было средоточіе государства, на ней образовавшагося.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ восточной Европы.

Древній міръ оставилъ намъ очень немного надежныхъ извѣстій о той части нашей равнины, которая раньше другихъ пришла съ нимъ въ соприкосновеніе, т. е. о сѣверномъ прибрежьи Чернаго моря. Греки въ гомерическія времена пугались Понта, какъ они называли это море, и изъ ихъ малоазіатскихъ колоній корабли долгое время не отваживались пускаться за Босфоръ Ѳракійскій. Греки долго считали Понтъ границей обитаемой земли. Но съ теченіемъ времени открылось нѣсколько путей, которыми въ греческое общество проникали свѣдѣнія о сѣверныхъ берегахъ Понта. Первый, наиболѣе ранній изъ этихъ путей, проложили греческія колоніи, которыя съ VIII вѣка до Р. Х. стали возникать по берегамъ Понта, сначала по южному, а потомъ по западному и сѣверному. Греческіе купцы изъ колоній приносили въ Грецію разныя извѣстія о варварскомъ мірѣ, облегавшемъ съ сѣвера Черное море. Но извѣстія эти были сказочнаго характера и малонадежны. Аристотель упрекалъ современныхъ ему аѳинянъ за то, что они по цѣлымъ днямъ слушали росказни людей, приходившихъ съ береговъ Фазиса и Борисѳена (Ріона и Днѣпра). Эти фантастическіе разсказы едва ли обогатили греческій міръ вѣрными свѣдѣніями о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Гораздо надежнѣе былъ другой источникъ свѣдѣній: это греческіе путешественники-писатели, посѣщавшіе сѣверные берега Чернаго моря съ цѣлью изученія ихъ. Самымъ важнымъ изъ нихъ былъ Геродотъ (V в. до Р. Х.), который посѣтилъ греческія колоніи въ устьяхъ Днѣпра и Буга и сообщилъ соотечественникамъ подробное описаніе южной Россіи. Еще до него, какъ узнаемъ изъ его же сочиненія, эти берега посѣтилъ любознательный поэтъ Аристей, сообщившій въ своихъ поэмахъ наблюденія надъ обитавшими тамъ народами. Третьимъ путемъ ознакомленія грековъ съ міромъ понтійскихъ варваровъ служили враждебныя столкновенія послѣднихъ съ первыми. Греки узнали кое-что объ этихъ варварахъ отъ Персовъ, возвратившихся изъ похода Дарія на Скиѳовъ (въ 513 г. до Р. Х.). Потомъ (около 340 г.) со Скиѳами воевалъ македонскій царь Филиппъ, который, поразивъ варваровъ, привелъ огромный полонъ тысячъ въ двадцать головъ, который былъ весь обращенъ въ рабство. Среди Грековъ и раньше было много рабовъ съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, и всѣ они были извѣстны подъ общимъ названіемъ *Скиѳовъ*. Подъ римскимъ владычествомъ этотъ послѣдній путь расширился.

Во время войнъ съ Митридатомъ, который хотѣлъ поднять всѣхъ понтійскихъ варваровъ противъ всемірныхъ завоевателей, Римляне обогатились новыми обильными о нихъ свѣдѣніями. Но варвары эти начали дѣлать и сами нападенія на римскія провинціи. Эти нападенія начинаются въ I в. по Р. Х. вторженіемъ Роксаланъ изъ-за Дуная въ Мизію (въ нынѣшнюю Сербію и Болгарію). За ними слѣдовали нападенія Даковъ, которые въ томъ же вѣкѣ успѣли образовать обширное государство, простиравшееся отъ нижняго Дуная до верховьевъ Вислы, и даже принудили императора Домиціана платить имъ дань. Эти нападенія еще ближе познакомили Римлянъ съ понтійскими варварами. Такими путями проникали въ греческое и римское общество свѣдѣнія, которыя были изложены нѣкоторыми греческими и римскими писателями. Есть извѣстіе, что ученикъ Аристотеля Клеархъ написалъ спеціальное сочиненіе о Скиѳіи. До насъ дошло обстоятельное описаніе Скиѳіи, сдѣланное въ IV книгѣ Геродота. За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ историковъ и географовъ, которые описывали эту страну: въ I в. по Р. Х. Страбонъ, Помпоній Мела, Тацитъ, во II в. Птоломей Александрійскій. Эти писатели проводятъ передъ нами длинный рядъ разныхъ народовъ, поочередно господствовавшихъ въ южной Россіи. Такъ по разсказамъ поэта Аристея, по сѣвернымъ берегамъ Понта нѣкогда обитали Киммеріяне, а на сѣверъ отъ нихъ Скиѳы. При Геродотѣ Скиѳы являются здѣсь господствующимъ населеніемъ. Послѣ, во времена римскаго владычества, географы представляютъ господствующимъ здѣсь племенемъ какихъ-то Сарматовъ; за ними слѣдовали или изъ нихъ выдѣлились Роксаланы, Аланы, Языги и проч. Эти этнографическія имена задали трудную работу исторической критикѣ. Ученые пытались разыскать, какого происхожденія были народы, носившіе эти имена. Безплодность этихъ попытокъ происходила отъ того, что эти имена старались пріурочить къ тѣмъ этнографическимъ группамъ, которыя сложились исторически и обособились въ позднѣйшее время,—или къ германской, или къ славянской. Ученые ставили вопросъ, который невозможно рѣшить: были ли Киммеріяне Германцы, или Славяне, или же они принадлежали къ Кельтамъ? Въ такой постановкѣ есть внутреннее противорѣчіе: древнія племена пріурочиваются къ позднѣйшей этнографической классификаціи. Сами древніе географы не могли разобраться въ распредѣленіи этихъ племенъ. Тацитъ, описывая Сарматовъ и Германцевъ, затрудняется сказать, къ которому изъ этихъ племенъ принадлежали Венеды и Финны. Также Страбонъ, говоря о восточныхъ сосѣдяхъ Германцевъ Бастарнахъ, обитавшихъ въ южной Россіи, замѣчаетъ, что они чуть не гер-

манскаго племени. У Птоломея въ числѣ народовъ встрѣчаемъ племя, въ которомъ такъ легко заподозрить Славянъ—племя *Ставанъ*. Это имя соблазнило нѣкоторыхъ ученыхъ, которые признали въ немъ новгородскихъ Славянъ нашей древней лѣтописи. Разумѣется, нельзя сказать, что среди этихъ племенъ не было Славянъ, но невозможно и доказать, что они были. Всѣ эти этнографическія изысканія были только упражненіемъ въ критическомъ остроуміи или попыткой рѣшить уравненіе съ тремя неизвѣстными.

Извѣстія Геродота о Скиѳіи. Готы. Гунны. Авары. Въ извѣстіяхъ древнихъ географовъ о народахъ, населявшихъ южную Россію до Р. Х. и въ началѣ нашей эры, цѣнны собственно указанія на условія жизни этихъ загадочныхъ племенъ: подъ дѣйствіе тѣхъ же условій станутъ, несомнѣнно, и наши предки, которые появятся въ болѣе позднее время. Геродотъ написалъ превосходную картину южно-русской степи и быта ея обитателей. Удивляясь обширности равнины, которую онъ наблюдалъ, онъ всего болѣе поражается величиной и многочисленностью рѣкъ, орошающихъ Скиѳію. Въ населеніи Скиѳіи онъ различаетъ двѣ вѣтви, изъ коихъ одну составляли Скиѳы—пахари, а другую—пастухи или скотоводы; одни были осѣдлые земледѣльцы, другіе кочевники; пастухи господствовали надъ пахарями. Послѣдніе жили по Днѣпру и далѣе на западъ до Днѣстра, а кочевники обитали на востокъ отъ Днѣпра до Дона, за которымъ въ степяхъ далѣе къ востоку обитали другіе болѣе дикіе кочевники, очевидно, будущіе преемники кочевыхъ Скиѳовъ. Эти указанія очень любопытны: стоитъ только зачеркнуть племенныя названія, и можно подумать, что Геродотъ излагаетъ начало нашей исторіи, повторяетъ разсказъ *Повѣсти о началѣ Русской земли* *), какъ съ племенъ, жившихъ по Днѣпру и его притокамъ, Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей, брали дань обитавшіе въ степяхъ Хозары, въ тылу у которыхъ за Волгой жили еще болѣе дикіе кочевники Печенѣги, потомъ наводнившіе донскія и днѣпровскія степи. Такимъ образомъ у Геродота явственно намѣчены тѣ самые три факта, которыми открывается наша исторія: 1) важное значеніе рѣкъ нашей равнины, 2) господство кочевниковъ надъ осѣдлымъ населеніемъ и 3) смѣна однихъ кочевниковъ другими. Такъ Скиѳы смѣнили Киммеріянъ, самихъ Скиѳовъ смѣнили

*) Такъ будемъ называть повѣствованіе, излагающее древнѣйшія преданія о Русской землѣ и служащее введеніемъ въ начальную русскую лѣтопись XII в. Оно составлено около половины XI в. и носитъ въ лѣтописи сложное заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть“.

Сарматы. Родственны ли были по своему племенному происхожденію Сарматы и Скиѳы, или были совершенно различные народы, объ этомъ ничего нельзя сказать утвердительно; но и Сарматовъ смѣнили другія племена, этнографическое происхожденіе которыхъ также очень темно.

Около начала нашей эры въ припонтійскихъ степяхъ усиливаются Роксаланы и Аланы (вѣроятно, разныя названія одного и того же племени); но Готы уничтожаютъ ихъ господство. Племя Готовъ, по сказаніямъ, первоначально обитало гдѣ-то на берегахъ Балтійскаго моря. Во II или III вѣкѣ по Р. Х. на этомъ морѣ начали появляться корабли удалыхъ мореходовъ, которые Финскимъ заливомъ по рѣкамъ нашей равнины проникали въ Черное море и громили Греческую имперію. Въ IV в. ихъ вождь Германарихъ завоеваніями образовалъ обширное царство,—первое исторически извѣстное государство, основанное европейскимъ народомъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи; въ именахъ покоренныхъ Германарихомъ племенъ, перечисляемыхъ латинскимъ историкомъ Готовъ Іорнандомъ (VI в.), можно разобрать позднѣйшія названія финскихъ обитателей нашей равнины: Мери, Веси, Мордвы и проч. Въ такой этнографической обстановкѣ являются у того же писателя и наши Славяне подъ именами Венетовъ, Антовъ и *Склавенъ* (Sclaveni). Венеты, несмотря на свою многочисленность, были покорены Готами. Но прежде чѣмъ владычество Готовъ упрочилось, появились Гунны, разгромили Готовъ, перевалили за Карпаты, прошли Западную Европу и образовали новое эфемерное государство. Уже къ концу V вѣка, по смерти Атиллы, и это царство разрушилось. Спустя столѣтіе племена, освободившіяся отъ гунскаго ига, были захвачены новымъ азіатскимъ потокомъ — Аварами, которые въ VI в. успѣли распространиться до Карпатъ и нижняго Дуная. Въ извѣстіи объ Аварахъ или *Обрахъ*, какъ ихъ называетъ наша начальная лѣтопись, является одно изъ восточнославянскихъ племенъ подъ своимъ именемъ *Дулѣбовъ*. Аварское владычество продолжалось до VIII вѣка, въ концѣ котораго Авары потерпѣли пораженіе отъ Карла Великаго въ Панноніи. Въ то время какъ разрушалось аварское владычество, восточные славяне являются подъ игомъ новыхъ кочевниковъ Хозаръ. Таковъ былъ рядъ племенныхъ потоковъ, среди которыхъ выступаютъ восточные Славяне, какъ обитатели нашей равнины. Когда въ предѣлы этой равнины пришли Хозары, они застали восточныхъ Славянъ уже на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они обитали по разсказу нашей *Повѣсти* о началѣ Русской земли. Когда и какъ они появились здѣсь?

Восточные Славяне.

Ихъ разселеніе. *Повѣсть* о началѣ Русской земли не помнитъ времени прихода Славянъ изъ Азіи въ Европу; она застаетъ ихъ уже на Дунаѣ. Изъ этой придунайской страны, которую составитель *Повѣсти* зналъ подъ именемъ земли Угорской и Болгарской, Славяне разселились въ разныя стороны; оттуда же вышли и тѣ Славяне, которые поселились по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу. *Повѣсть* приводитъ этихъ восточныхъ Славянъ прямо съ Дуная на Днѣпръ и не помнитъ, чтобы они останавливались гдѣ-нибудь на этомъ пути. Разсказывая о разселеніи Славянъ, она различаетъ двѣ ихъ вѣтви, западную и восточную. Славяне съ Дуная разселились въ разныя стороны и назвались по именамъ мѣстъ, гдѣ поселились: одни поселились по рѣкѣ Моравѣ и назвались Моравой, другіе Чехами. Это—западные Славяне. Восточную вѣтвь составляли Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане; отъ этихъ Славянъ *Повѣсть* и производитъ тѣ племена, которыя заселили Поднѣпровье. Она разсказываетъ, что когда Волохи, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, Римляне при импер. Траянѣ, напали на Славянъ дунайскихъ и начали ихъ угнетать, эти восточные Славяне пришли на Днѣпръ и стали называться одни Полянами, а другіе Древлянами и т. д. Но византійскіе и латинскіе писатели VI и начала VII вѣка, разсказывая о задунайскихъ Славянахъ, племенное имя которыхъ (Σκλάβοι) появляется въ византійскихъ извѣстіяхъ съ конца V вѣка, даютъ понять, что восточные Славяне не прямо пришли съ Дуная на Днѣпръ. Эти писатели раздѣляютъ Славянъ на двѣ главныя вѣтви: на *Антовъ*, жившихъ по черноморскому прибрежью отъ нижняго Днѣстра до нижняго Днѣпра, и на *Славянъ* собственно, которые жили къ сѣверу отъ Дуная до верхней Вислы и къ востоку до Днѣстра. Такъ именно опредѣляетъ границы разселенія Славянъ латинскій писатель VI вѣка, хорошо знакомый съ міромъ задунайскихъ варваровъ и самъ варваръ, родомъ изъ Нижней Мизіи, Іорнандъ, историкъ Готовъ. Значитъ, Славяне собственно занимали тогда Карпатскій край. Карпаты были общеславянскимъ гнѣздомъ, изъ котораго впослѣдствіи Славяне разошлись въ разныя стороны. Эти карпатскіе Славяне въ продолженіе всего VI вѣка громили Имперію, переходя за Дунай; слѣдствіемъ этихъ постоянныхъ вторженій, начало которыхъ относятъ еще къ III вѣку, и было постепенное заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. Итакъ, прежде чѣмъ восточные Сла-

вяне попали съ Дуная на Днѣпръ, они долго оставались на Карпатахъ; здѣсь была ихъ промежуточная стоянка. Одно изъ восточно-славянскихъ племенъ, Хорватовъ, знаетъ на склонахъ Карпатъ, въ Галиціи, и наша начальная лѣтопись даже въ X вѣкѣ, при кн. Олегѣ. Продолжительный вооруженный напоръ карпатскихъ Славянъ на Имперію соединялъ ихъ въ военные союзы. Мы находимъ слѣды одного такого союза, въ составъ котораго входили именно восточные Славяне. *Повѣсть* о началѣ Русской земли составлена, очевидно, въ Кіевѣ: авторъ ея съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ кіевскимъ Полянамъ, да и знаетъ о нихъ больше, чѣмъ о другихъ племенахъ восточныхъ Славянъ. Онъ передаетъ рядъ вражескихъ нашествій, испытанныхъ этими Славянами, говоритъ о Болгарахъ, Обрахъ, Уграхъ, Хозарахъ; но до Хозаръ онъ не помнитъ о судьбѣ своихъ Полянъ. Народные потоки, прошедшіе по южной Россіи и часто дававшіе больно чувствовать себя восточнымъ Славянамъ, какъ будто ничѣмъ не задѣли восточно-славянскаго племени, ближе всѣхъ къ нимъ жившаго, Полянъ. Въ памяти кіевскаго повѣствователя XI в. уцѣлѣло отъ тѣхъ временъ преданіе только объ одномъ восточномъ славянскомъ племени, но такомъ, которое въ X в. не играло замѣтной роли въ нашей исторіи. *Повѣсть* разсказываетъ о нашествіи Аваровъ на Дулѣбовъ (въ VI в.): «си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбьскимъ: аще поѣхати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: *погибоша аки Обръ*». Очевидно, благодаря этой поговоркѣ въ *Повѣсти* и уцѣлѣло преданіе объ Обрахъ. Но гдѣ были въ это время Поляне и почему одни Дулѣбы страдали отъ Обровъ? Неожиданно съ другой стороны идетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ сороковыхъ годахъ X вѣка, лѣтъ за сто до составленія *Повѣсти* о началѣ Русской земли, писалъ о восточныхъ Славянахъ арабъ Масуди въ своемъ географическомъ сочиненіи *Золотые луга*. Описывая восточныя славянскія племена, онъ разсказываетъ, что нѣкогда одно изъ нихъ, коренное между ними, господствовало надъ прочими, имѣло верховную власть надъ ними; но потомъ пошли между ними раздоры, союзъ ихъ разрушился, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна и каждое племя выбрало себѣ отдѣльнаго царя. Это господствовавшее нѣкогда племя Масуди называетъ Valinana (Волыняне), а изъ лѣтописи мы знаемъ, что эти Волыняне—тѣ же Дулѣбы и

жили по Западному Бугу. Понятно, почему кіевское преданіе запомнило однихъ Дулѣбовъ изъ эпохи аварскаго нашествія: тогда Дулѣбы господствовали надъ всѣми восточными Славянами и покрывали ихъ своимъ именемъ, какъ впослѣдствіи всѣ восточные Славяне звались *Русью* по имени главной области въ Русской землѣ, ибо Русью первоначально называлась только Кіевская область. Во время аварскаго нашествія еще не было ни Полянъ, ни самаго Кіева, и масса восточныхъ Славянъ сосредоточивалась западнѣе, на склонахъ Карпатъ, въ краю обширнаго водораздѣла, откуда идутъ въ разныя стороны Днѣстръ, оба Буга, притоки верхней Припети и верхней Вислы.

Итакъ, мы застаемъ у восточныхъ Славянъ въ VI вѣкѣ большой военный союзъ подъ предводительствомъ князя Дулѣбовъ. Постоянная борьба съ Византіей завязала этотъ союзъ, стянула восточныя племена въ одно цѣлое. Вотъ фактъ, который можно поставить *въ началѣ* нашей исторіи. Со склоновъ Карпатъ восточные Славяне постепенно разселились по нашей равнинѣ. Это разселеніе — *второй начальный фактъ* нашей исторіи. Его можно уловить по нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ. Византійскіе писатели VI и начала VII вѣка застаютъ задунайскихъ Славянъ въ состояніи необычайнаго движенія. Императоръ Маврикій, долго боровшійся съ этими Славянами, пишетъ, что Славяне живутъ точно разбойники, всегда готовые подняться съ мѣста, поселками, разбросанными по лѣсамъ и по берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ страны. Нѣсколько ранѣе писавшій Прокопій замѣчаетъ, что Славяне живутъ въ плохихъ, разбросанныхъ по-одиночкѣ, хижинахъ и часто переселяются. Наша *Повѣсть* о началѣ Русской земли, не помня о приходѣ Славянъ съ Карпатъ, запомнила одинъ изъ послѣднихъ моментовъ ихъ разселенія по русской равнинѣ. Размѣщая восточно-славянскія племена по Днѣпру съ его притоками, эта *Повѣсть* разсказываетъ, что были въ Ляхахъ два брата Радимъ и Вятко, которые пришли съ своими родами и сѣли—Радимъ на Сожѣ, а Вятко на Окѣ; отъ нихъ и пошли Радимичи и Вятичи. Поселеніе этихъ племенъ за Днѣпромъ показываетъ, что ихъ приходъ былъ однимъ изъ позднихъ приливовъ славянской колонизаціи: новые пришельцы уже не нашли себѣ мѣста на правой сторонѣ Днѣпра и должны были подвинуться далѣе на востокъ, за Днѣпръ. Съ этой стороны Вятичи очутились самымъ крайнимъ племенемъ русскихъ Славянъ. Лѣтопись говоритъ, что Радимичи и Вятичи «отъ Ляховъ»: это потому, что область указаннаго водораздѣла, древняя страна Хорватовъ, въ XI вѣкѣ, когда написана *Повѣсть*, считалась уже Ляшской страной и была предметомъ борьбы Руси съ

Польшей. Такъ, сопоставляя византійскія извѣстія съ преданіями *Повѣсти* о началѣ Русской земли, узнаемъ направленіе славянской колонизаціи и время, когда началась она. Византійцы перестаютъ разсказывать о вторженіяхъ карпатскихъ Славянъ въ предѣлы Имперіи со второй четверти VII вѣка, потому что разселеніе этихъ Славянъ въ разныя стороны сопровождалось прекращеніемъ ихъ набѣговъ на Имперію. Тогда заселялись Славянами Польша, балтійское Поморье; тогда начало заселяться и Поднѣпровье.

Бытъ Славянъ восточныхъ.

Племена. Миѳологія. Семейныя отношенія. Въ продолженіе VII и VIII вѣковъ восточная вѣтвь Славянъ, сосредоточивавшаяся на сѣверо-восточныхъ склонахъ Карпатъ, отливала мало-по-малу на сѣверо-востокъ и востокъ. На новыхъ мѣстахъ жительства бытъ переселенцевъ измѣнился во многомъ.

На Карпатахъ эти Славяне, повидимому, жили еще первобытными родовыми союзами. Черты такого быта мелькаютъ въ неясныхъ и скудныхъ византійскихъ извѣстіяхъ о Славянахъ VI и начала VII вѣка. По этимъ извѣстіямъ Славяне управлялись царьками и филархами, т. е. племенными князьками и родовыми старѣйшинами, и имѣли обычай собираться для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ. Трудно представить себѣ общественный бытъ восточныхъ Славянъ въ эпоху ихъ разселенія по русской равнинѣ. Наша древняя *Повѣсть* о началѣ Русской земли, описывая разселеніе восточныхъ Славянъ, пересчитываетъ племена, на которыя они дѣлились, указывая, гдѣ поселилось каждое. Такъ, на западномъ берегу средняго Днѣпра поселилось племя *Полянъ*; къ сѣверо-западу отъ нихъ, въ дремучихъ лѣсахъ по южнымъ притокамъ Припети поселились *Древляне*, къ западу отъ нихъ, по Западному Бугу *Волыняне* или *Дулѣбы*; противъ Полянъ, на восточномъ берегу Днѣпра, по Деснѣ и Сулѣ жили *Сѣверяне*; въ сосѣдствѣ съ ними, по притоку Днѣпра Сожу сидѣли *Радимичи*, а къ востоку отъ нихъ, по верхней Окѣ *Вятичи*; на верховьяхъ трехъ рѣкъ Днѣпра, Западной Двины и Волги обитали *Кривичи*, къ юго-западу отъ нихъ, въ болотистой и лѣсистой странѣ между Припетью и Западной Двиной *Дреговичи*; къ сѣверу отъ нихъ, по Западной Двинѣ, поселилась вѣтвь Кривичей *Полочане*, а къ сѣверу отъ Кривичей, у озера Ильменя и далѣе по рѣкѣ

Волхову обитали *Славяне* новгородскіе. Но трудно рѣшить, что такое были эти племена, плотные ли политическіе союзы, или простыя географическія группы населенія, ничѣмъ не связанныя политически. Повидимому, въ эпоху разселенія родовые союзы остались господствующей формой быта восточныхъ Славянъ, какъ изображаетъ его *Повѣсть* о началѣ Руси, замѣчая: «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Однако легко понять, что разселеніе должно было разбивать и эти союзы. Родовой союзъ держится крѣпко, пока родичи живутъ вмѣстѣ; но колонизація разрушала совмѣстную жизнь родичей. Родовой союзъ держался на двухъ опорахъ: на власти родового старшины и на нераздѣльности родового имущества. Родовой культъ, почитаніе предковъ скрѣпляло обѣ эти опоры. Но восточные Славяне разселялись по равнинѣ разбросанными дворами. На такой порядокъ разселенія указываетъ византійскій писатель VI вѣка Прокопій, говоря, что Славяне жили въ плохихъ разбросанныхъ хижинахъ и часто переселялись. Власть старшины не могла съ одинаковой силой простираться на всѣ родственные дворы, разбросанные на обширномъ пространствѣ среди лѣсовъ и болотъ. Мѣсто родовладыки въ каждомъ дворѣ долженъ былъ занять домовладыка, хозяинъ двора, глава семейства. Въ то же время характеръ лѣсного и земледѣльческаго хозяйства, завязавшагося въ Поднѣпровьѣ, разрушалъ мысль о нераздѣльности родового имущества. Лѣсъ приспособлялся къ промысламъ усиліями отдѣльныхъ дворовъ, поле расчищалось трудомъ отдѣльныхъ семействъ; такіе лѣсные и полевые участки рано должны были получить значеніе частнаго семейнаго имущества. Родичи могли помнить свое кровное родство, могли чтить общаго родового дѣда, хранить родовые обычаи и преданія; но въ области права, въ практическихъ житейскихъ отношеніяхъ связь между родичами разстраивалась все болѣе. Это разрушеніе родовыхъ союзовъ, распаденіе ихъ на дворы или семьи оставило по себѣ слѣдъ въ одной чертѣ нашей миѳологіи.

Въ сохраненныхъ позднѣйшими памятниками скудныхъ чертахъ миѳологіи восточныхъ Славянъ можно различить два рода вѣрованій. Одни изъ этихъ вѣрованій можно признать остатками почитанія видимой природы. Въ русскихъ памятникахъ уцѣлѣли слѣды поклоненія небу подъ именемъ *Сварога*, солнцу подъ именами *Дажбога, Хорса, Велеса,* грому и молніи подъ именемъ *Перуна*, богу вѣтровъ *Стрибогу,* огню и другимъ силамъ и явленіямъ природы. Дажбогъ и божество огня считались сыновьями Сварога, звались Сварожичами. Такимъ образомъ на русскомъ Олимпѣ различались поколѣнія боговъ — знакъ, что въ на-

родной памяти сохранялись еще моменты миѳологическаго процесса; но теперь трудно дать хронологическое опредѣленіе этимъ моментамъ. Уже въ VI вѣкѣ, по свидѣтельству Прокопія, Славяне признавали повелителемъ вселенной одного бога-громовержца, т. е. Перуна. По нашей начальной лѣтописи Перунъ является главнымъ божествомъ русскихъ Славянъ рядомъ съ Велесомъ, который характеризуется названіемъ «скотьяго бога» въ смыслѣ покровителя стадъ. Общественное богослуженіе еще не установилось и даже въ послѣднія времена язычества видимъ только слабые его зачатки. Ни храмовъ, ни жрецовъ не было; на открытыхъ мѣстахъ ставились изображенія боговъ, предъ которыми совершались нѣкоторые обряды и приносились *требы* т. е. жертвы. Такъ въ Кіевѣ на холму стоялъ идолъ Перуна, передъ которымъ Игорь въ 945 году приносилъ клятву въ соблюденіи заключеннаго съ Греками договора. Владиміръ, утвердившись въ Кіевѣ въ 980 году, поставилъ здѣсь на холму идолы Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и другихъ боговъ, которымъ князь и народъ приносили жертвы. Повидимому, бо́льшее развитіе получилъ и крѣпче держался другой рядъ вѣрованій— культъ предковъ. Въ старинныхъ памятникахъ средоточіемъ этого культа является со значеніемъ охранителя родичей *родъ* съ его *рожаницами*, т. е. дѣдъ съ бабушками—намекъ на нѣкогда господствовавшее между Славянами многоженство. Тотъ же обоготворенный предокъ чествовался подъ именемъ *чура*, въ церковно-славянской формѣ *щура*; эта форма доселѣ уцѣлѣла въ сложномъ словѣ *пращуръ*. Значеніе этого дѣда-родоначальника, какъ охранителя родичей, доселѣ сохранилось въ заклинаніи: *чуръ меня*, т. е. храни меня дѣдъ. Но въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ этотъ чуръ - дѣдъ, хранитель рода, является еще подъ именемъ *дѣдушки домового*, т. е. охранителя не цѣлаго рода, а отдѣльнаго двора. Такимъ образомъ, не колебля народныхъ вѣрованій и преданій, связанныхъ съ первобытнымъ родовымъ союзомъ, разселеніе должно было разрушать *юридическую связь* рода, замѣняя родство сосѣдствомъ.

Это юридическое разрушеніе родового союза дѣлало возможнымъ взаимное сближеніе родовъ, однимъ изъ средствъ котораго служилъ бракъ. Наша древняя лѣтопись указываетъ на ходъ этого сближенія: описывая языческій бытъ Радимичей, Вятичей и другихъ племенъ, она говоритъ объ игрищахъ между селами, т. е. о религіозныхъ празднествахъ, на которыхъ жители селъ похищали, «умыкали» себѣ женъ по уговору съ ними. Это значитъ, что невѣстъ брали изъ чужихъ родовъ, которые не уступали ихъ добровольно при недостаткѣ невѣстъ вслѣдствіе господство-

вавшаго тогда многоженства. Вражда между родами, вызывавшаяся умычкою чужеродныхъ невѣстъ, устранялась *вѣномъ*, выкупомъ невѣсты у ея родственниковъ. Съ теченіемъ времени вѣно превратилось въ продажу невѣсты жениху ея родственниками по взаимному соглашенію, безъ умычки, которая замѣнилась обрядомъ *хожденія зятя по невѣсту*. Дальнѣйшій моментъ сближенія родовъ лѣтопись отмѣтила у Полянъ, уже вышедшихъ, по ея изображенію, изъ дикаго состоянія, въ какомъ оставались другія племена. Она замѣчаетъ, что у Полянъ «не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но привожаху вечеръ (приводили ее вечеромъ), а заутра приношаху, что на ней вдадуче (что за нее платили)». Такимъ образомъ, хожденіе жениха по невѣсту, замѣнившее насильственный актъ умычки невѣсты, въ свою очередь смѣнилось обрядомъ *привода* невѣсты къ жениху, почему законная жена въ языческой Руси называлась *водимою*. Важно то, что родственники жениха и невѣсты становились *свояками*, своими людьми другъ для друга. Такимъ образомъ, брачный союзъ уже въ языческую пору роднилъ чуждые другъ другу роды. Это указываетъ на раннее ослабленіе родового союза у русскихъ Славянъ. Въ первичномъ, нетронутомъ своемъ составѣ родъ представлялъ замкнутый союзъ, недоступный для чужаковъ: невѣста изъ чужого рода порывала родственную связь съ своими кровными родичами, но не роднила ихъ съ родней своего жениха.

Города и торговля. Хозары. Большая перемѣна произошла въ *экономическомъ* быту восточныхъ Славянъ, разселившихся по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу, въ области озера Ильменя. При тогдашнемъ значеніи рѣкъ, какъ удобнѣйшихъ путей сообщенія, Днѣпръ былъ столбовой торговой дорогой для западной полосы русской равнины: верховьями своими онъ близко подходитъ къ Западной Двинѣ и бассейну Ильменя-озера, т. е. къ двумъ важнѣйшимъ дорогамъ въ Балтійское море, а устьемъ соединяетъ центральную Алаунскую возвышенность съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря; притоки Днѣпра, издалека идущіе справа и слѣва, какъ его подъѣздные пути, приближаютъ Поднѣпровье съ одной стороны къ карпатскимъ бассейнамъ Днѣстра и Вислы, а съ другой—къ бассейнамъ Волги и Дона, т. е. къ морямъ Каспійскому и Азовскому. Такимъ образомъ, область Днѣпра захватываетъ всю западную половину русской равнины. Этотъ Днѣпръ и сдѣлался для восточныхъ Славянъ могучей питательной артеріей народнаго хозяйства, втянувъ ихъ въ сложное торговое движеніе, которое шло тогда въ юго-восточномъ углу Европы. Своимъ низовымъ теченіемъ и лѣвыми притоками Днѣпръ потянулъ славянскихъ поселенцевъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рын-

камъ. Это торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Если мы представимъ себѣ нашу равнину въ томъ видѣ, какой она имѣла десять или одиннадцать вѣковъ тому назадъ, то легко можемъ раздѣлить ее на двѣ полосы, на сѣверо-западную лѣсную и юго-восточную степную. Восточные Славяне заняли преимущественно первую; самый городъ Кіевъ возникъ на рубежѣ между обѣими полосами. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставляла Славянамъ обильный матеріалъ для внѣшней торговли: мѣха, медъ, воскъ стали главными статьями русскаго вывоза.

Одно внѣшнее обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Съ конца VII в. по южно-русскимъ степямъ стала распространяться новая азіатская орда, *Хозары*. Это было кочевое племя тюркскаго происхожденія; но оно не было похоже на предшествовавшія ему и слѣдовавшія за нимъ азіатскія орды, преемственно господствовавшія въ южно-русскихъ степяхъ. Хозары скоро стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. Въ VIII в. среди нихъ водворились изъ Закавказья промышленные Евреи и Арабы. Еврейское вліяніе здѣсь было такъ сильно, что династія хозарскихъ кагановъ со своимъ дворомъ, т. е. высшимъ классомъ Хозарскаго общества, приняла іудейство. Раскинувшись на привольныхъ степяхъ по берегамъ Волги и Дона, Хозары основали средоточіе своего государства въ низовьяхъ Волги. Здѣсь столица ихъ Итиль скоро стала огромнымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, евреи, христіане и язычники. Хозары покорили племена восточныхъ Славянъ, жившія близко къ степямъ, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей. Но хозарское иго доставляло покореннымъ большія экономическія выгоды. Съ тѣхъ поръ для нихъ, какъ данниковъ Хозаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Подъ покровительствомъ Хозаръ по этимъ рѣкамъ пошла бойкая торговля изъ Поднѣпровья. Мы встрѣчаемъ рядъ указаній на успѣхи этой торговли. Арабскій писатель Хордадбе, современникъ Рюрика и Аскольда, писавшій не позже 870-хъ годовъ, замѣчаетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ краевъ своей страны къ Черному морю въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ съ нихъ десятину (торговую пошлину), что тѣ же купцы плаваютъ по Волгѣ, спускаются къ хозарской столицѣ, гдѣ властитель хозарскій беретъ съ нихъ также десятину, выходятъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные его берега и даже провозятъ свои товары на верблюдахъ до Багдада. Сколько поколѣній нужно бы-

ло, чтобы проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути съ береговъ Днѣпра и Волхова! Восточная торговля Поднѣпровья, какъ ее описываетъ Хордадбе, могла завязаться по крайней мѣрѣ лѣтъ за сто до этого арабскаго географа. Впрочемъ, есть и прямое указаніе на время, когда завязалась и развивалась эта торговля. Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть ихъ относится къ IX и X вѣку, ко времени наибольшаго развитія восточной торговли Руси. Но есть клады, въ которыхъ самыя позднія монеты не позже начала IX вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII вѣка; изрѣдка попадаются монеты VII вѣка и то лишь самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Эта нумизматическая лѣтопись наглядно показываетъ, что именно въ VIII вѣкѣ завязалась торговля Славянъ днѣпровскихъ съ хозарскимъ и арабскимъ востокомъ. Но этотъ вѣкъ былъ временемъ утвержденія Хозаръ въ южно-русскихъ степяхъ; ясно, что Хозары и были торговыми посредниками между этимъ востокомъ и русскими Славянами.

Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли Славянъ было возникновеніе древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси. *Повѣсть* о началѣ Русской земли не помнитъ, когда возникли эти города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ и др. Въ ту минуту, съ которой она начинаетъ свой разсказъ о Руси, эти города являются уже значительными поселеніями. Но довольно бѣглаго взгляда на географическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть, что они были созданы успѣхами внѣшней торговли Руси: большинство ихъ вытянулось длинной цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Днѣпра—Волхова. Возникновеніе этихъ большихъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ сложнаго экономическаго процесса, завязавшагося среди Славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. Мы видѣли, что восточные Славяне разселялись по Днѣпру и его притокамъ разбросанными одинокими дворами. Съ развитіемъ торговли возникали среди этихъ дворовъ сборные пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда сходились звѣроловы и бортники для торговли, для *гостьбы*, какъ говорили въ старину. Такіе сборные пункты получили названіе *погостовъ*. Мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ путяхъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнѣйшіе города по Днѣпру и его притокамъ. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ.

Преданіе объ основаніи Русскаго государства.

Съ начала IX вѣка хозарское владычество начало замѣтно колебаться. Причиной этого было то, что съ востока въ тылу у Хозаръ появились новыя орды Печенѣговъ и слѣдовавшихъ за ними Узовъ-Торковъ. Въ первой половинѣ IX в. варвары прорвались сквозь хозарскія поселенія и распространились по южно-русскимъ степямъ. Есть два указанія на это, идущія съ разныхъ сторонъ. Въ одной западной лѣтописи, такъ-называемой Бертинской, есть любопытный разсказъ о томъ, какъ въ 839 г. послы отъ народа *Руси* (Rhos), приходившіе въ Константинополь для подтвержденія дружбы, т. е. для возобновленія торговаго договора, не хотѣли возвращаться домой прежней дорогой по причинѣ жившихъ по ней варварскихъ жестокихъ народовъ. Изъ нашихъ источниковъ узнаемъ, какіе это были народы. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ *Повѣсти* о началѣ Русской земли разсказывается, что Аскольдъ и Диръ въ 867 г. избили множество Печенѣговъ. Значитъ, Печенѣги уже около половины IX в. успѣли придвинуться близко къ Кіеву, отрѣзывая среднее Поднѣпровье отъ черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Хозарская власть, очевидно, уже не была въ состояніи оберегать русскихъ купцовъ на востокѣ. Главные торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту торговли и торговыхъ путей. Съ этой минуты они начали вооружаться, опоясываться стѣнами, вводить у себя военное устройство, запасаться ратными людьми. Одно внѣшнее обстоятельство помогло скопленію военнаго люда въ этихъ городахъ. Въ первой половинѣ IX в. на рѣчныхъ путяхъ нашей равнины стали появляться заморскіе пришельцы изъ Скандинавіи, получившіе у насъ названіе *Варяговъ*. Въ X и XI в. эти Варяги постоянно приходили на Русь или съ торговыми цѣлями, или по зову нашихъ князей, набиравшихъ изъ нихъ свои военныя дружины. Но присутствіе Варяговъ на Руси замѣтно уже въ IX в. По словамъ *Повѣсти* о началѣ Русской земли, ихъ много набрали Аскольдъ и Диръ, утвердившись въ Кіевѣ. Упомянутые послы отъ народа Руси, не хотѣвшіе въ 839 г. изъ Константинополя возвратиться домой прежней дорогой, отправлены были съ византійскимъ посольствомъ къ германскому императору Людовику Благочестивому и тамъ, по разслѣдованіи дѣла, по удостовѣреніи ихъ личности, оказались *Свеонами*—Шведами, т. е. Варягами, къ которымъ наша *Повѣсть* причисляетъ и Шведовъ. Эти Ва-

ряги, появившіеся на Руси, по многимъ признакамъ были Скандинавы. Названіе ихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, есть славяно-русская форма скандинавскаго или германскаго слова Wering или Warang, значеніе котораго недостаточно выяснено. Византійцы XI вѣка знали подъ именемъ Βάραγγοι Норманновъ, служившихъ наемными тѣлохранителями у византійскаго императора. Имена первыхъ русскихъ князей—варяговъ и ихъ дружинниковъ почти всѣ скандинавскаго происхожденія; тѣ же имена являются и въ скандинавскихъ сагахъ: *Рюрикъ* въ формѣ Hrörekr, *Труворъ*—Thorvardr, *Олегъ* по древне-кіевскому выговору на *о*—Helgi, женская форма *Ольга* — Helga, у Константина Багрянороднаго Ἔλγα, *Игорь*—Jngvarr, *Оскольдъ*—Höskuldr и т. п.

Эти Варяги-Скандинавы и вошли въ составъ вооруженнаго класса, который сталъ складываться по большимъ торговымъ городамъ Руси подъ вліяніемъ внѣшнихъ опасностей. Варяги являлись къ намъ вооруженными купцами, пробиравшимися въ богатую Византію, чтобы тамъ съ выгодой послужить императору, съ барышомъ поторговать, а иногда и пограбить, если представится къ тому случай. Любопытно, что когда неторговому варягу нужно было скрыть свою личность, онъ прикидывался купцомъ, идущимъ изъ Руси или на Русь. На такой характеръ Варяговъ указываетъ и разсказъ лѣтописи о томъ, какъ обманулъ Олегъ своихъ земляковъ Аскольда и Дира, чтобы выманить ихъ изъ Кіева. Онъ послалъ сказать имъ: «Я купецъ, идемъ мы въ Грецію, придите къ намъ, землякамъ своимъ». Осаживаясь въ большихъ торговыхъ городахъ Руси, Варяги встрѣчали здѣсь классъ населенія, соціально имъ родственный и нуждавшійся въ нихъ, классъ вооруженныхъ купцовъ, и входили въ его составъ, нанимаясь за хорошій кормъ оберегать русскіе торговые пути и торговыхъ людей, т. е. конвоировать русскіе торговые караваны. Какъ скоро изъ туземныхъ и пришлыхъ элементовъ образовался такой классъ въ большихъ торговыхъ городахъ, онъ долженъ былъ измѣнить положеніе послѣднихъ. Когда стало колебаться хозарское иго, эти города сдѣлались независимыми. Мы не знаемъ, какъ они управлялись при Хозарахъ, но можемъ замѣтить, что взявши на себя защиту торговаго движенія, эти города скоро подчинили себѣ свои торговые округа. Это политическое подчиненіе торговыхъ районовъ промышленнымъ центрамъ, теперь вооруженнымъ, повидимому, началось еще до князей, т. е. раньше половины IX вѣка. *Повѣсть* о началѣ Русской земли, разсказывая о первыхъ князьяхъ, вскрываетъ любопытный фактъ: за большимъ городомъ идетъ его округъ, цѣлое племя или часть его. Олегъ взялъ Смоленскъ и посадилъ въ немъ своего посадника; въ силу

этого смоленскіе Кривичи стали признавать власть Олега. Олегъ взялъ Кіевъ, и кіевскіе Поляне вслѣдствіе этого также признали его власть. Такъ цѣлые округа являются въ зависимости отъ своихъ главныхъ городовъ, и эта зависимость, повидимому, установилась помимо и раньше князей. Трудно сказать, какъ она устанавливалась. Можетъ быть, торговые округа добровольно подчинялись городамъ, какъ укрѣпленнымъ убѣжищамъ, подъ давленіемъ внѣшней опасности; еще вѣроятнѣе, что при помощи вооруженнаго класса, скопившагося въ городахъ, послѣдніе силою завладѣвали своими торговыми округами.

Какъ бы то ни было, въ неясныхъ извѣстіяхъ *Повѣсти* о началѣ Русской земли обозначается первая политическая форма, возникшая на Руси около половины IX вѣка: это—*городовая область*, т. е. торговый округъ, управляемый укрѣпленнымъ городомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и промышленнымъ центромъ для этого округа. Эти древнія городовыя области Кіевская, Черниговская, Смоленская и др. и легли въ основаніе областного дѣленія, установившагося на Руси при первыхъ кіевскихъ князьяхъ IX и X вѣка. Это областное дѣленіе не совпадало съ племеннымъ и, слѣдовательно, отъ него не зависѣло. Не было ни одной городовой области, которая бы состояла изъ одного и притомъ цѣльнаго племени; большинство областей составилось изъ разныхъ племенъ или ихъ частей. Такъ Кіевская область составилась изъ Полянъ, Древлянъ и южной части Дреговичей. Напротивъ, племя Сѣверянъ распалось на двѣ городовыя области, Переяславскую и Черниговскую; въ составъ послѣдней вошли еще часть Радимичей и всѣ Вятичи, у которыхъ не было значительныхъ городовъ. Иныя изъ этихъ городовыхъ областей превращались въ *варяжскія княжества*. Въ тѣхъ промышленныхъ пунктахъ, куда съ особенной силой приливали вооруженные пришельцы изъ-за моря, они легко покидали значеніе торговыхъ товарищей или наемныхъ охранителей торговыхъ путей и становились властителями охраняемыхъ ими городовъ. Тогда вождь компаніи такихъ пришельцевъ дѣлался *конингомъ*, по-русски—*княземъ* области захваченнаго города. Какъ совершались такія превращенія, показываетъ одинъ разсказъ нашей начальной лѣтописи. Князь Владиміръ, одолѣвъ брата Ярополка, утвердился въ Кіевѣ съ помощью призванныхъ изъ-за моря Варяговъ въ 980 г. Тогда заморскіе его соратники, почувствовавъ свою силу, сказали своему князю-наемщику: «князь, вѣдь городъ-то нашъ; мы его взяли; такъ мы хотимъ брать съ горожанъ окупъ по двѣ гривны съ человѣка». Владиміръ съ трудомъ сбылъ съ рукъ этихъ назойливыхъ наемниковъ, выпроводивъ ихъ въ Царьградъ. Такимъ образомъ,

иные вооруженные города съ своими областями при извѣстныхъ обстоятельствахъ превращались въ варяжскія княжества. Такъ являются во второй половинѣ IX в. на сѣверѣ княжество Рюрика въ Новгородѣ, Синеусово на Бѣломъ Озерѣ, Труворово въ Изборскѣ, Аскольдово въ Кіевѣ. Въ X в. становятся извѣстны два другія княжества такого же происхожденія: Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ на Припети.

Появленіемъ этихъ варяжскихъ княжествъ вполнѣ объясняется и занесенное въ нашу *Повѣсть* о началѣ Руси *сказаніе о призваніи князей изъ-за моря*. По этому преданію еще до Рюрика Варяги водворились среди новгородцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ славянскихъ и финскихъ, Кривичей, Чуди, Мери, Веси, и наложили на нихъ дань. Потомъ данники отказались ее платить и прогнали Варяговъ опять за море. Оставшись безъ пришлыхъ властителей, туземцы перессорились между собою; не было между ними правды, одинъ родъ возсталъ на другой и пошли между ними усобицы. Утомленные этими усобицами, туземцы собрались и сказали: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ насъ по праву». Порѣшивъ такъ, они отправили пословъ за море къ знакомымъ Варягамъ, приглашая желающихъ изъ нихъ придти владѣть пространной и обильной, но лишенной порядка землей. Три родные брата откликнулись на зовъ и пришли «съ роды своими», т. е. съ дружинами земляковъ. Если снять нѣсколько идиллическій покровъ, которымъ подернуто это сказаніе, то передъ нами откроется очень простое явленіе, не разъ повторявшееся у насъ въ тѣ вѣка. Собравъ разсѣянныя по разнымъ редакціямъ начальнаго лѣтописнаго свода черты преданія, позволяющія возстановить дѣло въ его дѣйствительномъ видѣ, мы узнаемъ, что пришельцы призваны были не для одного внутренняго наряда, т. е. устройства управленія. Преданіе говоритъ, что князья-братья, какъ только усѣлись на своихъ мѣстахъ, начали «города рубить и воевать всюду». Значитъ, они призваны были оборонять туземцевъ отъ какихъ-то внѣшнихъ враговъ, какъ защитники населенія и охранители границъ. Далѣе, князья-братья, повидимому, не совсѣмъ охотно приняли предложеніе славяно-финскихъ пословъ: «едва избрашась», какъ записано въ одномъ изъ лѣтописныхъ сводовъ, «боясь звѣринаго ихъ обычая и нрава». Съ этимъ согласно уцѣлѣвшее извѣстіе, что Рюрикъ не прямо сѣлъ въ Новгородѣ, но сперва предпочелъ остановиться вдали отъ него, при самомъ входѣ въ страну, въ городѣ Ладогѣ, чтобы быть ближе къ родинѣ, куда можно было бы укрыться въ случаѣ нужды. Водворившись въ Новгородѣ, Рюрикъ скоро возбудилъ противъ себя недовольство въ туземцахъ. Въ одномъ сводѣ записано, что черезъ два

года по призваніи новгородцы оскорбились, говоря: «быть намъ рабами и много зла пострадать отъ Рюрика и земляковъ его». Составился даже какой-то заговоръ. Рюрикъ убилъ вождя этого заговора, «храбраго Вадима», и перебилъ много новгородцевъ, его соумышленниковъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще множество новгородскихъ мужей бѣжало отъ Рюрика въ Кіевъ къ Аскольду. Очевидно, заморскіе варяжскіе князья съ дружиной призваны были новгородцами и союзными съ ними племенами для защиты страны отъ какихъ-то внѣшнихъ враговъ и получали опредѣленный кормъ за свои сторожевыя услуги. Но наемные охранители, повидимому, желали кормиться слишкомъ сытно. Тогда поднялся ропотъ среди плательщиковъ корма, подавленный вооруженной рукой. Почувствовавъ свою силу, наемники превратились во властителей. Таковъ простой прозаическій фактъ, повидимому, скрывающійся въ поэтической легендѣ о призваніи князей.

Изъ соединенія мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей образовалось *великое княжество Кіевское*. Образованіе этого княжества было подготовлено указанными выше экономическими и политическими фактами. На какихъ бы пунктахъ русскаго промышленнаго міра ни появлялись варяжскіе князья, ихъ постоянно тянуло къ городу на южной окраинѣ этого міра, замыкавшему цѣпь русскихъ городовъ по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова, — къ Кіеву. Здѣсь заморскіе искатели выгоднаго найма и торговаго барыша могли поживиться всего болѣе. Кіевъ былъ сборнымъ пунктомъ русской торговли; къ нему стекались торговыя лодки отовсюду, съ Волхова, Западной Двины, верхняго Днѣпра и его притоковъ. Кто владѣлъ Кіевомъ, тотъ держалъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ главныхъ воротъ русской торговли. Вотъ почему всѣхъ варяжскихъ князей, появлявшихся на сѣверѣ, тянуло къ Кіеву. Изъ-за него они соперничали другъ съ другомъ и истребляли одинъ другого. Такъ, новгородскій князь Олегъ за Кіевъ погубилъ земляковъ своихъ Аскольда и Дира; такъ и другой новгородскій князь Владиміръ за тотъ же Кіевъ погубилъ своего родного брата Ярополка. Съ другой стороны, всѣ торговые русскіе города стояли въ экономической зависимости отъ Кіева. Въ Кіевѣ сходились нити ихъ благосостоянія; онъ могъ подорвать ихъ торговлю, перерѣзавъ главную артерію хозяйственныхъ оборотовъ страны, не пропуская торговыхъ лодокъ внизъ по Днѣпру къ азовскимъ и черноморскимъ рынкамъ. Поэтому общимъ интересомъ этихъ городовъ было имѣть друзей въ Кіевѣ, чтобы изъ Кіева имѣть свободный выходъ на степныя торговыя дороги. Этотъ общій интересъ явственно сказывается въ разсказѣ нашей древней *По-*

вѣсти о первыхъ князьяхъ, утверждавшихся въ Кіевѣ. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившись отъ дружины Рюрика, безпрепятственно спустились Днѣпромъ до Кіева и безъ замѣтной борьбы овладѣли имъ вмѣстѣ со всею землею Полянъ. Дальнѣйшая дѣятельность этихъ варяжскихъ князей въ Кіевѣ объясняетъ причины ихъ успѣха. *Повѣсть* замѣчаетъ, что послѣ Кія, основателя Кіева, Полянъ обижали Древляне и другія окольныя племена. Поэтому Аскольдъ и Диръ, какъ только утвердились въ Кіевѣ, вступили въ борьбу съ этими племенами, а потомъ, собравъ Варяговъ, предприняли походъ на Царьградъ. Современникъ и очевидецъ этого нападенія константинопольскій патріархъ Фотій говоритъ въ одной произнесенной по этому случаю проповѣди, что Русь тихонько подкралась къ Константинополю, чтобы отмстить за избіеніе своихъ земляковъ, вѣроятно, купцовъ; слѣдовательно, нападеніе вызвано было насильственнымъ перерывомъ торговыхъ сношеній Руси со стороны Византіи. Такой же рядъ явленій повторился и въ исторіи Олега, шедшаго по слѣдамъ Аскольда. Онъ также безпрепятственно спустился изъ Новгорода по Днѣпру, безъ труда захватилъ по дорогѣ Смоленскъ и Любечъ и безъ борьбы завладѣлъ Кіевомъ, погубивъ своихъ земляковъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ началъ рубить вокругъ него новые города для защиты границъ страны отъ набѣговъ изъ степей, потомъ съ соединенными силами разныхъ племенъ предпринялъ новый походъ на Царьградъ, кончившійся заключеніемъ торговаго договора. Значитъ, и этотъ походъ былъ предпринятъ для того, чтобы возстановить торговыя сношенія Руси съ Византіей. Обоихъ вождей, повидимому, дружно поддерживали въ ихъ походахъ всѣ прибрежныя племена по торговымъ линіямъ Днѣпра-Волхова и другихъ большихъ рѣкъ, т. е. обитатели торговыхъ городовъ Руси. По крайней мѣрѣ въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Олега мы читаемъ, что кромѣ подвластныхъ Олегу племенъ участвовали въ этомъ походѣ и племена неподвластныя, отдаленные Дулѣбы и Хорваты, т. е. племена, жившія въ области верховьевъ Днѣстра и обоихъ Буговъ, по сѣверо-восточнымъ склонамъ и предгорьямъ Карпатъ. Охрана границъ отъ степныхъ варваровъ-кочевниковъ и далекіе походы на Царьградъ для поддержанія торговыхъ сношеній съ Греками, очевидно, вызывали общее и дружное содѣйствіе во всемъ промышленномъ мірѣ по торговымъ линіямъ Днѣпра-Волхова и другихъ рѣкъ равнины. Этотъ общій интересъ и соединилъ прибрежные торговые города подъ властью князя кіевскаго.

Таковы были условія, при содѣйствіи которыхъ образовалось великое княжество Кіевское. Оно было создано соединеніемъ подъ властью

кіевскаго князя мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ и торговыхъ областей Руси. Кіевское княжество Олега и его преемниковъ было первой формой Русскаго государства, соединившаго подъ одною властью всѣ восточныя славянскія племена и нѣкоторыя сосѣднія финскія. Изъ хода его образованія видно, что это княжество имѣло военно-промышленное происхожденіе: его создалъ вождь вооруженной дружины, поддержанный промышленными городами Руси, нуждавшимися въ вооруженной силѣ для обороны границъ земли и торговыхъ путей.

Вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси. Этотъ вопросъ болѣе ста лѣтъ занимаетъ изслѣдователей русской исторіи и доселѣ остается не вполнѣ разрѣшеннымъ. Причина этого заключается въ сбивчивости извѣстій о Варягахъ-Руси, какія сохранились въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Начальная лѣтопись считаетъ Русь варяжскимъ племенемъ, а Варяговъ то признаетъ общимъ названіемъ разныхъ германскихъ народовъ, обитавшихъ въ сѣверной Европѣ, преимущественно по *Варяжскому* (Балтійскому) морю, каковы Шведы, Норвежцы, Готы, Англы, то какъ будто видитъ въ нихъ особое племя, принадлежавшее къ числу этихъ народовъ наравнѣ съ Русью. Въ лѣтописныхъ сводахъ XVI в. появляется сказаніе о призваніи перваго русскаго князя Рюрика изъ Прусской земли. Путемъ усиленныхъ изысканій и продолжительныхъ споровъ въ нашей исторіографіи сложились два главныя мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси. Одни, держась текста начальной лѣтописи, настаиваютъ на скандинавскомъ ихъ происхожденіи. Такое мнѣніе высказано было въ первой половинѣ прошлаго вѣка ученымъ нѣмцемъ, членомъ русской Академіи Наукъ Байеромъ, который видѣлъ въ Варягахъ не какое-либо отдѣльное скандинавское племя, а дружины, составлявшіяся изъ разныхъ скандинавскихъ племенъ и нанимавшіяся на службу къ князьямъ Россіи. Въ XIX столѣтіи это мнѣніе поддерживалось Погодинымъ, Куникомъ и Соловьевымъ. Но уже въ прошломъ столѣтіи это мнѣніе вызвало возраженіе со стороны Ломоносова, который приписывалъ Варягамъ славянское происхожденіе. Въ послѣднее время гипотеза о славянскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси усиленно разрабатывалась Гедеоновымъ и его послѣдователями. Эта школа отдѣлила вопросъ о Варягахъ отъ вопроса о Руси. Варяговъ она считаетъ наемными дружинами смѣшаннаго состава изъ Скандинавовъ и Славянъ южнобалтійскаго поморья (Помераніи), а Русь производитъ съ острова Ругіи (Рюгена), откуда могли быть призваны первые русскіе князья, или же считаетъ ее общимъ стариннымъ названіемъ днѣпровскихъ Славянъ, идущимъ отъ племени Роксаланъ, т. е. Россаланъ, которые въ началѣ на-

шей эры обитали въ южной Россіи и будто бы были предками днѣпровскихъ Славянъ. Но если можно считать вѣроятнымъ скандинавское происхожденіе Варяговъ или, по крайней мѣрѣ, присутствіе Скандинавовъ въ варяжскихъ дружинахъ, появлявшихся на Руси въ IX вѣкѣ, то ученыя изслѣдованія и гипотезы доселѣ не объяснили достаточно ни историческаго происхожденія самой *Руси*, ни этимологическаго значенія ея названія.[1] Можно только обозначить различныя значенія, какія имѣло это слово въ первые вѣка нашей исторіи. По предположенію автора древней *Повѣсти* о Русской землѣ первоначальное значеніе его было *племенное*: такъ называлось то варяжское племя, изъ котораго вышли первые наши князья. Потомъ это слово получило *сословное* значеніе: Русью назывался высшій классъ русскаго общества, преимущественно княжеская дружина. Позднѣе это слово является съ *географическимъ* значеніемъ: такъ называлась Кіевская область, гдѣ преимущественно сосредоточивались пришлые Варяги. Наконецъ, въ XI и XII в. слово это, не теряя своего географическаго значенія, получаетъ еще значеніе *политическое*: такъ стала называться вся территорія, подвластная русскимъ князьямъ.

Общія черты дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей.

Общій интересъ, создавшій великое княжество Кіевское, внѣшняя торговля, направлялъ и его дальнѣйшее развитіе, руководилъ какъ внутренней, такъ и внѣшней дѣятельностью первыхъ кіевскихъ князей. Читая начальную лѣтопись, мы встрѣчаемъ рядъ полуисторическихъ, полусказочныхъ преданій о князьяхъ кіевскихъ IX и X вѣка, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ. Вслушиваясь въ эти преданія, можно уловить основныя побужденія, которыя направляли дѣятельность этихъ князей. Утвердившись въ Кіевѣ, князья съ 882 г. постепенно покорили славянскія племена равнины и начали устанавливать въ подвластной странѣ государственный порядокъ, прежде всего, разумѣется, администрацію налоговъ. Въ подчиненныхъ областяхъ они сажали своихъ намѣстниковъ, *посадниковъ*, которыми были либо ихъ дружинники, либо собственные сыновья и родственники. Эти намѣстники имѣли свои дружины, вооруженные отряды, дѣйствовали довольно независимо, стояли въ слабой связи съ государственнымъ центромъ, съ Кіевомъ, были такими

же варяжскими конунгами, какъ и князь кіевскій, который считался только старшимъ между ними и въ этомъ смыслѣ назывался *великимъ княземъ русскимъ*; въ договорѣ Олега съ Греками 912 года они прямо такъ и зовутся «свѣтлыми князьями», подручными Олегу. Нѣкоторые изъ этихъ намѣстниковъ, покоривъ то или другое племя, получали его отъ великаго князя въ управленіе съ правомъ собирать съ него дань въ свою пользу: Игоревъ воевода Свѣнельдъ, побѣдивъ славянское племя Улучей, обитавшее по нижнему Днѣпру, получалъ въ свою пользу дань не только съ этого племени, но и съ Древлянъ, такъ что его дружина, *отроки*, жила богаче дружины самого Игоря. Главной цѣлью княжеской администраціи былъ сборъ налоговъ. Олегъ, какъ только утвердился въ Кіевѣ, сталъ хлопотать объ установленіи дани съ подвластныхъ племенъ. Ольга объѣзжала подвластныя земли и также вводила «уставы и оброки, дани и погосты», т. е. учреждала сельскіе судебно-податные округа. Дань получалась двумя способами: или подвластныя племена привозили ее въ Кіевъ, или князья сами ѣздили за нею по племенамъ. Первый способъ сбора дани назывался *повозомъ*, второй *полюдьемъ*. Полюдье—это административно-финансовая поѣздка князя по подвластнымъ племенамъ. Дань обыкновенно собиралась натурою, преимущественно мѣхами. Впрочемъ, есть извѣстіе, что Вятичи въ X вѣкѣ платили дань Хозарамъ *шлягами* (шиллингъ), т. е. звонкой монетой; подъ этимъ нѣмецкимъ названіемъ, вѣроятно, разумѣлись всякія иноземныя металлическія деньги, обращавшіяся тогда на Руси, преимущественно арабскія серебряныя диргемы, которыя путемъ торговли во множествѣ приливали тогда на Русь. Императоръ византійскій Константинъ Багрянородный, писавшій въ половинѣ X вѣка, въ своемъ сочиненіи объ управленіи имперіей рисуетъ намъ изобразительную картину полюдья современнаго ему русскаго князя. Въ началѣ ноября, когда, слѣдовательно, устанавливался зимній путь, князь «со всею Русью», т. е. съ дружиной, выходилъ изъ Кіева εἰς τὰ πολίδια, въ городки, какъ казалось Багрянородному, а въ самомъ дѣлѣ на *полюдье*, о которомъ ему говорили его славяно-русскіе разсказщики. Князь отправлялся для сбора дани къ Сѣверянамъ, Древлянамъ, Кривичамъ и другимъ славянскимъ племенамъ, платившимъ дань Руси, и въ этомъ объѣздѣ проводилъ всю зиму. Между тѣмъ какъ князь съ дружиной блуждалъ по подвластнымъ землямъ, племена, платившія дань Руси, въ продолженіе зимы рубили деревья, дѣлали изъ нихъ лодки и весною, въ апрѣлѣ, спускали ихъ по рѣкамъ и озерамъ къ Кіеву, вытаскивали ихъ здѣсь на берегъ и дожидались возвращенія Руси. Въ томъ же апрѣлѣ по полой

водѣ съ данью, собранною зимой, Русь возвращалась въ Кіевъ, покупала эти лодки, оснащивала и грузила ихъ и сплавляла по Днѣпру въ Константинополь, прихвативъ съ собою торговыя лодки русскихъ купцовъ изъ Смоленска, Новгорода и другихъ городовъ. Читая этотъ разсказъ, легко понять, какими товарами нагружала Русь свои торговые караваны лодокъ, сплавлявшихся лѣтомъ къ Царьграду: это была дань натурой, собранная княземъ и его дружиной во время зимняго объѣзда. Къ торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простыхъ русскихъ купцовъ, чтобы подъ защитой княжеской дружины дойти до Царьграда. Въ договорѣ Игоря съ Греками между прочимъ читаемъ, что великій князь русскій и его бояре ежегодно могутъ присылать къ великимъ царямъ греческимъ столько кораблей, сколько захотятъ, съ *послами и гостями*, т. е. со своими собственными приказчиками и съ вольными русскими купцами. Этотъ разсказъ византійскаго императора наглядно указываетъ намъ на тѣсную связь между ежегоднымъ оборотомъ политической и экономической жизни Руси. Дань, которую собиралъ кіевскій князь, какъ правитель, служила ему въ то же время средствомъ и для торговыхъ оборотовъ; ставъ государемъ, какъ конунгъ, онъ, какъ варягъ, не переставалъ еще быть вооруженнымъ купцомъ. Въ томъ же разсказѣ Константина живо обрисовывается и централизующее значеніе Кіева, какъ средоточія политической и хозяйственной жизни Руси.

Такъ устроялась *внутренняя* политическая жизнь въ Кіевскомъ княжествѣ IX и X в. Легко замѣтить основной интересъ, руководившій этой жизнью. Дань, шедшая князю, питала внѣшнюю торговлю Руси. Этотъ же основной общественный интересъ направлялъ и *внѣшнюю* дѣятельность кіевскихъ князей. Дѣятельность эта была направлена къ двумъ цѣлямъ: 1) къ пріобрѣтенію и удержанію заморскихъ рынковъ, 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которые вели къ этимъ рынкамъ. Самымъ виднымъ явленіемъ во внѣшней исторіи Руси до половины XI вѣка были военные походы кіевскихъ князей на Царьградъ; до смерти Ярослава ихъ можно насчитать шесть, если не считать похода Владиміра на византійскую колонію Херсонесъ Таврическій. Достаточно видѣть причину перваго и послѣдняго изъ этихъ походовъ, чтобы замѣтить главное побужденіе, которымъ они вызывались. Въ 864 г. Аскольдъ и Диръ напали на Царьградъ, раздраженные, по словамъ патріарха Фотія, умерщвленіемъ своихъ соплеменниковъ, очевидно, русскихъ купцовъ, послѣ того какъ византійское правительство отказало Руси въ удовлетвореніи за эту обиду. Въ 1043 г. великій князь кіев-

скій Ярославъ послалъ на Грековъ своего сына Владиміра съ флотомъ, потому что въ Константинополѣ избили русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили. Итакъ, византійскіе походы вызывались стремленіемъ Руси поддержать и возстановить свои порывавшіяся торговыя сношенія съ Византіей. Вотъ почему эти походы обыкновенно оканчивались торговыми трактатами. Такой торговый характеръ имѣютъ всѣ дошедшіе до насъ договоры Руси съ Греками X в. Изъ нихъ дошли до насъ два договора Олега, одинъ Игоревъ и одинъ краткій договоръ или только отрывокъ договора Святославова. Читая эти договоры, легко замѣтить, какой интересъ связывалъ Русь съ Византіей. Всего подробнѣе и точнѣе опредѣленъ въ нихъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей; съ этой стороны они отличаются замѣчательной юридической выработкой. Ежегодно лѣтомъ русскіе торговцы являлись въ Константинополь на торговый сезонъ, продолжавшійся шесть мѣсяцевъ; никто изъ Русскихъ не имѣлъ права оставаться въ Константинополѣ на зиму. Русскіе купцы останавливались въ предмѣстьѣ Константинополя у святого Мамы (давно исчезнувшій монастырь св. Мамонта). Императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева кораблей, переписывали имена прибывшихъ княжескихъ пословъ и гостей. Эти послы и гости во время своего пребыванія въ Константинополѣ пользовались отъ мѣстнаго правительства даровой баней и даровымъ кормомъ—знакъ, что на эти торговыя поѣздки въ Константинополѣ смотрѣли не какъ на частныя промышленныя предпріятія, а какъ на торговыя посольства союзнаго кіевскаго правительства. Послы получали свои посольскіе оклады, а простые купцы *мѣсячину*, мѣсячный кормъ, который имъ раздавался въ извѣстномъ порядкѣ по старшинству городовъ, сначала кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ, смоленскимъ. Такой порядокъ торговыхъ сношеній съ Византіей установленъ былъ договорами Олега и Игоря.

Другой заботой кіевскихъ князей была поддержка и охрана торговыхъ путей, которые вели къ заморскимъ рынкамъ. Тотъ же императоръ Константинъ ярко рисуетъ опасности, которыя долженъ былъ одолѣвать русскій торговый флотъ на своемъ пути въ Византію. Собранные на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ караваны княжескихъ, боярскихъ и купеческихъ лодокъ двигались вмѣстѣ къ порогамъ. Приближаясь къ нимъ, Русь высаживала на берегъ и выдвигала въ степь вооруженный отрядъ, который не допускалъ бы Печенѣговъ до рѣки: съ высокаго днѣпровскаго берега легко было перестрѣлять всѣхъ людей на лодкахъ. Най-

болѣе опасныя мѣста пороговъ обходили, перетаскивая лодки волокомъ по берегу и перегоняя скованную челядь, составлявшую одинъ изъ главныхъ русскихъ товаровъ. Выбравшись благополучно въ устья Днѣпра, Русь приносила благодарственную жертву своимъ богамъ, и, держась берега, двигалась моремъ. Приближаясь къ устьямъ Дуная, караванъ опять высылалъ на берегъ сторожевой отрядъ, чтобы отбить поджидавшихъ тутъ Печенѣговъ. Тѣмъ же порядкомъ отъ устьевъ Дуная караванъ вдоль береговъ двигался къ Константинополю. Читая подробное описаніе этихъ путешествій у императора, живо чувствуешь, для чего нужна была русской торговлѣ вооруженная охрана при движеніи русскихъ купцовъ къ Константинополю.

Но преграждая степные пути русской торговли, кочевники безпокоили и самыя границы Русской земли. Отсюда третья забота русскихъ князей—ограждать и оборонять предѣлы Руси отъ степныхъ варваровъ. Олегъ, по разсказу *Повѣсти* о началѣ Русской земли, какъ только утвердился въ Кіевѣ, началъ города ставить вокругъ него. Владиміръ, ставъ христіаниномъ, сказалъ: «худо, что мало городовъ около Кіева», и началъ строить города по рѣкамъ Стугнѣ, Деснѣ, Трубежу, Сулѣ и др. Эти укрѣпленные пункты заселялись боевыми людьми, которые вербовались изъ разныхъ племенъ славянскихъ и финскихъ, населявшихъ русскую равнину. Съ теченіемъ времени эти укрѣпленныя мѣста соединялись между собою валами и засѣками. Такъ по южнымъ и юго-восточнымъ границамъ тогдашней Руси, на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра, выведены были въ X и XI в. ряды земляныхъ окоповъ и сторожевыхъ заставъ, городковъ, чтобы сдерживать нападенія кочевниковъ. Все княженіе Владиміра прошло въ упорной борьбѣ съ Печенѣгами, которые раскинулись по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра восемью ордами, дѣлившимися каждая на пять колѣнъ. Около половины X вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, передовыя кибитки Печенѣговъ придвигались на разстояніе одного дня пути къ Кіеву, т. е. верстъ на 40 отъ него къ р. Стугнѣ (правый притокъ Днѣпра). Въ продолженіе полувѣковой упорной борьбы при Святославѣ и Владимірѣ Русь успѣла пробиться въ степь до линіи р. Роси, гдѣ преемникъ Владиміра Ярославъ «поча ставити городы», населяя ихъ плѣнными Ляхами.

Первые русскіе князья своимъ мечомъ очертили довольно широкій кругъ земель, политическимъ центромъ котораго былъ Кіевъ. Населеніе этой территоріи было довольно пестрое: въ составъ его постепенно вошли не только всѣ восточныя славянскія племена, но и нѣкоторыя изъ финскихъ: Чудь прибалтійская, Весь бѣлозерская, Меря ростовская и Муро-

ма по нижней Окѣ. Среди этихъ инородческихъ племенъ рано появились русскіе города. Такъ среди прибалтійской Чуди при Ярославѣ возникъ Юрьевъ (Дерптъ); еще раньше являются правительственныя русскія средоточія среди финскихъ племенъ на востокѣ, среди Муромы, Мери и Веси,—Муромъ, Ростовъ и Бѣлозерскъ. Ярославъ построилъ еще на берегу Волги городъ, названный по его княжескому имени Ярославлемъ. Русская территорія такимъ образомъ простиралась съ сѣвера на югъ отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣки Роси, праваго притока Днѣпра, а съ востока на западъ—отъ впаденія Клязьмы въ Оку до верхняго теченія Западнаго Буга, гдѣ при кн. Владимірѣ возникъ г. Владиміръ. Страна древнихъ Хорватовъ Галиція была въ X и XI в. спорнымъ краемъ, переходившимъ между Польшею и Русью изъ рукъ въ руки. Нижнее теченіе р. Оки, которая была восточной границей Руси, находилось, повидимому, внѣ власти кіевскаго князя, какъ и низовья южныхъ рѣкъ Днѣпра, Южнаго Буга и Днѣстра.

Порядокъ княжескаго владѣнія Русской землей по смерти Ярослава.

Довольно трудно сказать, какой порядокъ княжескаго владѣнія существовалъ на Руси при предшественникахъ Ярослава. Иногда власть какъ будто переходила отъ одного князя къ другому по старшинству. Такъ преемникомъ Рюрика былъ не малолѣтній сынъ его Игорь, а родственникъ Олегъ, по преданію его племянникъ. Иногда всею землею правилъ одинъ князь; но это было, повидимому, тогда, когда не было на-лицо другихъ взрослыхъ князей. Слѣдовательно, единовластіе до половины XI вѣка было политической случайностью, а не политическимъ порядкомъ. Какъ скоро у князя подростало нѣсколько сыновей, каждый изъ нихъ обыкновенно еще при жизни отца получалъ извѣстную область въ управленіе. Такъ Святославъ, собираясь во второй походъ на Дунай противъ Болгаръ, роздалъ волости на Руси тремъ сыновьямъ своимъ; точно такъ же поступилъ со своими сыновьями и Владиміръ.

По смерти Ярослава власть надъ Русской землей уже не сосредоточивается въ однѣхъ рукахъ. Единовластіе, имѣвшее иногда мѣсто до Ярослава, не повторяется: родъ Ярослава размножается все болѣе и земля Русская дѣлится между всѣми наличными князьями. Посмотримъ прежде

всего, какъ раздѣлилась она между Ярославичами тотчасъ по смерти Ярослава. Ихъ было тогда на-лицо шестеро: пять сыновей Ярослава и внукъ Ростиславъ отъ старшаго Ярославова сына Владиміра, умершаго еще при жизни отца. Мы не считаемъ выдѣлившихся раньше князей полоцкихъ, потомковъ старшаго Ярославова брата Изяслава, перваго Владимірова сына отъ Рогнѣды. Старшій Ярославичъ Изяславъ сѣлъ въ Кіевѣ, присоединивъ къ нему и Новгородскую волость: значитъ, въ его рукахъ сосредоточились оба конца рѣчного пути «изъ Варягъ въ Греки». Второму сыну Ярослава Святославу досталась область днѣпровскаго притока Десны, земля Черниговская съ отдаленной Муромо-Рязанской окраиной и съ азовской колоніей Руси Тмутороканью, возникшей на мѣстѣ старинной византійской колоніи Таматарха (Тамань). Третій Ярославичъ Всеволодъ сѣлъ въ Переяславлѣ южномъ (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи) и получилъ въ прибавокъ къ этой волости отдаленный край Суздальскій и Бѣлозерскій въ верхнемъ Поволжьѣ. Четвертый Вячеславъ сѣлъ въ Смоленскѣ, пятый Игорь на Волыни, гдѣ правительственнымъ центромъ сталъ построенный при Владимірѣ городъ Владиміръ (на р. Лугѣ, притокѣ Западнаго Буга). Сирота-племянникъ Ростиславъ получилъ отъ дядей отдаленный Ростовскій край среди владѣній Всеволода Переяславскаго. Легко замѣтить двойное соображеніе, какимъ руководились Ярославичи при такомъ раздѣлѣ Русской земли: они распредѣлили ея части между собою по своему относительному старшинству и по сравнительной доходности этихъ частей. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ лучше и богаче волость ему доставалась. Раздѣлъ, слѣдовательно, основанъ былъ на согласованіи порядка старшинства князей съ экономическимъ значеніемъ областей. Старшему брату достался первый по богатству городъ на Руси Кіевъ съ областью. Писатель начала XI вѣка Титмаръ Мерзебургскій считаетъ Кіевъ чрезвычайно большимъ и крѣпкимъ городомъ, въ которомъ около 400 церквей и 8 рынковъ. За Кіевомъ по богатству и значенію слѣдовалъ Черниговъ, доставшійся второму Ярославичу и т. д. Какъ владѣли Ярославичи Русской землей при дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ наличномъ составѣ ихъ семьи? Въ 1057 году умеръ четвертый Ярославичъ Вячеславъ смоленскій, оставивши сына. Старшіе Ярославичи перевели въ Смоленскъ Игоря съ Волыни, а на его мѣсто на Волынь перевели изъ Ростова племянника Ростислава. Въ 1060 г. умеръ младшій Ярославичъ Игорь смоленскій, также оставившій сыновей. Старшіе братья не отдали Смоленска ни этимъ сыновьямъ, ни Ростиславу. Послѣдній, однако, считалъ себя въ правѣ перемѣститься по очереди съ Волыни въ Смоленскъ, осердился на дядей и убѣжалъ въ

Тмуторокань собирать силы для мести. Въ 1073 году Ярославичи Святославъ и Всеволодъ заподозрили старшаго брата Изяслава въ какихъ-то козняхъ, направленныхъ противъ братьевъ, и выгнали его изъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ сѣлъ Святославъ, а въ Черниговъ перешелъ на его мѣсто Всеволодъ. Въ 1076 году Святославъ умеръ; на его мѣсто изъ Чернигова перешелъ Всеволодъ. Но скоро Изяславъ вернулся на Русь съ польской помощью. Тогда Всеволодъ уступилъ ему Кіевъ и воротился въ Черниговъ. По смерти Изяслава въ 1078 году Всеволодъ, единственный изъ сыновей Ярослава, остававшійся въ живыхъ, снова перемѣстился на старшій столъ въ Кіевъ. Въ 1093 году умеръ Всеволодъ. На сцену тогда выступаетъ поколѣніе внуковъ Ярослава и на кіевскій столъ садится сынъ старшаго Ярославича Святополкъ Изяславичъ. Достаточно перечисленныхъ случаевъ, чтобы видѣть, какой порядокъ владѣнія установился между Ярославичами. Они не являются постоянными, неподвижными владѣльцами областей, доставшихся имъ по раздѣлу: съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ княжеской семьи младшіе родичи, слѣдовавшіе за умершимъ, передвигались изъ волости въ волость. Это передвиженіе слѣдовало извѣстной очереди, совершалось въ порядкѣ старшинства князей. Въ этой очереди выражалась мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія Русской землей: Ярославичи владѣли ею не раздѣляясь, а *передѣляясь*, чередуясь по старшинству. Эта очередь устанавливала измѣнчивое соотношеніе наличнаго числа князей съ количествомъ княжескихъ волостей или владѣній. Всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣствицу. Точно также вся Русская земля представляла лѣствицу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣствицъ, генеалогической и территоріальной, лѣствицы лицъ и лѣствицы областей. Наверху лѣствицы лицъ стоялъ старшій изъ наличныхъ князей, великій князь кіевскій. Это старшинство давало ему кромѣ обладанія лучшей волостью извѣстныя права надъ младшими родичами. Онъ носилъ званіе *великаго*, т. е. старшаго князя, названнаго отца своей братіи; онъ судилъ младшихъ родичей, которые «ходили въ его послушаніи», разбиралъ между ними ссоры, заботился объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ, былъ высшій попечитель Русской земли, «думалъ-гадалъ о Русской землѣ», о чести своей и своихъ родичей. Но руководя Русью и родичами, великій князь въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не одинъ, а собиралъ князей на общій совѣтъ, заботился объ исполненіи постановленій этого родственнаго совѣта, вообще дѣйствовалъ, какъ представитель и исполнитель воли всего державнаго княжескаго рода.

Внутреннее состояніе Русской земли съ половины XI в. до нашествія Татаръ.

Различныя препятствія мѣшали мирному и правильному дѣйствію описаннаго порядка княжескаго владѣнія Русской землею. Эти препятствія легко замѣтить, слѣдя за ходомъ отношеній между потомками Ярослава (*Учебн. кн. русск. ист.*, Соловьева, главы VI—IX). Старшіе князья обижали младшихъ родичей, особенно тѣхъ, которые рано сиротѣли и оставались безъ защиты (князей-*изгоевъ*), обдѣляли ихъ при раздѣлѣ волостей въ пользу своихъ сыновей; главные города областей со своими вѣчами вмѣшивались въ отношенія князей и путали ихъ родовые счеты; честолюбивые и даровитые князья старались подняться выше старшихъ родичей; наконецъ, по мѣрѣ размноженія Ярославова потомства, князьямъ все труднѣе становилось разсчитывать свои отношенія по старшинству. Затрудненія, проистекавшія изъ этихъ препятствій, разрѣшались усобицами князей или улаживались ихъ договорами, *рядами*. Подъ вліяніемъ очередного порядка княжескаго владѣнія и условій, его разстраивавшихъ, складывался политическій и гражданскій порядокъ въ Русской землѣ въ продолженіе почти двухъ столѣтій со смерти Ярослава.

Политическій порядокъ. Управленіе и составъ общества. Носителемъ верховной власти въ Русской землѣ былъ весь княжескій родъ: отдѣльные князья считались только временными владѣльцами княжествъ, доставшихся имъ по очереди старшинства. При сыновьяхъ и внукахъ Ярослава эта владѣльческая очередь простиралась на всю Русскую землю. Въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ Ярославова рода, когда онъ распался на отдѣльныя вѣтви, каждая вѣтвь завела свою мѣстную очередь владѣнія въ той части Русской земли, гдѣ она утвердилась. Эти части, *земли*, какъ ихъ называетъ лѣтопись XII вѣка, почти всѣ были тѣ же самыя городовыя области, которыя образовались вокругъ древнихъ торговыхъ городовъ еще до призванія князей: *Кіевская*, *Переяславская*, *Черниговская*, *Смоленская*, *Полоцкая*, *Новгородская*, *Ростовская*. Къ этимъ древнимъ областямъ присоединились образовавшіяся позднѣе области *Волынская*, *Галицкая*, *Муромо-Рязанская*. Изъ этихъ земель три—Кіевская, Переяславская и Новгородская, оставались въ общемъ владѣніи княжескаго рода, или, точнѣе, служили предметомъ спора для князей; въ остальныхъ основались отдѣльныя линіи княжескаго рода: въ

Полоцкой—потомство Владимірова сына Изяслава, въ Черниговской—линія Ярославова сына Святослава, въ Волынской, Смоленской и Ростовской—вѣтви Мономахова потомства и т. д. Эти земли, какъ мы уже видѣли, не совпадали съ древнимъ племеннымъ дѣленіемъ русскаго славянства: такъ племя Сѣверянъ распалось на двѣ земли или области, Переяславскую и Черниговскую, а нѣкоторыя племена не образовали особыхъ земель, напримѣръ, Радимичи, которые вошли въ составъ другихъ областей, Смоленской и Черниговской. Устроителями этихъ областей были древніе торговые города Руси, по именамъ которыхъ онѣ и назывались. Эти города и въ XII в. сохраняли прежнее руководящее значеніе въ своихъ областяхъ. Въ каждомъ изъ нихъ собиралось изъ горожанъ *вѣче*, имѣвшее законодательную власть надъ всей городовой областью. Одинъ лѣтописецъ XII вѣка свидѣтельствуетъ, что вѣчевыя постановленія Кіева, Смоленска, Новгорода и другихъ старшихъ областныхъ городовъ имѣли обязательную силу для пригородовъ или младшихъ городовъ ихъ областей. Князья, владѣвшіе этими вѣчевыми городами, должны были вступать въ соглашеніе съ ними, заключать съ ихъ вѣчами договоры, ряды, объ условіяхъ и порядкѣ владѣнія областью. Управленіе цѣлой землей рѣдко сосредоточивалось въ рукахъ одного князя: обыкновенно она дѣлилась на нѣсколько княжествъ по числу наличныхъ взрослыхъ князей извѣстной линіи. Эти измѣнчивыя владѣнія назывались *волостями* или *надѣлками* князей: такъ въ Черниговской землѣ были княжества *Черниговское*, *Сѣверское* (область Новгорода Сѣверскаго), *Курское*, *Трубчевское*. Княжества, на которыя распадалась извѣстная земля или область, были неодинаковы по пространству и доходности, дѣлились на старшія и младшія, и княжеская линія, владѣвшая областью, старалась наблюдать въ обладаніи ея частями или волостями ту же очередь старшинства, какой слѣдовали прежде сыновья и внуки Ярослава во владѣніи всей Русской землею, доставшейся имъ отъ ихъ отцовъ и дѣда.

Каждое княжество подраздѣлялось на административные округа, на городскія и сельскія общества. Эти общества, связанныя круговою порукою обывателей въ уплатѣ податей князю и въ охранѣ общественной безопасности, называются въ Русской Правдѣ *верьями;* сельскіе округа въ другихъ памятникахъ XII вѣка носятъ еще названіе *погостовъ*. На князѣ, какъ верховномъ правителѣ, лежала забота объ устройствѣ и поддержаніи общественнаго порядка въ волости и объ охранѣ ея отъ внѣшнихъ враговъ. Для этого князь содержалъ при себѣ дружину, которая служила ему орудіемъ управленія и была главной боевой силой княжества. Старшіе члены дружины, бояре, составляли думу князя, съ

которой онъ совѣтовался о дѣлахъ правленія. Членовъ дружины назначалъ онъ на разныя правительственныя должности. Военнымъ правителемъ главнаго города области былъ *воевода* или *тысяцкій*, называвшійся такъ потому, что изъ обывателей главныхъ областныхъ городовъ составлялись полки или *тысячи*, подраздѣлявшіяся на *сотни* и *десятки* (батальоны и роты) съ сотскими и десятскими во главѣ. Эти городовые полки участвовали въ военныхъ походахъ князей наравнѣ съ ихъ дружинами. Во второстепенныхъ городахъ княжества, гдѣ не было княжескихъ *столовъ* или резиденцій, вмѣсто князя правили его намѣстники, *посадники*. Впрочемъ старшіе вѣчевые города присвояли себѣ право назначать на вѣчѣ посадниковъ въ пригороды своихъ областей. Судъ въ городахъ и сельскихъ округахъ княжества творили именемъ князя его *тіуны* или *вирники*, собиравшіе *виры*, пени за убійство. Управленіе княжествомъ доставляло князю средства для содержанія его дружины. Они состояли въ *дани*, прямомъ налогѣ на податное населеніе княжества, и въ *пошлинахъ* торговыхъ и судебныхъ, т. е. въ косвенныхъ налогахъ, собиравшихся съ продажи товаровъ и съ судебныхъ дѣлъ. Изъ этихъ доходовъ князь платилъ денежное жалованье своей дружинѣ; правительственныя должности также соединены были съ извѣстными доходами въ пользу занимавшихъ ихъ дружинниковъ.

Руководя управленіемъ княжества, князь имѣлъ важное вліяніе и на составъ управляемаго общества. Въ древнихъ памятникахъ сохранились неясные слѣды сословнаго дѣленія у восточныхъ Славянъ до призванія князей. Искони у нихъ существовало рабство, главнымъ источникомъ котораго былъ плѣнъ. Византійскій императоръ Маврикій пишетъ, что у задунайскихъ Славянъ его времени (VI—VII вв.) плѣнники не оставались рабами всю жизнь, какъ у другихъ народовъ, но по истеченіи извѣстнаго срока могли выкупиться и возвратиться на родину или остаться жить среди Славянъ вольными людьми. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды упоминается привилегированный классъ, носящій древнее названіе *огнищанъ*, которое въ другихъ спискахъ замѣняется позднѣйшимъ терминомъ *княжи мужи*. Въ древнихъ памятникахъ славяно-русской письменности *огнище* значило челядь; слѣдовательно, огнищане были рабовладѣльцы. Можно думать, что такъ назывался до призванія князей высшій классъ населенія въ большихъ торговыхъ городахъ Руси, торговавшій преимущественно рабами. Значитъ, *рабовладѣніе* было первоначальнымъ основаніемъ сословнаго дѣленія русскаго общества. Съ появленіемъ князей такимъ основаніемъ стало *отношеніе къ князю*, какъ верховному правителю. По различію этого отношенія общество раздѣли-

лось на три сословія: на *княжихъ мужей, людей и холоповъ*. Княжи мужи лично служили князю, составляли его дружину, высшее привилегированное сословіе русскаго общества. Люди, т. е. свободные простолюдины, платили князю' дань, образуя податныя общества, городскія и сельскія. Холопы составляли крѣпостной классъ, служили не князю, а частнымъ лицамъ. Таково было политическое дѣленіе общества, основанное на отношеніи лицъ къ верховной власти. Но рядомъ съ этимъ дѣленіемъ замѣтно въ XII вѣкѣ и другое—экономическое, державшееся на различіи имущественныхъ состояній. Такъ въ средѣ княжихъ мужей возникаетъ классъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, которые въ Русской Правдѣ носятъ названіе *бояръ*. Точно также въ сельскомъ населеніи образуется два класса. Свободные крестьяне, жившіе на княжеской, государственной землѣ и обработывавшіе ее своимъ инвентаремъ, назывались *смердами*. Крестьяне, селившіеся на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, бравшіе у нихъ ссуду сѣменами или деньгами и обработывавшіе свои участки хозяйскими орудіями и скотомъ, назывались *ролейными закупами* или *наймитами*. Смерды были вольные крестьяне; закупы составляли полусвободный классъ, нѣчто въ родѣ временно-обязанныхъ крестьянъ. Таковъ былъ складъ управленія и общества въ періодъ очереднаго княжескаго владѣнія Русской землей.

Гражданскій порядокъ. Русская Правда. Ея происхожденіе. Источники и содержаніе. Теперь обратимся къ изученію гражданскаго порядка, ежедневныхъ частныхъ отношеній лица къ лицу и тѣхъ интересовъ и понятій, которыми эти отношенія направлялись и скрѣплялись. Частная юридическая жизнь древней Руси наиболѣе полно и вѣрно отразилась въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго права, въ *Русской Правдѣ*. Читая Русскую Правду, прежде всего узнаемъ по заглавію памятника въ древнѣйшихъ спискахъ, что это «судъ» или «уставъ» Ярослава. Въ самомъ памятникѣ не разъ встрѣчается замѣчаніе, что такъ «судилъ» или «уставилъ» Ярославъ.

Но I) мы встрѣчаемъ въ Правдѣ нѣсколько постановленій, изданныхъ преемниками Ярослава, его дѣтьми и даже его внукомъ Мономахомъ, которому принадлежитъ законъ, направленный противъ ростовщичества и занесенный въ Правду. Итакъ Правда была плодомъ законодательной дѣятельности не одного Ярослава.

II) Текстъ нѣкоторыхъ статей представляетъ не подлинныя слова законодателя, а ихъ парафразу, принадлежащую кодификатору или повѣствователю, разсказавшему о томъ, какъ законъ былъ составленъ. Такова, напримѣръ, вторая статья Правды по пространной редакціи. Статья

эта гласитъ: «послѣ Ярослава собрались сыновья его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ и отмѣнили месть за убійство, а установили денежный выкупъ, все же прочее какъ судилъ Ярославъ, такъ уставили и его сыновья». Это, очевидно, не подлинный текстъ закона Ярославовыхъ сыновей, а протоколъ княжескаго съѣзда или историческое изложеніе закона словами кодификатора.

III) Въ Русской Правдѣ нѣтъ и слѣда одной важной особенности древне-русскаго судебнаго процесса, одного изъ судебныхъ доказательствъ, поединка или *поля*. Между тѣмъ сохранились въ древнихъ источникахъ нашей исторіи слѣды, указывающіе на то, что поле практиковалось какъ до Русской Правды, такъ и долго послѣ нея. Почему Правда не знаетъ этого важнаго судебнаго доказательства, къ которому такъ любили прибѣгать въ древнихъ русскихъ судахъ? Она знаетъ его, но игнорируетъ, не хочетъ признавать. Находимъ и объясненіе этого непризнанія: духовенство наше настойчиво въ продолженіе вѣковъ проповѣдовало противъ судебнаго поединка, какъ языческаго остатка, обращалось даже къ церковнымъ наказаніямъ, чтобы вывести его изъ практики русскихъ судовъ; но долго его усилія оставались безуспѣшными. Итакъ замѣчается нѣкоторая солидарность между Русской Правдой и юридическими понятіями древне-русскаго духовенства.

IV) По разнымъ спискамъ Русская Правда является въ двухъ основныхъ редакціяхъ, въ краткой и пространной. Въ письменности раньше становится извѣстна послѣдняя: пространную Правду мы встрѣчаемъ уже въ новгородской Кормчей конца XIII в. Эта пространная Правда является всегда въ одинаковомъ, такъ сказать, юридическомъ обществѣ. Краткая редакція Правды попадается чаще въ памятникахъ чисто литературнаго свойства, не имѣвшихъ практическаго судебнаго употребленія, въ лѣтописяхъ. Правду пространную встрѣчаемъ большею частью въ кормчихъ, иногда въ сборникахъ каноническаго содержанія, носившихъ названіе *Мѣрила праведнаго*. Такимъ образомъ эту редакцію Русской Правды встрѣчаемъ среди юридическихъ памятниковъ церковнаго или византійскаго происхожденія, принесенныхъ на Русь духовенствомъ и имѣвшихъ практическое значеніе въ церковныхъ судахъ. Вотъ члены этого церковно-юридическаго общества Правды. Древняя русская *Кормчая* есть переводъ византійскаго *Номоканона*. Номоканонъ есть сводъ церковныхъ правилъ и касающихся Церкви законовъ византійскихъ императоровъ. Этимъ сводомъ и руководилась древне-русская Церковь въ своемъ управленіи и особенно въ судѣ по духовнымъ дѣламъ. Византійскій Номоканонъ, наша Кормчая, является въ нашей письменности съ цѣлымъ ря-

домъ дополнительныхъ статей. Главныя изъ нихъ таковы: 1) извлеченіе изъ законовъ Моисеевыхъ; 2) *Эклога*, сводъ законовъ, составленный при иконоборческихъ императорахъ первой половины VIII вѣка Львѣ Исаврянинѣ и его сынѣ Константинѣ Копронимѣ; 3) *Законъ судный людемъ*: это славянская передѣлка той же Эклоги, сдѣланная для Болгаръ вскорѣ послѣ принятія ими христіанства, т. е. въ IX вѣкѣ; 4) *Прохиронъ*, законодательный сводъ императора Василія Македонянина IX вѣка; 5) цѣликомъ или отрывками церковные уставы нашихъ первыхъ христіанскихъ князей Владиміра и Ярослава. Среди этихъ-то дополнительныхъ статей Кормчей обыкновенно и встрѣчаемъ мы нашу пространную Правду. Такъ она является не самостоятельнымъ памятникомъ древне-русскаго законодательства, а одной изъ дополнительныхъ статей къ своду церковныхъ законовъ.

V) Разбирая эти дополнительныя статьи, мы замѣчаемъ нѣкоторую внутреннюю связь между ними и нашей Правдой: нѣкоторыя постановленія послѣдней какъ будто составлены при содѣйствіи первыхъ. Въ числѣ статей упомянутаго *Закона суднаго людемъ* мы встрѣчаемъ постановленіе о томъ, какъ наказывать человѣка, который безъ спроса сядетъ на чужую лошадь: «аще кто безъ повелѣнія па чужемъ конѣ ѣздитъ, да ся тепетъ по три краты», т. е. наказывается тремя ударами. Въ нашей Правдѣ есть постановленіе на тотъ же случай, которое читается такъ: «аже кто всядетъ на чюжь конь не прашавъ, то 3 гривны». Русь временъ Правды не любила тѣлесныхъ наказаній; византійскіе удары переведены въ Правдѣ на обычный у насъ денежный штрафъ—на гривны. Такъ мы замѣчаемъ, что составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно изъ памятниковъ церковнаго и византійскаго права, однако, руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшіе опредѣленія, ставили законодательные вопросы, отвѣтовъ на которые онъ искалъ въ туземномъ правѣ.

Изложенными наблюденіями объясняется *происхожденіе* Русской Правды. Мы замѣчаемъ, что Русская Правда еще составлялась и въ XII вѣкѣ, долго послѣ смерти Ярослава, что она представляетъ не вездѣ подлинный текстъ закона, а иногда только его повѣствовательное изложеніе, что Русская Правда игнорируетъ судебные поединки, несомнѣнно практиковавшіеся въ русскихъ судахъ XI и XII в., но противные Церкви, что Русская Правда является не особымъ самостоятельнымъ судебникомъ, а только одной изъ дополнительныхъ статей къ Кормчей и что эта Правда составлялась не безъ вліянія памятниковъ византійскаго права, среди которыхъ она вращалась. Совокупность этихъ наблюденій и

приводитъ къ тому заключенію, что читаемый нами текстъ Русской Правды сложился въ сферѣ не княжескаго, а церковнаго суда, въ средѣ церковной юрисдикціи, нуждами и цѣлями которой и руководился составитель Правды въ своей работѣ. Церковный кодификаторъ воспроизводилъ дѣйствовавшее на Руси право, имѣя въ виду потребности церковной юрисдикціи, и воспроизводилъ только въ мѣру этихъ потребностей. Этимъ объясняется, почему въ Правдѣ нѣтъ постановленій о преступленіяхъ политическихъ, которыя не подлежали церковному суду, также объ оскорбленіи женщинъ и дѣтей и объ обидахъ словомъ, которыя разбирались исключительно церковнымъ судомъ, но на основаніи не Русской Правды, а особыхъ церковныхъ законовъ. Со времени принятія христіанства русской Церкви была предоставлена двоякая юрисдикція. Она, во-первыхъ, судила всѣхъ христіанъ, духовныхъ и міряиъ, по *нѣкоторымъ* дѣламъ духовно-нравственнаго характера; во-вторыхъ, она судила *нѣкоторыхъ* христіанъ, духовныхъ и мірянъ, по всѣмъ дѣламъ, церковнымъ и нецерковнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Для церковнаго суда надъ этими христіанами по нецерковнымъ дѣламъ и былъ необходимъ церковнымъ судьямъ писанный сводъ мѣстныхъ законовъ. Необходимость эта обусловливалась двумя причинами: 1) первые церковные судьи, Греки или южные Славяне, не знакомы были съ русскими юридическими обычаями; 2) этимъ судьямъ нуженъ былъ такой писанный сводъ туземныхъ законовъ, въ которомъ были бы устранены, по крайней мѣрѣ измѣнены нѣкоторые туземные обычаи, особенно претившіе нравственному и юридическому чувству христіанскихъ судей, воспитанныхъ на византійскомъ церковномъ и гражданскомъ правѣ. Этими потребностями и вызвана была въ церковной средѣ попытка составить кодексъ, который воспроизводилъ бы дѣйствовавшіе на Руси юридическіе обычаи примѣнительно къ измѣнившимся подъ вліяніемъ Церкви понятіямъ и отношеніямъ. Плодомъ этой попытки и была Русская Правда. Начало ея составленія относится ко времени Ярослава, почему Русская Правда и носитъ имя этого князя. Завершеніе этой работы надъ сводомъ можно отодвигать не далѣе конца XII в. Итакъ, Русская Правда вырабатывалась около полутора столѣтія.

Указавъ происхожденіе памятника, отмѣтимъ его юридическіе *источники*. По договорамъ Руси съ Греками (X в.) нѣкоторыя преступленія, совершенныя Русскими въ Царьградѣ, наказуются денежной пеней «по закону русскому». Этотъ законъ русскій, т. е. обычное право древней языческой Руси, и легъ въ основаніе Русской Правды, былъ основнымъ ея источникомъ. Но рядомъ съ этимъ кодификаторъ черпалъ и изъ дру-

нихъ источниковъ, которые давали ему постановленія, измѣнявшія или развивавшія древній юридическій обычай Руси. Эти источники были таковы: 1) законодательныя постановленія русскихъ князей: такъ во 2-й статьѣ пространной Правды изложенъ законъ Ярославовыхъ сыновей, замѣнившихъ родовую месть за убійство вирой, денежной пеней; 2) судебные приговоры князей по частнымъ случаямъ: таковъ приговоръ Изяслава Ярославича, присудившаго къ двойной вирѣ жителей Дорогобужа за убійство княжескаго «конюха стараго», т. е. конюшаго старосты или прикащика; приговоръ этотъ занесенъ въ Правду, какъ общій законъ, причислившій княжескаго старосту конюшаго по размѣру пени за его убійство къ составу старшей дружины князя; наконецъ 3) законодательные проекты духовенства, принятые князьями. Слѣды этой законодательной работы духовенства мы замѣчаемъ уже въ лѣтописномъ разсказѣ о князѣ Владимірѣ. Когда усилились разбои въ Русской землѣ, епископы предложили этому князю замѣнить денежную пеню за разбой болѣе тяжкой правительственной карой; въ Русской Правдѣ мы находимъ постановленіе, въ силу котораго разбойникъ наказуется не денежной пеней, а *потокомъ* и *разграбленіемъ*, конфискаціей всего имущества преступника и продажей его самого въ рабство за границу со всѣмъ семействомъ.

Теперь разберемъ содержаніе Русской Правды, касаясь его лишь настолько, чтобы уловить въ немъ основные житейскіе мотивы и интересы, дѣйствовавшіе тогда въ русскомъ обществѣ. Главное содержаніе памятника составляетъ юридическое опредѣленіе дѣяній, коими одно лицо причиняетъ вредъ другому. За нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній законъ полагаетъ лишь частное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, за другія сверхъ того и правительственную кару со стороны князя. Дѣянія перваго рода по Русской Правдѣ суть гражданскія правонарушенія, дѣянія второго рода—уголовныя преступленія. Взысканіе въ пользу князя состояло въ извѣстной денежной пенѣ; только кара за наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія была значительно осложнена: за разбой, поджогъ и конокрадство преступникъ подвергался не опредѣленной денежной пенѣ въ пользу князя, а потерѣ всего имущества съ лишеніемъ свободы. За всѣ остальныя преступныя дѣянія законъ наказывалъ опредѣленной денежной пеней въ пользу князя и денежнымъ вознагражденіемъ въ пользу потерпѣвшаго. Княжескія пени и частныя вознагражденія представляютъ въ Русской Правдѣ цѣлую систему; онѣ опредѣлялись извѣстной суммой *гривенъ кунъ*. *Гривна* значила фунтъ, гривна серебра—фунтъ серебра; *куны*—деньги. Наше слово *деньги* татарскаго происхожденія, означаетъ звонкую монету и вошло въ нашъ языкъ не

раньше XIII в. Гривной кунъ, т. е. денежнымъ фунтомъ, назывался слитокъ серебра, обыкновенно продолговатый, служившій ходячимъ мѣновымъ знакомъ на древне-русскомъ рынкѣ до XIV вѣка. Въ разное время, сообразно измѣнявшейся цѣнности серебра, гривна кунъ имѣла неодинаковый вѣсъ: въ XI и началѣ XII вѣка это былъ кусокъ серебра въ полфунта вѣсомъ; въ концѣ XII вѣка, когда завершилось составленіе Правды, вѣсъ этого мѣнового знака простирался лишь до четверти фунта. Мы не можемъ опредѣлить тогдашнюю рыночную стоимость серебра, а можемъ лишь оцѣнить стоимость вѣсовую. Такъ какъ фунтъ серебра теперь стоитъ около 20 рублей, то гривна кунъ въ XI и началѣ XII в. по вѣсу металла стоила около 10 руб. сер., а въ концѣ XII в. около 5 руб. За убійство взималась денежная пеня въ пользу князя, называвшаяся *вирой*, и вознагражденіе въ пользу родственниковъ убитаго, называвшееся *головничествомъ*. Вира была трояkая: двойная въ 80 гривенъ кунъ за убійство княжаго мужа или члена старшей княжеской дружины, простая въ 40 гривенъ за убійство простого свободнаго человѣка, половинная или *полувирье* въ 20 гривенъ за убійство женщины и тяжкія увѣчья, за отсѣченіе руки, ноги, носа и за порчу глаза. Головничество было гораздо разнообразнѣе, смотря по общественному положенію убитаго. Такъ головничество за убійство княжаго мужа равнялось двойной вирѣ, головничество за простого крестьянина—5 гривнамъ. За всѣ прочія преступныя дѣянія законъ наказывалъ *продажею* въ пользу князя и *урокомъ за обиду* въ пользу потерпѣвшаго. Такова была система наказаній по Русской Правдѣ. Легко замѣтить взглядъ, на которомъ основывалась эта система. Русская Правда отличала личное оскорбленіе, обиду, нанесенную дѣйствіемъ лицу, отъ ущерба, причиненнаго его имуществу; но и личная обида, т. е. вредъ физическій рассматривался закономъ преимущественно съ точки зрѣнія ущерба хозяйственнаго. Онъ строже наказывалъ за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, потому что въ первомъ случаѣ потерпѣвшій становился менѣе способнымъ къ труду, т. е. къ пріобрѣтенію имущества. Смотря на преступленія преимущественно какъ на хозяйственный вредъ, Правда карала за нихъ возмездіемъ, соотвѣтствующимъ тому матеріальному ущербу, какой они причиняли. Правда почти совсѣмъ не обращаетъ вниманія на мотивы преступленія и не заботится ни о предупрежденіи преступленій, ни объ исправленіи преступной воли. Она имѣетъ въ виду лишь непосредственныя матеріальныя послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника матеріальнымъ же, имущественнымъ убыткомъ.

Любопытно сопоставить нѣкоторыя статьи Правды о продажахъ или пеняхъ въ пользу князя, какъ и о частныхъ вознагражденіяхъ или урокахъ. Одинаковая пеня въ 12 гривенъ грозитъ за похищеніе бобра изъ логовища, за уничтоженіе полевой межи, за выбитье зуба и за убійство чужого холопа. Одинаковой пеней въ 3 гривны и одинаковымъ урокомъ въ одну гривну наказуются отсѣченіе пальца и похищеніе охотничьяго пса съ мѣста лова; за поджогъ и конокрадство наказаніе гораздо тяжелѣе, чѣмъ за увѣчье. Значитъ, имущество человѣка въ Правдѣ цѣнится не дешевле, а даже дороже самого человѣка, его здоровья, личной безопасности. Произведеніе труда для закона важнѣе живого орудія труда—рабочей силы человѣка. Тоже начало проводится и въ другомъ ряду постановленій Правды. Замѣчательно, что имущественная безопасность, цѣлость капитала, неприкосновенность собственности обезпечивается въ законѣ личностью человѣка. Купецъ, торговавшій въ кредитъ и ставшій несостоятельнымъ по своей винѣ, могъ быть проданъ кредиторами въ рабство. Наемный сельскій рабочій, получившій при наймѣ отъ хозяина ссуду съ обязательствомъ за нее работать, терялъ личную свободу и превращался въ полнаго холопа за попытку убѣжать отъ хозяина не расплатившись. Значитъ, безопасность капитала законъ цѣнилъ дороже личной свободы человѣка.—То же самое значеніе капитала открывается и въ статьяхъ Правды объ имущественныхъ сдѣлкахъ и обязательствахъ. Правда не знаетъ преступленій нравственнаго характера, ей чужда мысль о нравственной несправедливости; но за то она вноситъ точныя опредѣленія въ имущественныя отношенія людей. Она различаетъ, напримѣръ, отдачу имущества на храненіе отъ займа, простой заемъ, одолженіе по дружбѣ, отъ отдачи денегъ въ ростъ изъ опредѣленнаго, условленнаго процента, а эту сдѣлку отъ вклада въ торговое предпріятіе, въ товарищество на вѣрѣ изъ неопредѣленнаго барыша или дивиденда. Далѣе, въ Правдѣ находимъ точно опредѣленный порядокъ взысканія долговъ съ несостоятельнаго должника, т. е. порядокъ торговаго конкурса.

Таковы главныя черты Правды, въ которыхъ можно видѣть выраженіе господствовавшихъ житейскихъ отношеній и интересовъ, основныхъ мотивовъ жизни стараго кіевскаго общества: *Русская Правда есть по преимуществу законодательство о капиталѣ*. Капиталъ служитъ въ ней предметомъ особеннаго вниманія для законодателя. Имъ указываются важнѣйшія юридическія отношенія, которыя формулируютъ законъ; послѣдній строже наказываетъ за дѣянія, направленныя противъ собственности, чѣмъ за нарушеніе личной безопасности. Капиталъ служитъ и

орудіемъ кары за тѣ или другія преступленія: на немъ основана самая система наказаній. Само лицо разсматривается въ Правдѣ не столько какъ членъ общества, сколько какъ владѣлецъ или производитель капитала: лицо, его не имѣющее или производить его не могущее, теряетъ права свободнаго или полноправнаго человѣка (женщина и закупъ). Капиталъ чрезвычайно дорогъ: до начала XII столѣтія при годовомъ займѣ законъ допускалъ ростъ въ половину капитала (50%). Лишь Владиміръ Мономахъ попытался смягчить строгія постановленія о ростѣ, уменьшивъ его размѣръ. Впрочемъ, при долгосрочномъ займѣ и онъ допустилъ ростъ въ 40%. Легко замѣтить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основаніемъ Русской Правдѣ: это былъ большой торговый городъ. Село въ Русской Правдѣ остается въ тѣни, на заднемъ планѣ. Впереди всего въ древнѣйшихъ частяхъ Правды поставлены интересы и отношенія торговыхъ городскихъ классовъ, т. е. отношенія торгово-промышленной жизни. Такъ, изучая по Русской Правдѣ гражданскій порядокъ, частныя юридическія отношенія людей, мы и здѣсь встрѣчаемся съ той же силой, которая такъ могущественно дѣйствовала на установленіе политическаго порядка во все продолженіе перваго періода, именно—съ городомъ или съ тѣмъ, чѣмъ работалъ торговый городъ—съ торгово-промышленнымъ капиталомъ.

Церковный судъ. Вліяніе Церкви на бытъ и нравы народа. Русская Правда была вѣрнымъ отраженіемъ русской юридической дѣйствительности XI и XII в., но отраженіемъ далеко не полнымъ. Она воспроизводитъ одинъ рядъ частныхъ юридическихъ отношеній, построенныхъ на матеріальномъ, экономическомъ интересѣ; но въ эти отношенія все глубже проникалъ съ конца X вѣка новый строй юридическихъ отношеній, который созидался на иномъ началѣ, на чувствѣ нравственномъ. Эти отношенія проводила въ русскую жизнь Церковь. Памятники, въ которыхъ отразился этотъ новый порядокъ отношеній, освѣщаютъ русскую жизнь тѣхъ вѣковъ съ другой стороны, которую оставляетъ въ тѣни Русская Правда.

Начальная лѣтопись, разсказывая, какъ Владиміръ въ 996 году назначилъ на содержаніе построенной имъ въ Кіевѣ соборной Десятинной церкви десятую часть своихъ доходовъ, прибавляетъ: «и положи написавъ клятву въ церкви сей». Эту клятву мы и встрѣчаемъ въ сохранившемся *церковномъ уставѣ Владиміра*, гдѣ этотъ князь заклинаетъ своихъ преемниковъ блюсти нерушимо постановленія, составленныя имъ на основаніи правилъ вселенскихъ соборовъ и законовъ греческихъ царей, т.-е. на основаніи греческаго Номоканона. Древнѣйшій

изъ многочисленныхъ списковъ этого устава мы находимъ въ той же самой новгородской Кормчей конца XIII вѣка, которая сберегла намъ и древнѣйшій извѣстный списокъ Русской Правды. Время сильно попортило этотъ памятникъ, покрывъ его первоначальный текстъ густымъ слоемъ позднѣйшихъ наростовъ—знакъ продолжительнаго практическаго дѣйствія устава. Въ спискахъ этого устава много поправокъ, передѣлокъ, вставокъ, варіантовъ. Однако, легко возстановить если не первоначальный текстъ памятника, то по крайней мѣрѣ основную мысль, проведенную въ немъ законодателемъ. Уставъ опредѣляетъ положеніе Церкви въ новомъ для нея государствѣ. Церковь на Руси вѣдала тогда не одно только дѣло спасенія душъ: на нее возложено было много чисто-земныхъ заботъ, близко подходящихъ къ задачамъ государства. Она является сотрудницей мірской государственной власти въ устроеніи общества и поддержаніи государственнаго порядка. Съ одной стороны, Церкви была предоставлена широкая юрисдикція надъ всѣми христіанами, въ составъ которой входили дѣла семейныя, дѣла по нарушенію неприкосновенности и святости христіанскихъ храмовъ и символовъ, дѣла о вѣроотступничествѣ, объ оскорбленіи нравственнаго чувства, о противоестественныхъ грѣхахъ, о покушеніяхъ на женскую честь, объ обидахъ словомъ. Такъ Церкви предоставлено было устроять и блюсти порядокъ семейный, религіозный и нравственный. Съ другой стороны, подъ ея преимущественное попеченіе было поставлено особое общество, выдѣлившееся изъ христіанской паствы и получившее названіе *церковныхъ* или *богадѣльныхъ людей*. Общество это во всѣхъ дѣлахъ, церковныхъ и нецерковныхъ, вѣдала и судила церковная власть. Оно состояло: 1) изъ духовенства бѣлаго и чернаго съ семействами перваго; 2) изъ мірянъ, служившихъ Церкви или удовлетворявшихъ разнымъ мірскимъ ея нуждамъ, каковы были, напримѣръ, врачи, повивальныя бабки, просвирни и т. п.; 3) изъ людей безпріютныхъ и убогихъ, призрѣваемыхъ Церковью, странниковъ, нищихъ, слѣпыхъ, вообще неспособныхъ къ работѣ. Разумѣется, въ вѣдомствѣ Церкви состояли и самыя учрежденія, въ которыхъ находили убѣжище церковные люди: монастыри, больницы, страннопріимные дома, богадѣльни. Все это вѣдомство Церкви опредѣлено въ уставѣ Владиміра общими чертами, часто одними намеками; церковныя дѣла и люди обозначены краткими и сухими перечнями. Практическое развитіе началъ церковной юрисдикціи, изложенныхъ въ уставѣ Владиміра, находимъ въ *церковномъ уставѣ его сына Ярослава*. Это уже довольно пространный и стройный церковный судебникъ. Онъ повторяетъ почти тѣ же подсудныя Церкви дѣла и лица,

какія перечислены въ уставѣ Владиміра; но сухіе перечни этого послѣдняго здѣсь разработаны уже въ тщательно формулированныя статьи со сложной системой наказаній и, по мѣстамъ, съ обозначеніемъ самаго порядка судопроизводства.

Эта система и этотъ порядокъ построены на соотношеніи понятій грѣха и преступленія. Грѣхъ вѣдаетъ Церковь, преступленіе—государство. Всякое преступленіе Церковь считаетъ грѣхомъ; но не всякій грѣхъ государство считало преступленіемъ. На комбинаціи этихъ основныхъ понятій и построенъ порядокъ церковнаго суда въ уставѣ Ярослава. Всѣ дѣла, опредѣляемыя въ уставѣ, можно свести къ тремъ разрядамъ: 1) дѣла только грѣховныя, безъ элемента преступности, напр. нарушеніе поста, судились исключительно церковной властью безъ участія судьи княжескаго; 2) дѣла грѣховно-преступныя, воспрещенныя и церковными правилами, и гражданскими законами, напр. умычка дѣвицъ, разбирались княжескимъ судьей съ участіемъ судьи церковнаго; наконецъ, дѣла третьяго разряда были всякія преступленія, совершенныя церковными людьми, какъ духовными, такъ и мірянами. По уставу Владиміра такихъ людей по всѣмъ дѣламъ вѣдала церковная власть; но и князь оставлялъ за собою нѣкоторое участіе въ судѣ надъ ними. Наиболѣе тяжкія преступленія, совершенныя церковными людьми, душегубство, татьбу съ поличнымъ, судилъ церковный судья, но съ участіемъ княжескаго, съ которымъ и дѣлился денежными пенями.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе Ярославова устава. Нетрудно замѣтить, какія новыя понятія вносилъ онъ въ русское право и юридическое сознаніе: онъ 1) осложнялъ понятіе о преступленіи, о матеріальномъ вредѣ, причиняемомъ другому, мыслію о грѣхѣ, о нравственной несправедливости или нравственномъ вредѣ, причиняемомъ преступникомъ не только другому лицу, но и самому себѣ; 2) подвергалъ юридическому вмѣненію грѣховныя дѣянія, которыхъ старый юридическій обычай не считалъ вмѣняемыми, какъ умычка, обида словомъ; наконецъ 3) согласно съ новымъ взглядомъ на преступленіе осложнялъ дѣйствовавшую систему наказаній, состоявшихъ въ денежныхъ пеняхъ, нравственно-исправительной карой, эпитиміей и заключеніемъ въ церковномъ домѣ, соединеннымъ съ принудительной работой въ пользу Церкви.

По разсмотрѣннымъ церковнымъ уставамъ можно составить общее сужденіе о томъ, какое дѣйствіе оказала Церковь на бытъ и нравы русскаго общества въ первые вѣка его христіанской жизни. Церковь не измѣнила ни формъ, ни основаній политическаго порядка, какой она

застала на Руси, хотя онъ и былъ ей несочувственъ: она только старалась устранить нѣкоторыя тяжелыя его слѣдствія, напримѣръ, княжескія усобицы, и внушить лучшія политическія понятія, разъясняя князьямъ истинныя задачи ихъ дѣятельности и указывая наиболѣе пригодныя и чистыя средства дѣйствія. Точно также, не касаясь прямо ни формъ, ни началъ русскаго юридическаго быта, она, такъ сказать, прививала къ нему новыя, лучшія юридическія понятія и отношенія и съ помощью ихъ измѣняла бытъ и нравы общества. Особенно глубоко было ея дѣйствіе на духъ и формы частнаго гражданскаго общежитія. Здѣсь, во-первыхъ, она разрывала старый языческій родовой союзъ, создавая новый—христіанскую семью. Христіанство еще застало на Руси живые остатки родового союза. Построенный на языческихъ началахъ, онъ былъ противенъ Церкви, которая съ самой минуты своего появленія на Руси стала разбивать его и на его развалинахъ строить союзъ семейный, ею освящаемый. Средствомъ для этого было церковное законодательство о бракѣ. Церковными правилами были точно опредѣлены степени родства, въ которыхъ запрещались брачные союзы. Допуская браки между болѣе отдаленными родственниками, Церковь пріучала ихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на чужихъ людей. Такъ она укорачивала языческое родство, обрубая его отдаленныя вѣтви. Далѣе, точными и строгими предписаніями объ отношеніяхъ между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми она очищала нравы, вносила право и дисциплину туда, гдѣ прежде господствовали инстинктъ и произволъ.

Причины упадка Юго-Западной Руси (до нашествія Татаръ). Эти причины заключались въ условіяхъ, разрушавшихъ общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси; дѣйствіе этихъ условій становится замѣтно уже съ половины XII вѣка. Въ жизни Кіевской Руси, какъ она отражалась въ бытѣ высшихъ классовъ русскаго общества, замѣчаемъ признаки значительныхъ успѣховъ гражданственности и просвѣщенія. Руководящая сила народнаго хозяйства, внѣшняя торговля сообщала этой жизни много движенія, приносила на Русь большія богатства, содѣйствовала украшенію житейской обстановки. Замѣтно присутствіе значительныхъ капиталовъ въ большихъ городахъ Руси XI и XII вѣковъ. Матеріальное довольство выражалось въ успѣхахъ искусствъ и книжнаго образованія. Но все это составляло лицевую сторону жизни, имѣвшей свою изнанку, которой является бытъ низшихъ классовъ общества. Экономическое благосостояніе Кіевской Руси XI и XII вв. держалось на *рабовладѣніи*, которое къ половинѣ XII вѣка достигло тамъ громадныхъ размѣровъ. Въ X, XI и XII вѣкахъ челядь составляла глав-

ную статью русскаго вывоза на черноморскіе и каспійскіе рынки. Рабовладѣніе было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, на которые обращено было вниманіе древнѣйшаго русскаго законодательства, сколько можно судить о томъ по Русской Правдѣ: статьи о рабовладѣніи составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и обработанныхъ отдѣловъ въ ея составѣ. Челядь составляла тогда необходимую хозяйственную принадлежность и русскаго землевладѣнія: ею населялись и ея руками преимущественно обработывались земли частныхъ владѣльцевъ, какъ и частныя вотчины князей. Рабовладѣльческія понятія и привычки древне-русскихъ землевладѣльцевъ переносились потомъ и на отношенія послѣднихъ къ вольнымъ рабочимъ, къ крестьянамъ. Русская Правда знаетъ классъ *ролейныхъ*, т. е. земледѣльческихъ *наймитовъ* или *закуповъ*. Закупъ близко стоялъ къ холопу, хотя законъ и отличалъ его отъ послѣдняго: это неполноправный, временно-обязанный крестьянинъ, работавшій на чужой землѣ и въ иныхъ случаяхъ (за кражу и побѣгъ отъ хозяина) превращавшійся въ полнаго, *обельнаго* холопа. Въ этомъ угнетенномъ юридическомъ положеніи закупа и можно видѣть дѣйствіе рабовладѣльческихъ привычекъ древне-русскихъ землевладѣльцевъ, переносившихъ на вольнонаемнаго крестьянина взглядъ, какимъ они привыкли смотрѣть на своего раба-земледѣльца. Строгость, съ какою древне-русскій законъ преслѣдовалъ ролейнаго наймита за побѣгъ отъ хозяина безъ расплаты, свидѣтельствуетъ въ одно время и о нуждѣ землевладѣльцевъ въ рабочихъ рукахъ, и о стремленіи наемныхъ рабочихъ, закуповъ, выйти изъ своего тяжелаго юридическаго положенія. Такимъ образомъ успѣхи общежитія и экономическое благосостояніе въ Кіевской Руси куплены были цѣною порабощенія низшихъ классовъ. Это приниженное положеніе рабочихъ классовъ и было однимъ изъ условій, подкапывавшихъ общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси. Порядокъ этотъ не имѣлъ опоры въ низшихъ классахъ населенія, которымъ онъ давалъ себя чувствовать только своими невыгодными послѣдствіями.

Князья своими владѣльческими отношеніями сообщали усиленное дѣйствіе этому неблагопріятному условію. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія былъ одной изъ самыхъ важныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ развитію рабовладѣнія. Въ постоянныхъ усобицахъ другъ съ другомъ князья старались набрать въ областяхъ своихъ соперниковъ какъ можно болѣе плѣнныхъ. Плѣнники по тогдашнему русскому праву обращались въ рабство и селились на частныхъ земляхъ князя и его дружины, съ которой князь дѣлился своей добычей. Превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки, сопровождавшуюся разореніемъ селъ и городовъ

и уменьшеніемъ свободнаго населенія, княжескія усобицы еще болѣе увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ въ Кіевской Руси.

Внѣшнія отношенія Кіевской Руси создавали новое условіе, гибельно дѣйствовавшее на ея общественный порядокъ и благосостояніе. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что она основалась на европейской окраинѣ, на берегу Европы, за которымъ простиралось обширное море степей. Эти степи съ своимъ кочевымъ населеніемъ и были историческимъ бичемъ для древней Руси. Послѣ пораженія, нанесеннаго Ярославомъ Печенѣгамъ въ 1036 г., русская степь на нѣкоторое время очистилась; но вслѣдъ за смертью Ярослава начались непрерывныя нападенія на Русь новыхъ степныхъ ея сосѣдей *Половцевъ*, съ которыми Русь боролась упорно въ XI и XII вв. Половецкія нападенія оставляли по себѣ страшные слѣды на Руси: нивы забрасывались, заростали травою и лѣсомъ; гдѣ паслись стада, тамъ водворялись звѣри; города, даже цѣлыя области пустѣли. До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.) Русь еще съ успѣхомъ отбивала Половцевъ отъ своихъ границъ и даже иногда удачно проникала въ глубь половецкихъ кочевій; но послѣ этого дѣятельнаго Мономаховича ей, очевидно, становилось не подъ силу сдерживать половецкія нападенія и она начала отступать передъ ними. Отъ этихъ нападеній, разумѣется, всего болѣе страдало сельское пограничное населеніе, не прикрытое отъ враговъ городскими стѣнами. На княжескомъ съѣздѣ въ 1103 г. Владиміръ Мономахъ живо изобразилъ великому князю Святополку тревожную жизнь крестьянъ въ пограничныхъ со степью областяхъ: «весною, говорилъ князь, выѣдетъ смердъ пахать на лошади, и пріѣдетъ половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою, возьметъ его лошадь, потомъ пріѣдетъ въ село, захватитъ его жену, дѣтей и все имѣніе, да и гумно его сожжетъ».

Благодаря всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, приниженному положенію низшихъ классовъ, княжескимъ усобицамъ и половецкимъ нападеніямъ, съ половины XII в. становятся замѣтны признаки запустѣнія Кіевской Руси. Рѣчная полоса по среднему Днѣпру и его притокамъ, издавна такъ хорошо заселенная, съ этого времени начала пустѣть. Отливъ населенія и торжество степныхъ кочевниковъ, закрывавшихъ пути внѣшней торговли, главнаго источника богатства Кіевской Руси, вели къ обѣдненію Кіева и его области, роняли цѣну кіевскаго стола въ глазахъ князей и такимъ образомъ лишали Кіевъ его прежняго значенія, какъ политическаго центра Русской земли. Значитъ, упадокъ юго-западной Руси начался еще задолго до нашествія на нее Татаръ (1239 г.), которое только довершило его и окончательно опустошило этотъ край (См. далѣе Учебн. Соловьева, гл. XII и XVI).

Суздальская земля.

Ея заселеніе. Отливъ населенія изъ Поднѣпровья шелъ въ двухъ направленіяхъ, двумя противоположными струями. Одна струя направлялась на западъ, въ область верховьевъ Западнаго Буга и Днѣстра и дальше, въ область верхней Вислы, въ глубь Польши. Другая струя колонизаціи шла въ противоположный уголъ Русской земли, на сѣверовостокъ за р. Угру, въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Сохранились нѣкоторые слѣды этого сѣверо-восточнаго направленія колонизаціи.

1) До половины XII ст. въ Ростово-Суздальскомъ краю преобладало еще инородческое финское населеніе, хотя русскія поселенія въ немъ стали появляться задолго до XII в. Русская колонизація этого края первоначально шла преимущественно съ сѣверо-запада, изъ Новгородской земли, къ которой принадлежалъ этотъ край при первыхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь возникло нѣсколько русскихъ городовъ, каковы Ростовъ, Ярославль и др. Съ половины XII в. стали обнаруживаться признаки усиленнаго прилива русскихъ поселенцевъ въ этотъ финскій край съ другой стороны, съ юго-запада, изъ Приднѣпровья. Въ то время, когда стало замѣтно запустѣніе южной Руси, въ отдаленномъ Суздальскомъ краѣ начинается усиленная строительная работа. При князьяхъ Юріи Долгорукомъ и Андреѣ Боголюбскомъ здѣсь возникаютъ одинъ за другимъ новые города. Въ 1134 году Юрій строитъ городъ Ксятинъ при впаденіи Большой Нерли въ Волгу. Въ 1147 году становится извѣстенъ городокъ Москва. Въ 1152 году Юрій строитъ Юрьевъ «въ полѣ» (или *Польскій*, нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи) и переноситъ на новое мѣсто возникшій около этого времени городъ Переяславль Залѣсскій. Въ 1154 году онъ основалъ на рѣкѣ Яхромѣ городъ Дмитровъ, названный такъ въ честь Юрьева сына Димитрія-Всеволода, родившагося въ томъ году во время *полюдья*, когда князь съ женою объѣзжалъ свою волость для сбора дани. Въ 1158 году Андрей Боголюбскій основалъ городъ Боголюбовъ (на Клязьмѣ пониже Владиміра). Извѣстія объ основаніи городовъ сопровождаются въ лѣтописи извѣстіями о построеніи церквей. Оба князя, отецъ и сынъ, являются усердными храмоздателями въ Суздальской землѣ. Тогда же возникло много другихъ городовъ въ сѣверной Руси: таковы, напримѣръ, Тверь, Городецъ на Волгѣ, Кострома, Стародубъ на Клязьмѣ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ при впаденіи Протвы въ Оку и др. Самъ Андрей Боголюбскій хва-

лился своею колонизаторскою дѣятельностью. Задумавъ основать во Владимірѣ на Клязьмѣ особую русскую митрополію, независимую отъ кіевской, князь говорилъ своимъ боярамъ: «я всю Бѣлую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ».

2) Далѣе, встрѣчаемъ признакъ, прямо указывающій на то, откуда шло населеніе, наполнявшее эти новые суздальскіе города и великія села. Надобно вслушаться въ названія новыхъ суздальскихъ городовъ: Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ—все это южнорусскія названія, которыя мелькаютъ то и дѣло въ разсказѣ старой кіевской лѣтописи о событіяхъ въ южной Руси. Однихъ Звенигородовъ было нѣсколько въ землѣ Кіевской и Галицкой. Имена кіевскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются въ Рязани, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ. Извѣстна рѣка Ирпень въ Кіевской землѣ (притокъ Днѣпра), на которой по преданію Гедиминъ въ 1321 году разбилъ южно-русскихъ князей; Ирпенью называется и притокъ Клязьмы (во Владимірскомъ уѣздѣ). Имя самого Кіева не было забыто въ Суздальской землѣ: село Кіево на Кіевскомъ оврагѣ знаютъ старинные акты XVI в. въ Московскомъ уѣздѣ. Но всего любопытнѣе въ исторіи передвиженія географическихъ названій три города. Въ древней Руси извѣстны были три Переяславля: *Южный* (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи), Переяславль *Рязанскій* (нынѣшняя Рязань) и Переяславль *Залѣсскій* (уѣздный городъ Владимірской губерніи). Каждый изъ этихъ трехъ одноименныхъ городовъ стоитъ на рѣкѣ *Трубежѣ*. Это перенесеніе южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальскій сѣверъ было дѣломъ переселенцевъ, приходившихъ сюда съ кіевскаго юга. Извѣстенъ обычай всѣхъ колонистовъ въ мірѣ уносить съ собою на новыя мѣста имена покидаемыхъ жилищъ.

Итакъ съ половины XII ст. начался или усилился отливъ населенія изъ центральной днѣпровской Руси къ двумъ противоположнымъ окраинамъ Русской земли, къ юго-западной и сѣверо-восточной. Обозначивъ этотъ фактъ, изучимъ его послѣдствія. Мы ограничимся въ этомъ изученіи только сѣверо-восточной струей русской колонизаціи и отмѣтимъ два ряда ея послѣдствій: 1) послѣдствія этнографическія и 2) политическія.

Отношеніе русскихъ поселенцевъ къ финскимъ туземцамъ. Происхожденіе великорусскаго племени. Главнѣйшимъ изъ этнографическихъ слѣдствій было образованіе новой вѣтви въ составѣ русской народности, *великорусскаго племени*. Чтобы оцѣнить важность этого факта въ нашей исторіи, достаточно припомнить, что великорусское племя составляетъ $^2/_3$ всего русскаго народа. Это племя образовалось путемъ слія-

нія русскихъ поселенцевъ съ инородцами первоначально въ области Оки и верхней Волги, а потомъ въ другихъ краяхъ сѣверо-восточной Руси, куда эти поселенцы проникали.

Инородцы, съ которыми встрѣтились русскіе переселенцы въ области Оки и верхней Волги, были финскія племена. Финны, по нашей лѣтописи, являются сосѣдями восточныхъ Славянъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ послѣдніе стали разселяться по нашей равнинѣ. Финскія племена водворились среди лѣсовъ и болотъ центральной и сѣверной Россіи еще въ то время, когда здѣсь незамѣтно никакихъ слѣдовъ присутствія Славянъ. Уже Іорнандъ въ VI вѣкѣ зналъ нѣкоторыя изъ этихъ племенъ: въ его искаженныхъ именахъ сѣверныхъ народовъ, входившихъ въ IV вѣкѣ въ составъ готскаго королевства Германариха, можно прочесть Эстовъ, Весь, Мерю, Мордву, Чудь. Въ области Оки и верхней Волги въ XI—XII вв. жили три финскихъ племени: *Мурома*, *Меря* и *Весь*. Начальная лѣтопись довольно точно обозначаетъ мѣста жительства этихъ племенъ: она знаетъ Мурому на нижней Окѣ, Мерю по озерамъ Переяславскому и Ростовскому, Весь въ области Бѣлоозера. Нынѣ въ центральной Великороссіи нѣтъ уже живыхъ остатковъ этихъ племенъ; но они оставили по себѣ память въ ея географической номенклатурѣ. На обширномъ пространствѣ отъ Оки до Бѣлаго моря встрѣчаемъ тысячи нерусскихъ названій городовъ, селъ, рѣкъ и урочищъ. Прислушиваясь къ этимъ названіямъ, легко замѣтить, что нѣкогда на всемъ этомъ пространствѣ звучалъ одинъ языкъ, которому принадлежали эти названія, и что онъ родня тѣмъ нарѣчіямъ, на которыхъ говорятъ туземныя нерусскія населенія нынѣшней Финляндіи и восточныхъ губерній Европейской Россіи. Такъ на этомъ пространствѣ, какъ и въ восточной полосѣ Европейской Россіи, встрѣчаемъ множество рѣкъ, названія которыхъ оканчиваются на *ва: Протва*, *Москва*, *Сылва*, *Косва* и т. д. У одной Камы можно насчитать до 20 притоковъ, имена которыхъ имѣютъ такое окончаніе: *va* по-фински значитъ *вода*. Названіе самой Оки—финскаго происхожденія: это обрусѣвшая форма финскаго *joki*, что значитъ *рѣка* вообще. Даже племенныя названія Мери и Веси не исчезли безслѣдно въ центральной Великороссіи: здѣсь встрѣчается множество селъ и рѣчекъ, которыя называются *Мерями* и *Весями*. Уѣздный городъ Тверской губерніи Весьегонскъ значитъ собственно *Весь-Егонская*. Опредѣляя по этимъ слѣдамъ въ географической номенклатурѣ границы разселенія Мери и Веси, найдемъ, что эти племена обитали нѣкогда отъ сліянія Сухоны и Юга, отъ Онежскаго озера и рѣки Ояти до средней Оки, захватывая сѣверныя части губерній Калужской,

Тульской и Рязанской. Итакъ русскіе поселенцы, направлявшіеся въ Суздальскій край, встрѣтились съ финскими туземцами въ самомъ центрѣ нынѣшней Великороссіи.

Какъ они встрѣтились и какъ одна сторона подѣйствовала на другую? Вообще говоря, встрѣча эта имѣла мирный характеръ. Въ народныхъ преданіяхъ великоруссовъ не уцѣлѣло воспоминаній объ упорной и повсемѣстной борьбѣ пришельцевъ съ туземцами. Самый характеръ Финновъ содѣйствовалъ такому мирному ихъ сближенію. Финны при первомъ своемъ появленіи въ европейской исторіографіи отмѣчены были одной характеристической чертой—миролюбіемъ, недостаткомъ воинственности. Тацитъ говоритъ о Финнахъ, что это удивительно дикое племя, которое не знаетъ ни домовъ, ни оружія. Іорнандъ называетъ Финновъ самымъ мирнымъ племенемъ изъ всѣхъ обитателей европейскаго сѣвера. Судьба Финновъ на европейской почвѣ оправдываетъ эти извѣстія. Нѣкогда финскія племена были распространены далеко южнѣе линіи рѣкъ Москвы и Оки—тамъ, гдѣ не находимъ ихъ слѣдовъ впослѣдствіи. Но народные потоки, проносившіеся по южной Руси, отбрасывали это племя все далѣе къ сѣверу; оно все болѣе отступало и, отступая, постепенно исчезало. Процессъ этого исчезновенія продолжается и до сихъ поръ. Правда, въ преданіяхъ Великороссіи уцѣлѣли нѣкоторыя воспоминанія о борьбѣ, завязывавшейся по мѣстамъ; но эти воспоминанія говорятъ о борьбѣ не племенъ, а религій. Столкновенія вызывались не встрѣчей пришельцевъ съ туземцами, а попытками распространить христіанство среди послѣднихъ. Слѣды этой религіозной борьбы встрѣчаются въ двухъ старинныхъ житіяхъ древнихъ ростовскихъ святыхъ, подвизавшихся во второй половинѣ XI вѣка, епископа Леонтія и архимандрита Авраамія: по житію перваго, ростовцы упорно сопротивлялись христіанству, прогнали двухъ первыхъ епископовъ Ѳеодора и Иларіона и умертвили третьяго Леонтія; изъ житія Авраамія видно, что въ Ростовѣ былъ одинъ конецъ, называвшійся *Чудскимъ*—знакъ, что большинство населенія этого города было русское. Этотъ Чудскій конецъ и послѣ Леонтія оставался языческимъ, поклонялся идолу славянскаго бога Велеса. Значитъ, уже до введенія христіанства мѣстная Меря начала усвоять языческія вѣрованія русскихъ Славянъ. По житію Леонтія, всѣ ростовскіе язычники упорно боролись противъ христіанскихъ проповѣдниковъ, т. е. вмѣстѣ съ Чудью принимала участіе въ этой борьбѣ и ростовская Русь. При такомъ отношеніи русскихъ поселенцевъ къ финскимъ туземцамъ встрѣча ихъ сопровождалась поглощеніемъ послѣднихъ первыми. Но сливаясь съ Русью, Финны оказали на нее нѣко-

торое влiянiе, которое проникало въ русскую среду двумя путями: 1) пришлая Русь, селясь среди Финновъ, неизбѣжно путемъ общенiя кое-что заимствовала изъ ихъ быта; 2) Финны, постепенно русѣя, всею массою, со всѣми своими антропологическими и этнографическими особенностями, съ своимъ языкомъ, обычаями и вѣрованiями, входили въ составъ русской народности. Тѣмъ и другимъ путемъ въ русскую среду проникло не мало физическихъ и нравственныхъ особенностей, заимствованныхъ у Финновъ, и изъ этой смѣси элементовъ русскихъ и финскихъ, при господствѣ первыхъ, сложилось великорусское племя.

Андрей Боголюбскiй и его отношенiя къ Кiевской Руси. Теперь обратимся къ изученiю политическихъ послѣдствiй русской колонизацiи верхняго Поволжья. Они стали обнаруживаться уже при сынѣ того суздальскаго князя, въ княженiе котораго начался усиленный приливъ колонизацiи въ междурѣчье Оки и верхней Волги, при Андреѣ Боголюбскомъ. Самъ этотъ князь Андрей является крупной фигурой, на которой наглядно отразилось дѣйствiе колонизацiи. Отецъ его Юрiй по своимъ понятiямъ былъ еще князь совершенно стараго южно-русскаго закала. Получивъ отъ отца Мономаха въ управленiе Суздальскую Русь, онъ не успѣлъ отрѣшиться отъ кiевскихъ понятiй и стремленiй, на суздальскомъ сѣверѣ мечталъ о Кiевѣ, много лѣтъ боролся за него съ южнорусскими князьями и умеръ, сидя на кiевскомъ столѣ (Учебн. Соловьева, гл. VIII). Андрей не былъ похожъ на отца. Онъ родился въ 1111 году. Это былъ настоящiй сѣверный князь, истый суздалецъ-залѣшанинъ по своимъ привычкамъ и понятiямъ, по своему политическому воспитанiю. Онъ, кажется, и родился на сѣверѣ и прожилъ тамъ большую половину своей жизни, совсѣмъ не видавши юга. Отецъ далъ ему въ управленiе Владимiръ на Клязьмѣ, маленькiй, недавно возникшiй пригородъ, и тамъ Андрей прокняжилъ далеко за 30 лѣтъ своей жизни, не побывавъ въ Кiевѣ. Южная, какъ и сѣверная лѣтопись молчитъ о немъ до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцомъ и двоюроднымъ братомъ Изяславомъ волынскимъ съ 1146 года. Андрей появляется на югѣ впервые не раньше 1148 года, когда Юрiй, восторжествовавъ надъ племянникомъ, сѣлъ на кiевскомъ столѣ. Съ тѣхъ поръ и заговорила объ Андреѣ южная Русь, и южная лѣтопись сообщаетъ нѣсколько разсказовъ, живо рисующихъ его физiономiю. Андрей скоро выдѣлился изъ толпы тогдашнихъ южныхъ князей своими личными особенностями, своеобразнымъ характеромъ. Онъ въ удали не уступалъ своему удалому сопернику Изяславу, любилъ забываться въ разгарѣ сѣчи, залетать въ самую опасную свалку, не замѣчалъ, какъ съ него сби-

вали плѣномъ. Все это было очень обычно на югѣ, гдѣ постоянныя внѣшнія опасности и усобицы развивали удальство въ князьяхъ. Но совсѣмъ не было обычно умѣніе Андрея быстро отрезвляться отъ воинственнаго опьяненія. Тотчасъ послѣ боя онъ становился осторожнымъ, благоразумнымъ политикомъ, мирнымъ распорядителемъ. У Андрея всегда все въ порядкѣ; его нельзя было застать врасплохъ; онъ умѣлъ не терять головы во время переполоха. Несмотря на свою боевую удаль, онъ не любилъ войны, послѣ удачнаго боя первый подступалъ къ отцу съ просьбою мириться съ побитымъ врагомъ. Южно-русскій лѣтописецъ съ удивленіемъ отмѣчаетъ въ немъ эту черту характера, говоря: «не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, но ждалъ похвалы лишь отъ Бога». Точно также Андрей совсѣмъ не раздѣлялъ страсти своего отца къ Кіеву, былъ вполнѣ равнодушенъ къ матери городовъ русскихъ и ко всей южной Руси. Когда въ 1151 году Юрій былъ побѣжденъ Изяславомъ, онъ плакалъ горькими слезами, жалѣя, что ему приходится разставаться съ Кіевомъ. Дѣло было къ осени. Андрей сказалъ отцу: «намъ, батюшка, здѣсь теперь больше дѣлать нечего, уйдемъ-ка отсюда затеплю». По смерти Изяслава въ 1154 году Юрій прочно усѣлся на кіевскомъ столѣ и просидѣлъ до самой смерти въ 1157 году. Самаго надежнаго изъ своихъ сыновей Андрея онъ посадилъ у себя подъ рукою въ Вышгородѣ близъ Кіева; но Андрею не жилось на югѣ. Не спросившись у отца, онъ тихонько ушелъ на сѣверъ, захвативъ изъ Вышгорода чудотворную икону Божіей Матери, которая стала потомъ главной святынеі Суздальской земли подъ именемъ Владимірской. Одинъ позднѣйшій лѣтописный сводъ такъ объясняетъ этотъ поступокъ Андрея: «Смущался князь Андрей, видя нестроеніе своей братіи, племянниковъ и всѣхъ сродниковъ своихъ: вѣчно они въ мятежѣ и волненіи, все добиваясь великаго княженія кіевскаго; ни у кого изъ нихъ ни съ кѣмъ мира нѣтъ, и оттого всѣ княженія запустѣли; скорбѣлъ объ этомъ Андрей въ тайнѣ своего сердца и, не сказавшись отцу, рѣшился уйти къ себѣ въ Ростовъ и Суздаль, говоря: тамъ поспокойнѣе». По смерти Юрія на кіевскомъ столѣ смѣнилось нѣсколько князей и наконецъ усѣлся сынъ Юрьева соперника, Андреевъ двоюродный племянникъ Мстиславъ Изяславичъ волынскій. Андрей, считая себя старшимъ, выждалъ удобную минуту и послалъ на югъ съ сыномъ суздальское ополченіе, къ которому тамъ присоединились полки многихъ другихъ князей. Союзники взяли Кіевъ *копьемъ* и *на щитъ*, т. е. взяли городъ приступомъ и разграбили его (въ 1169 году). Но Андрей, взявъ Кіевъ своими полками, не поѣхалъ туда сѣсть на столъ отца и дѣда: Кіевъ былъ отданъ младшему Анд-

рееву брату Глѣбу. Впослѣдствіи, по смерти Глѣба, Кіевская земля отдана была ближайшимъ родичамъ Андрея Ростиславичамъ смоленскимъ. Старшій Романъ сѣлъ въ Кіевѣ, младшіе его братья Давидъ и Мстиславъ помѣстились въ ближайшихъ городахъ. Андрей носилъ званіе великаго князя, живя на своемъ суздальскомъ сѣверѣ. Но Ростиславичи разъ показали неповиновеніе Андрею и тотъ послалъ къ нимъ посла съ грознымъ приказаніемъ: «не ходишь ты, Романъ, въ моей волѣ съ своей братіей, такъ пошелъ вонъ изъ Кіева, ты, Мстиславъ, вонъ изъ Бѣлгорода, а ты, Давидъ, вонъ изъ Вышгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ, какъ знаете». Въ первый разъ великій князь, названный отецъ для младшей братіи, обращался такъ съ своими родичами. Эту перемѣну въ обращеніи съ особенною горечью почувствовалъ младшій изъ Ростиславичей Мстиславъ; онъ обрилъ голову и бороду Андрееву послу и отпустилъ его назадъ, велѣвъ сказать Андрею: «мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви; но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ». Такъ въ первый разъ произнесено было новое политическое слово *подручникъ*, т. е. впервые сдѣлана была попытка замѣнить неопредѣленныя отношенія родового старшинства отношеніями обязательнаго подчиненія, политическаго подданства младшихъ князей старшему наравнѣ съ простыми людьми.

Таковъ рядъ необычныхъ явленій, обнаружившихся въ отношеніяхъ Андрея Боголюбскаго къ южной Руси и другимъ князьямъ. До сихъ поръ званіе старшаго князя нераздѣльно соединено было съ обладаніемъ старшимъ кіевскимъ столомъ. Князь, признанный старшимъ среди родичей, обыкновенно садился въ Кіевѣ; князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, обыкновенно признавался старшимъ среди родичей. Андрей впервые отдѣлилъ старшинство отъ мѣста: заставивъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли, онъ не покинулъ своей Суздальской области и не поѣхалъ въ Кіевъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Такимъ образомъ княжеское старшинство, оторвавшись отъ мѣста, получило личное значеніе и сдѣлана была попытка сообщить ему авторитетъ настоящей верховной власти. (Объ усобицѣ по смерти Андрея см. Учебн. Соловьева, гл. IX).

Всеволодъ III Большое Гнѣздо. Въ княженіе Всеволода III обнаруживается новый фактъ—рѣшительное преобладаніе Суздальской области надъ остальными областями Русской земли. Всеволодъ III княжилъ въ Суздальской землѣ съ 1176 до 1212 г. Княженіе его во многомъ было

продолженіемъ внѣшней и внутренней дѣятельности Андрея. Подобно старшему брату Всеволодъ заставилъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли и подобно ему же не поѣхалъ въ Кіевъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Онъ правилъ южной Русью съ береговъ далекой Клязьмы; въ Кіевѣ князья садились изъ его руки. Великій князь кіевскій чувствовалъ себя непрочно на этомъ столѣ, если не ходилъ въ волѣ Всеволода, не былъ его подручникомъ. И сосѣди Всеволода князья рязанскіе чувствовали на себѣ его руку, ходили въ его волѣ, по его указу посылали свои полки въ походы вмѣстѣ съ его полками. Въ 1207 году Всеволодъ, вмѣшавшись въ усобицу рязанскихъ князей, потребовалъ у рязанцевъ выдачи ихъ всѣхъ съ княгинями, продержалъ ихъ у себя подъ присмотромъ, а въ Рязани посадилъ своего сына съ суздальскими посадниками. Когда же буйные, непокорные рязанцы, какъ ихъ характеризуетъ суздальскій лѣтописецъ, вышли изъ повиновенія Всеволоду, тогда суздальскій князь велѣлъ перехватать всѣхъ горожанъ съ семействами и расточилъ ихъ по суздальскимъ городамъ, а городъ Рязань сжегъ. И пѣвецъ *Слова о полку Игоревѣ*, южно-русскій поэтъ и публицистъ конца XII вѣка, знаетъ политическое могущество суздальскаго князя. Изображая бѣдствія, какія постигли Русскую землю послѣ пораженія его героевъ въ степи, этотъ пѣвецъ обращается къ Всеволоду съ такими укоризненными словами: «великій князь Всеволодъ! чтобы тебѣ прилетѣть издалека отчаго золотого стола постеречь: вѣдь ты можешь Волгу разбрызгать веслами, Донъ шлемами вычерпать». Въ такихъ поэтически-преувеличенныхъ размѣрахъ представлялись черниговскому пѣвцу волжскій флотъ Всеволода III и его сухопутная рать. Такимъ образомъ Суздальская область, еще въ началѣ XII в. столь незначительный сѣверо-восточный уголъ Русской земли, уже въ концѣ этого вѣка является княжествомъ, рѣшительно господствующимъ надъ всей остальной Русью. Политическій центръ тяжести явственно перемѣщается съ береговъ средняго Днѣпра на берега Клязьмы. Это перемѣщеніе было слѣдствіемъ отлива русскихъ силъ изъ средняго Поднѣпровья къ сѣверо-востоку.

Удѣлы. Обращаясь къ явленіямъ, слѣдовавшимъ за смертью Всеволода, встрѣчаемъ еще новый фактъ, не менѣе важный, чѣмъ всѣ предыдущіе. Порядокъ княжескаго владѣнія въ старой Кіевской Руси держался на очереди старшинства. Всматриваясь во владѣльческія отношенія потомковъ Всеволода, мы замѣчаемъ, что въ Суздальской землѣ утверждается новый порядокъ княжескаго владѣнія, непохожій на прежній. Кіевъ окончательно падаетъ послѣ татарскаго нашествія. Владиміръ на Клязьмѣ для потомковъ Всеволода заступаетъ мѣсто Кіева въ значеніи

политическаго центра Руси, оставляя за Кіевомъ, и то лишь на короткое время, только значеніе центра церковно-административнаго. Въ занятіи старшаго владимірскаго стола Всеволодовичи вообще слѣдовали прежней очереди старшинства. Когда Константинъ Всеволодовичъ побѣдой на Липицѣ возстановилъ свое старшинство, снятое съ него отцомъ, дѣти Всеволода садились на владимірскомъ столѣ по порядку старшинства, сначала Константинъ, потомъ Юрій, за нимъ Ярославъ, наконецъ Святославъ. Та же очередь наблюдалась и въ поколѣніи Всеволодовыхъ внуковъ, сыновей Ярослава Всеволодовича: на столѣ владимірскомъ сидѣлъ сначала старшій Ярославичъ Александръ Невскій, потомъ Ярославъ тверской, за ними младшій Василій костромской (1276 г.). Значитъ, до послѣдней четверти XIII вѣка въ занятіи великокняжескаго стола дѣйствовала прежняя очередь старшинства; бывали отступленія отъ этого порядка, но ихъ видимъ мы здѣсь, въ Суздальской землѣ, не болѣе, чѣмъ видѣли въ старой Кіевской Руси. Рядомъ со старшей Владимірской областью, составлявшей общее достояніе Всеволодовичей и владѣемой по очереди старшинства, возникло въ Суздальской землѣ нѣсколько младшихъ волостей, которыми владѣли младшіе Всеволодовичи. Во владѣніи этими младшими областями устанавливается другой порядокъ, который держался не на очереди старшинства. Младшія волости переходятъ теперь не по *очереди* старшинства, а по *завѣщанію* отъ отца къ сыну, передаются изъ рукъ въ руки въ прямой нисходящей, а не въ боковой ломанной линіи, т. е. не отъ старшаго брата младшему, отъ младшаго дяди старшему племяннику и т. д. Такой порядокъ владѣнія измѣняетъ *юридическій* характеръ младшихъ волостей. Прежнія волости были части Русской земли, владѣемыя всѣми князьями сообща, т. е. каждымъ отдѣльнымъ княземъ временно, по извѣстной очереди. Теперь волость — неотъемлемая отдѣльная собственность извѣстнаго князя, личное его достояніе, постоянное владѣніе, которое передается отъ отца дѣтямъ по личному распоряженію владѣльца, по завѣщанію. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ юридическаго характера волости является для нея и новое названіе. Въ старой Кіевской Руси части Русской земли, достававшіяся тѣмъ или другимъ князьямъ по очереди, обыкновенно назывались волостями въ смыслѣ временнаго владѣнія. Младшія волости, на которыя распалась Суздальская земля во Всеволодовомъ племени съ XIII вѣка, называются *удѣлами* или *вотчинами* въ смыслѣ владѣнія отдѣльнаго и наслѣдственнаго. Этотъ новый порядокъ княжескаго владѣнія, утвердившійся на сѣверѣ въ XIII и XIV в., и надобно называть *удѣльнымъ*.

Слѣдствія удѣльнаго порядка. Такъ, дѣйствовавшій между Ярославичами въ Кіевской Руси совмѣстный родовой порядокъ владѣнія всей Русской землей по очереди старшинства уступилъ мѣсто на суздальскомъ сѣверѣ въ потомствѣ Всеволода III раздѣльному наслѣдственному владѣнію частями земли на правѣ полной личной собственности, принадлежавшемъ каждому князю-владѣльцу. Новый порядокъ утверждался въ сѣверной Руси одновременно съ ея русской колонизаціей, которая и была главной причиной этой перемѣны. Сѣверные князья, руководя этой колонизаціей, заселяя и устрояя свои владѣнія, привыкали смотрѣть на нихъ, какъ на дѣло рукъ своихъ, т. е. какъ на свое личное достояніе. Дѣйствіе этого порядка сопровождалось слѣдствіями, очень важными для послѣдующей политической судьбы сѣверной Руси: 1) путемъ раздѣла княжескихъ вотчинъ между наслѣдниками сѣверная Русь въ XIII—XV вв. постепенно раздробилась на множество мелкихъ удѣловъ, приближавшихся по своимъ размѣрамъ къ вотчинамъ простыхъ частныхъ землевладѣльцевъ; 2) измельчаніе удѣловъ сопровождалось обѣдненіемъ удѣльныхъ князей и упадкомъ ихъ правительственнаго авторитета; 3) удѣльный порядокъ вносилъ въ среду князей взаимное отчужденіе, ослаблялъ въ нихъ чувство солидарности, общности интересовъ, отучалъ ихъ дѣйствовать сообща, дѣлалъ ихъ неспособными къ дружнымъ политическимъ союзамъ; 4) отчуждая князей другъ отъ друга и замыкая ихъ въ мелкихъ наслѣдственныхъ вотчинахъ, удѣльный порядокъ понижалъ уровень ихъ гражданскаго чувства и земскаго сознанія, затемнялъ мысль о единствѣ Русской земли, объ общемъ народномъ благѣ. Облегчая борьбу съ удѣльными князьями, удѣльный порядокъ этими слѣдствіями подготовилъ свое собственное разрушеніе и политическое объединеніе сѣверной Руси однимъ изъ удѣльныхъ княжествъ—Московскимъ.

Московское княжество до половины XV вѣка.

Причины и ходъ его усиленія. Лѣтопись выводитъ городъ Москву въ числѣ новыхъ суздальскихъ городовъ, возникшихъ въ княженіе Юрія Долгорукаго. Любопытно, что городокъ этотъ впервые является въ лѣтописномъ разсказѣ съ значеніемъ пограничнаго пункта между княжествомъ сѣвернымъ Суздальскимъ и южнымъ Черниговскимъ. Сюда въ 1147 году Юрій Долгорукій пригласилъ своего сосѣда и союзника князя черниговскаго Святослава Ольговича на свиданье. Это — первое извѣстіе о Москвѣ. Значитъ, городъ возникъ на перепутьѣ между днѣпровскимъ

югомъ и верхне-волжскимъ сѣверомъ. Съ тѣмъ же значеніемъ пограничнаго города Суздальской земли является Москва и въ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Лѣтопись подробно разсказываетъ о шумной борьбѣ, какая поднялась по смерти Андрея Боголюбскаго между его младшими братьями и племянниками. Въ 1176 году дяди, восторжествовавъ надъ племянниками, вызвали изъ Чернигова укрывавшихся тамъ своихъ женъ. Провожать княгинь поѣхалъ сынъ черниговскаго князя Олегъ; онъ довезъ ихъ до Москвы и оттуда возвратился въ свою волость Лопасню. Лопасня—село верстахъ въ 70 отъ Москвы къ югу по серпуховской дорогѣ. Такъ близко подходила тогдашняя черниговская граница къ суздальскому городу Москвѣ. Москва носила тогда еще другое названіе *Кучкова*, полученное ею отъ мѣстнаго вотчинника, боярина и ростовскаго тысяцкаго Степана Кучки, которому принадлежали окрестныя села и деревни. Временемъ возникновенія и географическимъ положеніемъ Москвы объясняется ея дальнѣйшая политическая судьба. Какъ городокъ новый и далекій отъ суздальскихъ центровъ Ростова и Владиміра, Москва позже другихъ суздальскихъ городовъ могла стать стольнымъ городомъ особаго княжества и притомъ должна была достаться младшему князю. Дѣйствительно, въ продолженіе большей части XIII в. въ Москвѣ не замѣтно постояннаго княженія: князья являлись въ Москвѣ лишь на короткое время, и все это были младшіе сыновья своихъ отцовъ. Около начала послѣдней четверти XIII в. въ Москвѣ утвердился младшій изъ сыновей Александра Невскаго Даніилъ. Съ тѣхъ поръ Москва становится особымъ княжествомъ съ постояннымъ княземъ; Даніилъ сталъ родоначальникомъ московскаго княжескаго дома.

Таковы первыя извѣстія о Москвѣ. Первоначальныя причины ея быстраго роста заключались въ географическомъ положеніи города и его края. Прежде всего это положеніе содѣйствовало сравнительно болѣе ранней и густой населенности края. Москва возникла на рубежѣ между юго-западной днѣпровской и сѣверо-восточной волжской Русью. Это былъ первый край, въ который попадали юго-западные колонисты, перваливъ за рѣку Угру; здѣсь, слѣдовательно, они осаживались въ наибольшемъ количествѣ, какъ на первомъ своемъ привалѣ. Блѣдные слѣды усиленнаго осадка колонизаціи въ области рѣки Москвы находимъ въ родословныхъ росписяхъ старинныхъ боярскихъ фамилій, которыя дѣйствовали въ Москвѣ. Эти росписи начинаются обыкновенно сказаніемъ о томъ, какъ и откуда родоначальники этихъ фамилій пришли служить московскому князю. Соединяя эти отдѣльныя генеалогическія преданія, мы получаемъ важный историческій фактъ: съ конца XIII вѣ-

ка, еще прежде чѣмъ городъ Москва начинаетъ играть замѣтную роль въ сѣверной Руси, въ нее со всѣхъ сторонъ собираются знатные служилые люди изъ Мурома, Нижняго, Ростова, Чернигова, даже изъ Кіева и съ Волыни. Знатные слуги шли по теченію народной массы. Генеалогическія сказанія боярскихъ родословныхъ отразили въ себѣ лишь общее движеніе, господствовавшее въ тогдашнемъ русскомъ населеніи. Въ Москву, какъ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ Русской земли, угрожаемыхъ внѣшними врагами, стекались народныя силы. Это центральное положеніе Москвы прикрывало ее со всѣхъ сторонъ отъ внѣшнихъ враговъ; внѣшніе удары падали на сосѣднія княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское и рѣдко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытію, Московская область стала убѣжищемъ для окрайнаго русскаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападеній. Въ XIII и первой половинѣ XIV вѣка Московское княжество было единственнымъ краемъ сѣверной Руси, свободнымъ отъ такихъ бѣдствій. Вотъ одно изъ условій, содѣйствовавшихъ успѣшному его заселенію. То же географическое положеніе Москвы заключало въ себѣ другое условіе, содѣйствовавшее раннимъ промышленнымъ ея успѣхамъ. Московское княжество съ сѣверо-запада на юго-востокъ діагонально перерѣзывалось теченіемъ рѣки Москвы. Въ старое время эта рѣка имѣла важное торговое значеніе, была торговой дорогой. Нижнимъ своимъ теченіемъ она связываетъ городъ Москву съ бассейномъ Оки, а верховьями подходитъ близко къ верхней Волгѣ. Такимъ образомъ рѣка Москва служитъ соединительной хордой, соединяющей концы рѣчной дуги, какая образуется теченіемъ Оки и верхней Волги. Одно явленіе указываетъ на такое торговое значеніе рѣки. Очень рано на самомъ переволѣ съ верхней Волги на рѣку Москву возникъ торговый пунктъ *Волокъ на Ламѣ* (Волоколамскъ). Этотъ Волокъ на Ламѣ былъ построенъ новгородцами и служилъ имъ складочнымъ мѣстомъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ бассейномъ Оки и съ областью средней Волги. Оба эти условія, вытекавшія изъ географическаго положенія города Москвы, имѣли важное значеніе для московскаго князя. Сгущенность населенія въ его удѣлѣ увеличивала количество плательщиковъ прямыхъ податей. Развитіе торговаго транзитнаго движенія по рѣкѣ Москвѣ оживляло промышленность края и обогащало казну мѣстнаго князя торговыми пошлинами.

Рядомъ съ этими экономическими послѣдствіями, вытекавшими изъ географическаго положенія Москвы, изъ того же источника вышелъ рядъ важныхъ послѣдствій политическихъ. Съ географическимъ положе-

ніемъ города Москвы тѣсно было связано генеалогическое положеніе его князя. Какъ городъ новый и окрайный, Москва досталась одной изъ младшихъ линій Всеволодова племени. Поэтому московскій князь не могъ питать надежды дожить до старшинства и занять старшій великокняжескій столъ. Чувствуя себя безправнымъ среди родичей и не имѣя опоры въ обычаяхъ и преданіяхъ старины, онъ долженъ былъ обезпечивать свое положеніе иными средствами независимо отъ очереди старшинства. Благодаря тому московскіе князья рано выработали своеобразную политику, состоявшую въ умѣньѣ пользоваться условіями текущей минуты. Первый московскій князь Александрова племени Даніилъ, по разсказу лѣтописца, врасплохъ напавъ на своего рязанскаго сосѣда князя Константина, побѣдилъ его «нѣкоей хитростью», т.-е. обманомъ, и взялъ въ плѣнъ. Сынъ этого Даніила Юрій въ 1303 году, напавъ на другого сосѣда Святослава, князя можайскаго, также взялъ его въ плѣнъ и захватилъ Можайскій удѣлъ, потомъ убилъ отцова плѣнника Константина и отхватилъ отъ Рязанскаго княжества городъ Коломну. Московскій князь—врагъ всякому великому князю, кто бы онъ ни былъ. Даніилъ всю жизнь боролся съ великими князьями, даже съ собственнымъ старшимъ братомъ Димитріемъ переяславскимъ. Но по смерти Димитрія онъ сблизился съ добрымъ и бездѣтнымъ его сыномъ Иваномъ и такъ подружился, что Иванъ, умирая въ 1302 году, отказалъ свой удѣлъ московскому своему сосѣду помимо старшихъ родичей. Даніилъ принялъ наслѣдство и отстоялъ его. Но враги старшинства, московскіе князья были гибкіе и сообразительные политики. Какъ скоро измѣнялись обстоятельства, и они измѣняли свой образъ дѣйствій. Татарскій разгромъ надолго, на весь XIII вѣкъ повергъ народное хозяйство сѣверной Руси въ страшный хаосъ. Но съ XIV вѣка отношенія здѣсь начали устанавливаться, народное хозяйство стало приходить въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ и московскіе князья являются мирными хозяевами, домовитыми устроителями своего удѣла, заботятся о водвореніи въ немъ прочнаго порядка, заселяютъ его промышленными и рабочими людьми, которыхъ перезываютъ къ себѣ изъ чужихъ княжествъ, толпами покупаютъ въ Ордѣ русскихъ плѣнниковъ и на льготныхъ условіяхъ сажаютъ тѣхъ и другихъ на своихъ московскихъ пустошахъ, строятъ деревни, села, слободы.

Таковы были первоначальныя условія быстраго роста Московскаго княжества: то были географическое положеніе Москвы и генеалогическое положеніе ея князя. Первое условіе сопровождалось выгодами экономическими, которыя давали въ руки московскому князю обильныя ма-

теріальныя средства для дѣйствія, а второе условіе указало ему, какъ всего выгоднѣе пустить въ оборотъ эти средства, помогло ему выработать политику, основанную не на родственныхъ воспоминаніяхъ, а на искусномъ пользованіи минутой. Пользуясь такими средствами и держась такой политики, московскіе князья въ XIV и первой половинѣ XV в. умѣли добиться очень важныхъ политическихъ успѣховъ.

1) Пользуясь своими средствами, московскіе князья постепенно выводили свое княжество изъ первоначальныхъ тѣсныхъ его предѣловъ. Въ самомъ началѣ XIV вѣка на сѣверѣ Руси, можетъ быть, не было удѣла меньше Московскаго. Предѣлы его далеко не совпадали даже съ границами нынѣшней Московской губерніи. Изъ городовъ этой губерніи въ первоначальный составъ удѣльной московской территоріи не входили Дмитровъ, Клинъ, Волоколамскъ, Можайскъ, Коломна, Верея. Даже около того времени, когда третій московскій князь изъ племени Александра Невскаго Иванъ Калита сталъ великимъ княземъ, Московскій удѣлъ оставался еще очень незначительнымъ. Въ одной духовной этого князя, написанной не раньше 1327 года, перечислены всѣ его вотчинныя владѣнія. Они состояли изъ шести городовъ съ уѣздами: то были Москва, Коломна, Можайскъ, Звенигородъ, Серпуховъ, Руза (Переяславль не упомянутъ въ грамотѣ). Въ этихъ шести уѣздахъ находились 51 сельская волость и 42 дворцовыхъ села. Вотъ весь удѣлъ Калиты около того времени, когда онъ сталъ великимъ княземъ. Но въ рукахъ его были обильныя матеріальныя средства, которыя онъ и пустилъ въ выгодный оборотъ. Тогдашнія тяжкія условія землевладѣнія заставляли землевладѣльцевъ продавать свои вотчины. Вслѣдствіе усиленнаго предложенія земли были дешевы. Московскіе князья, имѣя свободныя деньги, начали скупать земли у частныхъ лицъ и у церковныхъ учрежденій, у митрополита, у монастырей, у другихъ князей. Покупая села и деревни въ чужихъ удѣлахъ, Иванъ Калита купилъ цѣлыхъ три удѣльныхъ города съ уѣздами, Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ. Преемники его продолжали это мозаическое собираніе Руси. Въ каждой слѣдующей московской духовной грамотѣ перечисляются новопріобрѣтенныя села и волости, о которыхъ не упоминаетъ предшествующая. Первоначально эти пріобрѣтенія совершались путемъ частныхъ полюбовныхъ сдѣлокъ; но потомъ пущенъ былъ въ ходъ и насильственный захватъ. Такъ сынъ Димитрія Донского Василій купилъ у хана Муромъ, Тарусу и цѣлое Нижегородское княжество и съ помощью Татаръ выгналъ владѣльцевъ этихъ княжествъ изъ ихъ владѣній. Благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ территорія Московскаго княжества значительно расширилась въ продолженіе XIV и

XV вв. Владѣнія Ивана Калиты едва ли заключали въ себѣ 500 квадратныхъ миль, такъ какъ во всей Московской губерніи не болѣе 590 кв. миль. Если по духовной Василія Темнаго 1462 года очертить предѣлы московскихъ владѣній, увидимъ, что въ нихъ можно считать по меньшей мѣрѣ 15.000 кв. миль. Таковы были территоріальные успѣхи, достигнутые московскими князьями къ половинѣ XV вѣка.

2) Пользуясь своими средствами и разсчетливой фамильной политикой, московскіе князья въ XIV в. постепенно сами выступали изъ положенія мелкихъ и безправныхъ удѣльныхъ князей. Младшіе, но богатые, эти князья предприняли смѣлую борьбу со старшими родичами за великокняжескій столъ. Главными ихъ соперниками были князья тверскіе, старшіе ихъ родичи. Дѣйствуя во имя силы, а не права, московскіе князья долго не имѣли успѣха. Князь Юрій Даниловичъ погубилъ въ Ордѣ своего соперника Михаила Ярославича тверскаго, но потомъ самъ сложилъ тамъ свою голову. Однако окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства боровшихся сторонъ были не равны. На сторонѣ тверскихъ князей были право старшинства и таланты, средства историческія и нравственныя; на сторонѣ князей московскихъ были деньги и умѣнье пользоваться обстоятельствами, т. е. средства матеріальныя и практическія, житейскія, а тогда Русь переживала время, когда послѣднія средства были сильнѣе первыхъ. Князья тверскіе никакъ не могли понять истиннаго положенія дѣлъ и въ началѣ XIV в. все еще считали возможной борьбу съ Татарами. Въ 1327 году тверской князь Александръ Михайловичъ не вытерпѣлъ, со всѣмъ городомъ Тверью поднялся на Татаръ и истребилъ находившихся тогда въ Твери татарскихъ пословъ. Московскіе князья иначе смотрѣли на положеніе дѣлъ. Они вовсе не думали о борьбѣ съ Татарами; видя, что въ Ордѣ гораздо выгоднѣе дѣйствовать деньгами, чѣмъ оружіемъ, они усердно ухаживали за ханомъ и сдѣлали его орудіемъ своей политики. Благодаря тому московскій князь, по генеалогіи младшій среди своей братіи, добился старшаго великокняжескаго стола. Ханъ поручилъ Калитѣ наказать тверскаго князя за возстаніе. Тотъ исправно исполнилъ порученіе и въ 1328 г. получилъ въ награду великокняжескій столъ, который съ тѣхъ поръ уже не выходилъ изъ-подъ московскаго князя.

3) Пріобрѣтеніе великокняжескаго стола московскимъ княземъ сопровождалось важными послѣдствіями для Руси. Московскій удѣльный владѣлецъ, ставъ великимъ княземъ, первый началъ выводить русское населеніе изъ того унынія, въ какое повергли его внѣшнія несчастія. Образцовый устроитель своего удѣла, московскій князь, ставъ великимъ,

далъ почувствовать выгоды своей политики и другимъ частямъ сѣверо-восточной Руси. Этимъ онъ подготовилъ себѣ популярность, т. е. почву для дальнѣйшихъ успѣховъ. Лѣтописецъ съ удареніемъ отмѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ московскій князь получилъ отъ хана великокняжеское достоинство, сѣверная Русь начала отдыхать отъ постоянныхъ погромовъ, какіе она терпѣла. Разсказывая о возвращеніи Калиты отъ хана съ пожалованіемъ въ 1328 г., лѣтописецъ прибавляетъ: «бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ и престаша Татарове воевати землю Русскую». Это, очевидно, замѣтка наблюдателя, жившаго во второй половинѣ XIV в. Оглянувшись назадъ за 40 лѣтъ, этотъ наблюдатель отмѣтилъ, какъ почувствовалось въ эти десятилѣтія господство Москвы въ сѣверной Россіи: время съ 1328 по 1369 г., когда впервые напалъ на сѣверо-восточную Русь Ольгердъ литовскій, считалось порою отдыха для населенія этой Руси, которое за то благодарило Москву. Наконецъ почти вся сѣверная Русь, ставъ противъ Орды на Куликовомъ полѣ подъ московскими знаменами, въ 1380 г. одержала первую народную побѣду надъ агарянствомъ. Это сообщило московскому князю значеніе *національнаго вождя* сѣверной Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

4) Всего важнѣе было то, что московскій князь пріобрѣлъ своему стольному городу значеніе *церковной столицы* Руси. Въ этомъ пріобрѣтеніи ему также помогло географическое положеніе города Москвы. Отъ татарскаго разгрома окончательно опустѣла старинная Кіевская Русь. Вслѣдъ за населеніемъ на сѣверъ ушелъ и высшій іерархъ русской Церкви, кіевскій митрополитъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1299 году митрополитъ Максимъ, не стерпѣвъ насилія татарскаго, собрался со всѣмъ своимъ клиросомъ и уѣхалъ изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ; тогда же и весь Кіевъ городъ разбѣжался, добавляетъ лѣтописецъ. Но остатки южно-русской паствы не менѣе прежняго нуждались въ заботахъ высшаго пастыря русской Церкви. Митрополитъ изъ Владиміра часто ѣздилъ въ южно-русскія епархіи. Въ эти поѣздки онъ останавливался на перепутьи въ городѣ Москвѣ. Такъ бывалъ часто и живалъ подолгу въ Москвѣ преемникъ Максима митрополитъ Петръ. Благодаря тому у него завязалась тѣсная дружба съ мѣстнымъ княземъ Иваномъ Калитой. Оба они вмѣстѣ заложили соборный храмъ Успенія въ Москвѣ; въ этомъ же городѣ митрополита Петра застигла смерть въ 1326 г. Можетъ быть, онъ еще и не думалъ о перенесеніи митрополичьей каѳедры съ Клязьмы на берега Москвы; но эта случайность стала завѣтомъ для дальнѣйшихъ митрополитовъ. Преемникъ Петра Ѳеогностъ не хотѣлъ жить во Владимірѣ,

поселился на митрополичьемъ подворьѣ въ Москвѣ у чудотворцева гроба. Такъ Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чѣмъ сдѣлалась столицей государственной. Богатыя матеріальныя средства, которыми располагала тогда русская Церковь, стали стекаться въ Москву, содѣйствуя ея обогащенію. Еще важнѣе было нравственное впечатлѣніе, произведенное этимъ перемѣщеніемъ митрополичьей каѳедры на населеніе сѣверной Руси. Это населеніе съ бо́льшимъ довѣріемъ стало относиться къ московскому князю, предполагая, что всѣ его дѣйствія совершаются по благословенію старшаго святителя русской Церкви. Слѣдъ этого впечатлѣнія замѣтенъ въ разсказѣ лѣтописца. Повѣствуя о перенесеніи каѳедры въ Москву, этотъ лѣтописецъ замѣчаетъ: «инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща». Вслѣдствіе того церковное русское общество стало сочувственно относиться къ князю, дѣйствовавшему объ руку съ высшимъ пастыремъ русской Церкви. Это сочувствіе церковнаго общества, можетъ быть, всего болѣе помогло московскому князю укрѣпить за собою національное значеніе въ сѣверной Руси. Политическіе успѣхи московскаго князя освящались въ народномъ представленіи содѣйствіемъ и благословеніемъ высшей духовной власти Руси.

Значеніе, пріобрѣтенное этими успѣхами, все доставалось великому князю, старшему изъ московскихъ князей, который сверхъ своего московскаго удѣла владѣлъ еще великокняжеской Владимірской областью. Съ Ивана Калиты въ продолженіе ста лѣтъ такимъ великимъ княземъ становился обыкновенно старшій сынъ предшествовавшаго великаго князя. По личному составу московскаго княжескаго дома такой переходъ великокняжескаго достоинства въ нисходящей линіи до смерти Калитина правнука великаго князя Василія Димитріевича не вызывалъ спора среди московскихъ князей, а князьямъ другихъ линій, соперничавшимъ съ московскими, ни суздальскимъ, ни тверскимъ, не удалось перебить у нихъ великаго княженія. Неоспариваемый переходъ великокняжеской власти отъ отца къ сыну, повторявшійся въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, сталъ обычаемъ, на который общество начало смотрѣть, какъ на правильный порядокъ, забывая о прежнемъ порядкѣ преемства по старшинству. Впервые споръ противъ этого новаго порядка поднялся въ московскомъ княжескомъ домѣ по смерти великаго князя Василія Димитріевича; но эта шумная усобица между московскими князьями кончилась торжествомъ новаго порядка (Учебн. Соловьева, гл. XXIII). Эта усобица произошла вслѣдствіе притязанія Юрія Димитріевича галицкаго, дяди великаго князя Василія Васильевича, занять великокняжескій столъ мимо

племянника. Этотъ дядя, дѣйствуя во имя своего старшинства, въ 1431 г. поѣхалъ въ Орду тягаться съ племянникомъ за великое княженіе. Эта усобица, продолженная по смерти Юрія его сыновьями, взволновала все русское общество, руководящіе классы котораго, духовенство, князья, бояре и другіе служилые люди рѣшительно стали за Василія. Когда сынъ Юрія Шемяка, по смерти отца наслѣдникъ его притязаній, нарушилъ свой договоръ съ Василіемъ, послѣдній отдалъ дѣло на судъ духовенства. Духовенство, именно пять епископовъ съ нѣсколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси) въ 1447 г. обратились къ нарушителю договора съ грознымъ посланіемъ, въ которомъ высказали свой взглядъ на политическій порядокъ, какой долженъ существовать на Руси. Здѣсь духовенство рѣшительно возстало противъ притязаній Шемякина отца на великокняжескій столъ, признавая исключительное право на него за племянникомъ, старшимъ сыномъ предшествовавшаго великаго князя. Притязаніе Юрія духовенство сравниваетъ съ грѣхомъ праотца Адама, возымѣвшаго желаніе «равнобожества», внушенное сатаной. «Сколько трудовъ понесъ отецъ твой, писали владыки, сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола онъ все-таки не получилъ, чего ему не дано Богомъ, ни *земскою изначала пошлиной*». Итакъ духовенство считало единственно правильнымъ порядкомъ преемство великокняжескаго стола въ нисходящей линіи, а не по очереди старшинства, и даже наперекоръ исторіи признавало такой порядокъ исконной «земской пошлиной», т. е. стариннымъ обычаемъ Русской земли. Этотъ новый порядокъ долженъ былъ подготовить установленіе единовластія, усиливая одну прямую старшую линію московскаго княжескаго дома, устраняя и ослабляя боковыя младшія.

Поддержка, какую общество во время усобицы оказало этому порядку въ лицѣ в. кн. Василія Темнаго, объясняется фактомъ, незамѣтно совершившимся въ сѣверной Руси подъ шумъ удѣльныхъ княжескихъ ссоръ и татарскихъ погромовъ. Мы знаемъ, какія обстоятельства заставили массу русскаго населенія передвинуться изъ старой днѣпровской Руси въ область верхней Волги. Передвиженіе это сопровождалось раздробленіемъ народныхъ силъ, выразившимся въ удѣльномъ дробленіи верхне-волжской Руси. Но съ теченіемъ времени различные этнографическіе элементы, прежде разъединенные, стали сливаться въ одно національное цѣлое, завязалась и окрѣпла въ составѣ русскаго населенія цѣлая плотная народность великорусская. Сложившись среди внѣшнихъ опасностей, она чувствовала потребность въ сосредоточеніи своихъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ. Эта потребность и была новой и могуще-

ственной причиной успѣховъ московскаго князя, присоединившейся къ первоначальнымъ, какими были: экономическія выгоды географическаго положенія Московскаго княжества, церковное значеніе, пріобрѣтенное Москвой при содѣйствіи того же условія, и разсчетливый, согласованный съ обстоятельствами времени образъ дѣйствій московскихъ князей. Какъ скоро населеніе сѣверной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическимъ центромъ, около котораго оно могло собрать свои силы для борьбы съ внѣшними врагами, удѣльный порядокъ долженъ былъ пасть передъ объединительными стремленіями великаго князя московскаго, пріобрѣтавшаго значеніе національнаго государя Великороссіи.

Новгородская земля.

Новгородъ Великій и его территорія. Политическій строй Новгорода *Великаго*, т. е. старшаго города въ своей землѣ, былъ тѣсно связанъ съ топографіей города. Онъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ рѣки Волхова, недалеко отъ истока ея изъ озера Ильменя. Новгородъ составился изъ нѣсколькихъ слободъ или поселковъ, которые сначала были самостоятельными обществами, а потомъ соединились въ одну большую городскую общину. Слѣды этого самостоятельнаго существованія составныхъ частей Новгорода сохранялись и позднѣе въ распредѣленіи города на концы. Волховъ дѣлитъ Новгородъ на двѣ половины: на правую—по восточному берегу рѣки и лѣвую—по западному берегу; первая называлась *Торговой*, потому что въ ней находился главный городской рынокъ, торгъ; вторая носила названіе *Софійской* съ той поры, какъ Владиміръ, сынъ Ярослава, около половины XI вѣка построилъ здѣсь соборный храмъ св. Софіи. Обѣ стороны соединялись большимъ волховскимъ мостомъ, находившимся недалеко отъ торга. Къ торгу примыкала площадь, называвшаяся *Ярославовымъ дворомъ*, потому что здѣсь нѣкогда находилось подворье Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ при жизни отца. На этой площади возвышалась *степень*, помостъ, съ котораго новгородскіе сановники обращались съ рѣчами къ собиравшемуся на вѣче народу. Близъ степени находилась вѣчевая башня, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ, а внизу ея помѣщалась вѣчевая канцелярія. Торговая сторона состояла изъ двухъ концовъ: *Плотницкаго* сѣвернѣе и *Славенскаго* южнѣе. Славенскій конецъ получилъ свое названіе отъ

древнѣйшаго новгородскаго поселка, вошедшаго въ составъ Новгорода, *Славна*. Городской торгъ и Ярославовъ дворъ находились въ Славенскомъ концѣ. На Софійской сторонѣ, тотчасъ по переходѣ чрезъ волховскій мостъ, находился *дѣтинецъ*, укрѣпленіе, которымъ окруженъ былъ соборный храмъ св. Софіи. Софійская сторона дѣлилась на три конца: *Неревскій* къ сѣверу, *Загородскій* къ западу и *Гончарскій* или *Людинъ* къ югу, ближе къ озеру. Названія концовъ Гончарскаго и Плотницкаго указываютъ на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались концы Новгорода.

Новгородъ съ своими пятью концами былъ политическимъ средоточіемъ обширной территоріи, къ нему тянувшей. Эта территорія состояла изъ частей двухъ разрядовъ: изъ *пятинъ* и *волостей* или *земель*; совокупность тѣхъ и другихъ составляла область или землю св. Софіи. По новгородскимъ памятникамъ до паденія Новгорода и пятины назывались *землями*, а въ болѣе древнее время *рядами*. Пятины были слѣдующія: на СЗ отъ Новгорода, между рѣками Волховомъ и Лугой, простиралась по направленію къ Финскому заливу пятина *Вотьская,* получившая свое названіе отъ обитавшаго здѣсь финскаго племени *Води* или *Воти*; на СВ справа отъ Волхова шла далеко къ Бѣлому морю по обѣ стороны Онежскаго озера пятина *Обонежская;* къ ЮВ между рѣками Мстою и Ловатью простиралась пятина *Деревская;* къ ЮЗ между рѣками Ловатью и Лугой, по обѣ стороны рѣки Шелони, шла *Шелонская* пятина; на отлетѣ за пятинами Обонежской и Деревской простиралась далеко на ЮВ пятина *Бѣжецкая*, получившая свое названіе отъ селенія Бѣжичей, бывшаго однимъ изъ ея административныхъ средоточій (въ нынѣшней Тверской губерніи). Первоначально пятины состояли изъ древнѣйшихъ и ближайшихъ къ Новгороду владѣній его. Владѣнія болѣе отдаленныя и позднѣе пріобрѣтенныя не вошли въ пятинное дѣленіе и образовали рядъ особыхъ *волостей*, имѣвшихъ нѣсколько отличное отъ пятинъ устройство. Такъ города Волокъ-Ламскій и Торжокъ съ своими округами не принадлежали ни къ какой пятинѣ. За пятинами Обонежской и Бѣжецкой простиралась на востокъ волость *Заволочье* или *Двинская земля*. Она называлась Заволочьемъ, потому что находилась за *волокомъ*, за обширнымъ водораздѣломъ, отдѣляющимъ бассейнъ Онеги и Сѣверной Двины отъ бассейна Волги. Теченіемъ рѣки Вычегды съ ея притоками опредѣлялось положеніе *Пермской земли*. За Двинской землей и Пермью далѣе къ сѣверо-востоку находились волости *Печора* по рѣкѣ Печорѣ и по ту сторону сѣвернаго Уральскаго хребта волость *Югра*. На сѣверномъ берегу Бѣлаго моря была волость *Тре*

или *Терскій берегъ.* Таковы были главныя волости новгородскія, не входившія въ пятинное дѣленіе. Онѣ рано пріобрѣтены были Новгородомъ: такъ уже въ XI вѣкѣ новгородцы ходили за данью за Двину на Печору, а въ XIII вѣкѣ собирали дань на Терскомъ берегу.

Отношенія Новгорода къ князьямъ. Въ началѣ нашей исторіи Новгородская земля по устройству своему была совершенно похожа на другія области Русской земли. Точно также и отношенія Новгорода къ князьямъ мало отличались отъ тѣхъ, въ какихъ стояли другіе старшіе города областей. На Новгородъ съ тѣхъ поръ, какъ первые князья покинули его для Кіева, наложена была дань въ пользу великаго князя кіевскаго. По смерти Ярослава Новгородская земля присоединена была къ великому княжеству Кіевскому, и великій князь обыкновенно посылалъ туда для управленія своего сына или ближайшаго родственника, назначая въ помощники ему посадника. До второй четверти XII в. въ бытѣ Новгородской земли незамѣтно никакихъ политическихъ особенностей, которыя выдѣляли бы ее изъ ряда другихъ областей Русской земли. Но со смерти Владиміра Мономаха все успѣшнѣе развиваются эти особенности, ставшія потомъ основаніемъ новгородской вольности. Успѣшному развитію этого политическаго обособленія Новгородской земли помогали частью географическое ея положеніе, частью ея внѣшнія отношенія. Новгородъ былъ политическимъ средоточіемъ края, составлявшаго отдаленный сѣверо-западный уголъ тогдашней Руси. Такое отдаленное положеніе Новгорода ставило его внѣ круга русскихъ земель, бывшихъ главной сценой дѣятельности князей и ихъ дружинъ. Это освобождало Новгородъ отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и его дружины и позволяло новгородскому быту развиваться свободнѣе, на бóльшемъ просторѣ. Съ другой стороны, Новгородъ лежалъ близко къ главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ нашей равнины, къ Волгѣ, Днѣпру, Западной Двинѣ, а Волховъ соединялъ его воднымъ путемъ съ Финскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Благодаря этой близости къ большимъ торговымъ дорогамъ Руси Новгородъ рано втянулся въ разносторонніе торговые обороты. Ставъ на окраинѣ Руси, съ нѣсколькихъ сторонъ окруженный враждебными инородцами и притомъ занимаясь преимущественно внѣшней торговлей, Новгородъ всегда нуждался въ князѣ и его дружинѣ для обороны своихъ границъ и торговыхъ путей. Но именно въ XII в., когда запутавшіеся княжескіе счеты уронили авторитетъ князей, Новгородъ нуждался въ князѣ и его дружинѣ гораздо менѣе, чѣмъ нуждался прежде и сталъ нуждаться потомъ. Потомъ на новгородскихъ границахъ стали два опасные врага, Ливонскій орденъ и объединенная Лит-

ва. Въ XII в. еще не было ни того, ни другого врага: Ливонскій орденъ основался въ самомъ началѣ XIII в., а Литва стала объединяться съ конца этого столѣтія. Подъ вліяніемъ этихъ благопріятныхъ условій сложились и отношенія Новгорода къ князьямъ, и устройство его управленія, и его общественный строй.

По смерти Мономаха новгородцы успѣли добиться важныхъ политическихъ льготъ. Княжескія усобицы сопровождались частыми смѣнами князей на новгородскомъ столѣ. Эти усобицы и смѣны помогли новгородцамъ внести въ свой политическій строй два важныхъ начала, ставшихъ гарантіями ихъ вольности: 1) избирательность высшей администраціи, 2) *рядъ*, т. е. договоръ съ князьями. Частыя смѣны князей въ Новгородѣ сопровождались и перемѣнами въ личномъ составѣ высшей новгородской администраціи. Князь правилъ Новгородомъ при содѣйствіи назначаемыхъ имъ или великимъ княземъ кіевскимъ помощниковъ, посадника и тысяцкаго. Когда князь покидалъ городъ добровольно или по неволѣ, и назначенный имъ посадникъ обыкновенно слагалъ съ себя должность, потому что новый князь обыкновенно назначалъ своего посадника. Но въ промежуткахъ между двумя княженіями новгородцы, оставаясь безъ высшаго правительства, привыкали выбирать на время исправляющаго должность посадника и требовать отъ новаго князя утвержденія его въ должности. Такъ самымъ ходомъ дѣлъ завелся въ Новгородѣ обычай выбирать посадника. Этотъ обычай начинаетъ дѣйствовать тотчасъ по смерти Мономаха, когда, по разсказу лѣтописи, въ 1126 году новгородцы «дали посадничество» одному изъ своихъ согражданъ. Послѣ выборъ посадника сталъ постояннымъ правомъ города, которымъ очень дорожили новгородцы. Понятна перемѣна въ самомъ характерѣ этой должности, происшедшая вслѣдствіе того, что она давалась не на княжескомъ дворѣ, а на вѣчевой площади: изъ представителя и блюстителя интересовъ князя передъ Новгородомъ выборный посадникъ долженъ былъ превратиться въ представителя и блюстителя интересовъ Новгорода передъ княземъ. Послѣ и другая важная должность тысяцкаго также стала выборной. Въ новгородскомъ управленіи важное значеніе имѣлъ мѣстный епископъ. До половины XII в. его назначалъ и рукополагалъ русскій митрополитъ съ соборомъ епископовъ въ Кіевѣ, слѣдовательно, подъ вліяніемъ великаго князя. Но со второй половины XII вѣка новгородцы начали сами выбирать изъ мѣстнаго духовенства и своего владыку, собираясь «всѣмъ городомъ» на вѣче и посылая избраннаго въ Кіевъ къ митрополиту для рукоположенія. Первымъ такимъ выборнымъ епископомъ былъ игуменъ одного изъ мѣстныхъ монастырей

Аркадій, избранный новгородцами въ 1156 г. Съ тѣхъ поръ за кіевскимъ митрополитомъ осталось лишь право рукополагать присланнаго изъ Новгорода кандидата. Такъ во второй и третьей четверти XII в. высшая новгородская администрація стала выборной. Въ то же время новгородцы начали точнѣе опредѣлять и свои отношенія къ князьямъ. Усобицы князей давали Новгороду возможность выбирать между князьями-соперниками и налагать на своего избранника извѣстныя обязательства, стѣснявшія его власть. Эти обязательства излагались въ *рядахъ*, договорахъ съ княземъ, которые опредѣляли значеніе новгородскаго князя въ мѣстномъ управленіи. Неясные слѣды этихъ рядовъ, скрѣплявшихся крестнымъ цѣлованіемъ со стороны князя, появляются уже въ первой половинѣ XII в. Позднѣе они яснѣе обозначаются въ разсказѣ лѣтописца. Въ 1218 г. изъ Новгорода ушелъ правившій имъ знаменитый Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, князь торопецкій. На мѣсто его прибылъ его смоленскій родичъ Святославъ Мстиславичъ. Этотъ князь потребовалъ смѣны выборнаго новгородскаго посадника Твердислава. «А за что? спросили новгородцы: какая его вина?»—«Такъ, безъ вины», отвѣтилъ князь. Тогда Твердиславъ сказалъ, обращаясь къ вѣчу: «радъ я, что нѣтъ на мнѣ вины, а вы, братья, и въ посадникахъ, и въ князьяхъ вольны». Тогда вѣче сказало князю: «вотъ ты лишаешь мужа должности, а вѣдь ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа должности не лишать». Итакъ, уже въ началѣ XIII в. князья крестнымъ цѣлованіемъ скрѣпляли извѣстныя права новгородцевъ. Условіе не лишать новгородскаго сановника должности безъ вины, т. е. безъ суда, является въ позднѣйшихъ договорахъ однимъ изъ главныхъ обезпеченій новгородской вольности.

Политическія льготы, которыхъ добились новгородцы, излагались въ договорныхъ грамотахъ. Первыя такія грамоты, до насъ дошедшія, не раньше второй половины XIII в. Ихъ три: онѣ излагаютъ условія, на которыхъ правилъ Новгородской землей Ярославъ тверской. Двѣ изъ нихъ написаны въ 1265 г. и одна въ 1270 г. Позднѣйшія договорныя грамоты повторяютъ лишь условія, изложенныя въ этихъ грамотахъ Ярослава. Изучая ихъ, видимъ основанія политическаго устройства Новгорода. Новгородцы обязывали князей цѣловать крестъ, на чемъ цѣловали ихъ отцы и дѣды. Главная общая обязанность, падавшая на князя, состояла въ томъ, чтобы онъ правилъ, «держалъ Новгородъ въ старинѣ по пошлинамъ», т. е. по старымъ обычаямъ. Значитъ, условія, изложенныя въ грамотахъ Ярослава, были не нововведеніемъ, а завѣтомъ старины. Договоры опредѣляли: 1) судебно-административныя отно-

шенія князя къ городу, 2) финансовыя отношенія города къ князю, 3) отношенія князя къ новгородской торговлѣ. Князь былъ въ Новгородѣ высшей судебной и правительственной властью. Но всѣ судебно-административныя дѣйствія онъ совершалъ не одинъ и не по личному усмотрѣнію, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго новгородскаго посадника. На низшія должности, замѣщаемыя не по выбору, а по княжескому назначенію, князь избиралъ людей изъ новгородскаго общества, а не изъ своей дружины. Всѣ такія должности раздавалъ онъ съ согласія посадника. Князь не могъ отнять безъ суда должности у выборнаго или назначеннаго чиновника. Притомъ всѣ судебно-правительственныя дѣйствія совершалъ онъ лично въ Новгородѣ и ничѣмъ не могъ распоряжаться, живя въ своемъ удѣлѣ: «А изъ Суздальской ти земли, читаемъ въ договорѣ, Новагорода не рядити, ни волостей (должностей) ти не раздавати». Точно также безъ посадника князь не могъ судить, никому не могъ выдавать грамотъ. Такъ вся судебно-правительственная дѣятельность князя контролировалась представителемъ Новгорода. Съ мелочной подозрительностью опредѣляли новгородцы свои финансовыя отношенія къ князю, его доходы. Князь получалъ «даръ» съ Новгородской земли, ѣдучи въ Новгородъ, и не могъ брать его, ѣдучи изъ Новгородской земли. Дань получалась княземъ только съ Заволочья, покореннаго края, не входившаго въ пятинное дѣленіе Новгородской области; да и эту дань князь обыкновенно отдавалъ на откупъ новгородцамъ же. Если онъ самъ собиралъ ее, то посылалъ въ Заволочье двухъ сборщиковъ, которые собранную дань не могли везти прямо въ удѣлъ князя, а завозили сначала въ Новгородъ, оттуда она и передавалась князю. Со времени татарскаго нашествія и на Новгородъ наложенъ былъ ордынскій *выходъ*, дань. Татары потомъ поручили сборъ этого выхода, названнаго *чернымъ боромъ*, т. е. повальнымъ, поголовнымъ налогомъ, великому князю владимірскому. Новгородцы сами собирали черный боръ и передавали его своему князю, который доставлялъ его въ Орду. Кромѣ того князь пользовался въ Новгородской землѣ извѣстными угодьями, рыбными ловлями, бортями, звѣриными гонами; но всѣми этими угодьями онъ пользовался по точно опредѣленнымъ правиламъ, въ урочное время и въ условленныхъ размѣрахъ. Съ такою же точностью были опредѣлены отношенія князя и къ новгородской торговлѣ. Торговля, преимущественно внѣшняя, была жизненнымъ нервомъ города. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для обороны границъ, но и для обезпеченія торговыхъ интересовъ; онъ долженъ былъ давать въ своемъ княжествѣ свободный и безопасный путь новгородскимъ купцамъ. Было

точно опредѣлено, какія пошлины взимать князю съ каждой торговой новгородской ладьи или съ торговаго воза, являвшихся въ его княжествѣ. Въ Новгородѣ рано основались нѣмецкіе купцы. Въ XIV вѣкѣ было въ Новгородѣ два двора заморскихъ купцовъ: одинъ принадлежалъ ганзейскимъ городамъ, другой готскій—купцамъ съ острова Готланда. При этихъ дворахъ находились даже двѣ католическія церкви. Князь могъ участвовать въ торговлѣ города съ заморскими купцами только черезъ новгородскихъ посредниковъ; онъ не могъ затворять дворовъ иноземныхъ купцовъ, ставить къ нимъ своихъ приставовъ. Такъ была ограждена внѣшняя торговля Новгорода отъ произвола со стороны князя. Связанный такими обязательствами, князь получалъ за свои боевыя и правительственныя услуги городу опредѣленный кормъ. Припомнимъ значеніе князя, вождя дружины, въ старинныхъ торговыхъ городахъ Руси IX в.: это былъ наемный военный сторожъ города и его торговли. Точно такое же значеніе имѣлъ и новгородскій князь удѣльнаго времени. Такое значеніе князя въ вольномъ городѣ выражено псковской лѣтописью, которая одного псковскаго князя XV вѣка называетъ «воеводой псковичей, княземъ кормленнымъ, о комъ было имъ стояти и боронитися». Значеніе князя, какъ наемника, Новгородъ старался поддерживать договорами до конца своей вольности. Такъ опредѣлены были отношенія Новгорода къ князьямъ по договорамъ.

Управленіе. Вѣче. Переходимъ къ устройству новгородскаго управленія. Оно строилось въ связи съ опредѣленіемъ отношеній города къ князю. Эти отношенія, видѣли мы, опредѣлялись договорами. Благодаря этимъ договорамъ князь постепенно выступалъ изъ состава мѣстнаго общества, теряя органическія связи съ нимъ. Онъ съ своей дружиной входилъ въ это общество лишь механически, какъ сторонняя временная сила. Благодаря тому политическій центръ тяжести въ Новгородѣ долженъ былъ съ княжескаго двора перемѣститься на вѣчевую площадь, въ среду мѣстнаго общества. Вотъ почему, несмотря на присутствіе князя, Новгородъ въ удѣльные вѣка былъ собственно городской республикой. Далѣе, въ Новгородѣ мы встрѣчаемъ то же военное устройство, какое еще до князей сложилось въ другихъ старшихъ городахъ Руси. Новгородъ составлялъ *тысячу*, вооруженный полкъ подъ командой тысяцкаго. Эта тысяча дѣлилась на *сотни*, военныя части города. Каждая сотня съ своимъ выборнымъ сотскимъ представляла особое общество, пользовавшееся извѣстной долей самоуправленія. Въ военное время это былъ рекрутскій округъ, въ мирное—округъ полицейскій. Но сотня не была самой мелкой административной частью города: она подраздѣлялась

на *улицы*, изъ которыхъ каждая съ своимъ выборнымъ *уличкимъ* старостой составляла также особый мѣстный міръ, пользовавшійся самоуправленіемъ. Съ другой стороны, сотни складывались въ болѣе крупные союзы, *концы*. Каждый городской конецъ состоялъ изъ двухъ сотенъ. Во главѣ конца стоялъ выборный *кончанскій* староста, который велъ текущія дѣла конца подъ надзоромъ кончанскаго схода или вѣча, имѣвшаго распорядительную власть. Союзъ концовъ и составлялъ общину Великаго Новгорода. Такимъ образомъ Новгородъ представлялъ многостепенное соединеніе мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ послѣдніе составлялись посредствомъ сложенія первыхъ. Совокупная воля всѣхъ этихъ союзныхъ міровъ выражалась въ общемъ *вѣчѣ* города. Вѣче созывали иногда князь, чаще который-нибудь изъ главныхъ городскихъ сановниковъ, посадникъ или тысяцкій. Оно не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, созывалось, когда являлась въ немъ надобность. Никогда не было установлено постояннаго срока для его созыва. Вѣче собиралось по звону вѣчевого колокола, обыкновенно на площади, называвшейся Ярославовымъ дворомъ. Оно не было по составу своему представительнымъ учрежденіемъ, не состояло изъ депутатовъ: на вѣчевую площадь бѣжалъ всякій, кто считалъ себя полноправнымъ гражданиномъ. Вѣче обыкновенно состояло изъ гражданъ одного старшаго города; но иногда на немъ являлись и жители младшихъ городовъ земли, впрочемъ только двухъ, Ладоги и Пскова. Вопросы, подлежавшіе обсужденію вѣча, предлагались ему со *степени* высшими сановниками, степеннымъ посадникомъ или тысяцкимъ. Эти вопросы были законодательные и учредительные. Вѣче постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главныхъ городскихъ сановниковъ, разбирало ихъ споры съ княземъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ и т. п. На вѣчѣ по самому его составу не могло быть ни правильнаго обсужденія вопроса, ни правильнаго голосованія. Рѣшеніе составлялось на глазъ, лучше сказать, на ухо, скорѣе по силѣ криковъ, чѣмъ по большинству голосовъ. Когда вѣче раздѣлялось на партіи, приговоръ вырабатывался насильственнымъ способомъ, посредствомъ драки: осилившая сторона и признавалась большинствомъ (своеобразная форма *поля*, суда Божія). Иногда весь городъ раздѣлялся, и тогда созывалось два вѣча, одно на обычномъ мѣстѣ, на Торговой сторонѣ, другое на Софійской. Обыкновенно раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча, двинувшись другъ противъ друга, сходились на волховскомъ мосту и начинали драку, если духовенство во-время не успѣвало разнять противниковъ.

Посадникъ и тысяцкій. Исполнительными органами вѣча были два высшихъ выборныхъ сановника, которые вели текущія дѣла управленія и суда, *посадникъ* и *тысяцкій*. Пока они занимали свои должности, они назывались *степенными*, т. е. стоящими на степени, а по оставленіи должности вступали въ разрядъ посадниковъ и тысяцкихъ *старыхъ*. Довольно трудно разграничить вѣдомство обоихъ сановниковъ. Кажется, посадникъ былъ гражданскимъ управителемъ города, а тысяцкій военнымъ и полицейскимъ. Вотъ почему нѣмцы въ удѣльные вѣка называли посадника бургграфомъ, а тысяцкаго герцогомъ. Оба сановника получали отъ вѣча свои полномочія на неопредѣленное время: одни правили годъ, другіе меньше, иные по нѣскольку лѣтъ. Кажется, не раньше начала XV в. установленъ былъ опредѣленный срокъ для занятія этихъ должностей. По крайней мѣрѣ одинъ французскій путешественникъ Ланнуа, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV вѣка, говоритъ о посадникѣ и тысяцкомъ, что эти сановники смѣнялись ежегодно. Посадникъ и тысяцкій правили съ помощью цѣлаго штата подчиненныхъ имъ низшихъ агентовъ.

Совѣтъ господъ. Вѣче было законодательнымъ учрежденіемъ. Но по характеру своему оно не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы. Нужно было особое учрежденіе, которое могло бы предварительно разрабатывать законодательные вопросы и предлагать вѣчу готовые проекты законовъ и рѣшеній. Такимъ подготовительнымъ и распорядительнымъ учрежденіемъ былъ новгородскій совѣтъ господъ, Herrenrath, какъ называли его нѣмцы, или *господа*, какъ онъ назывался въ Псковѣ. Господа вольнаго города развилась изъ древней боярской думы князя съ участіемъ старѣйшинъ города. Предсѣдателемъ этого совѣта въ Новгородѣ былъ мѣстный владыка-архіепископъ. Совѣтъ состоялъ изъ княжескаго намѣстника, изъ степенныхъ посадника и тысяцкаго, изъ старостъ кончанскихъ и сотскихъ, изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Всѣ эти члены кромѣ предсѣдателя назывались *боярами*.

Областное управленіе. Съ центральнымъ управленіемъ было тѣсно связано областное. Связь эта выражалась въ томъ, что каждая пятина Новгородской земли въ управленіи зависѣла отъ городского конца, къ которому была приписана. Подобное же отношеніе частей территоріи къ концамъ города существовало и въ Псковской землѣ. Здѣсь старые пригороды издавна были распредѣлены между концами города. Въ 1468 году, когда накопилось много новыхъ пригородовъ, на вѣчѣ было рѣшено также раздѣлить ихъ по жребію между концами, по два пригорода на каждый конецъ. Пятина впрочемъ не была цѣльной административной

единицей, не имѣла одного мѣстнаго административнаго средоточія. Она распадалась на административные округа, называвшіеся въ московское время *половинами*, съ подраздѣленіемъ на уѣзды; каждый уѣздъ имѣлъ свое особое административное средоточіе въ извѣстномъ пригородѣ, такъ что кончанское управленіе было единственной связью, соединявшей пятину въ одно административное цѣлое. Пригородъ съ своимъ уѣздомъ былъ такой же мѣстный самоуправляющійся міръ, какими были новгородскіе концы и сотни. Его автономія выражалась въ мѣстномъ пригородскомъ вѣчѣ. Впрочемъ этимъ вѣчемъ руководилъ посадникъ, который обыкновенно присылался изъ старшаго города. Формы, въ которыхъ выражалась политическая зависимость пригородовъ отъ старшаго города, открываются въ разсказѣ о томъ, какъ Псковъ сдѣлался самостоятельнымъ городомъ. До половины XIV вѣка онъ былъ пригородомъ Новгорода. Въ 1348 году по договору съ Новгородомъ онъ сталъ независимъ отъ него, сталъ называться *младшимъ братомъ* его. По этому договору новгородцы отказались отъ права посылать въ Псковъ посадника и вызывать псковичей въ Новгородъ на судъ гражданскій и церковный. Значитъ, главный городъ назначалъ посадника въ пригороды и въ немъ же сосредоточивался высшій судъ надъ пригорожанами. Впрочемъ зависимость пригородовъ отъ Новгорода была всегда очень слаба: пригороды иногда отказывались принимать посадниковъ, которыхъ присылалъ главный городъ.

Классы новгородскаго общества. Въ составѣ новгородскаго общества надо различать классы городскіе и сельскіе. Населеніе Новгорода Великаго состояло изъ *бояръ*, *житыхъ людей*, *купцовъ* и *черныхъ людей*.

Во главѣ новгородскаго общества стояло боярство. Оно составлялось изъ богатыхъ и вліятельныхъ новгородскихъ фамилій, членовъ которыхъ правившіе Новгородомъ князья назначали на высшія должности по мѣстному управленію. Занимая по назначенію князя должности, которыя въ другихъ областяхъ давались княжескимъ боярамъ, и новгородская знать усвоила себѣ значеніе и званіе бояръ и удержала это званіе и послѣ, когда стала получать свои правительственныя полномочія не отъ князя, а отъ мѣстнаго вѣча.

Не такъ ясно выступаетъ въ новгородскихъ памятникахъ второй классъ *житыхъ* или *житьихъ* людей. Можно замѣтить, что этотъ классъ стоялъ ближе къ мѣстному боярству, чѣмъ къ низшимъ слоямъ населенія. Житые люди были повидимому капиталисты средней руки, не принадлежавшіе къ первостепенной правительственной знати. Классъ тор-

говцевъ назывался *купцами*. Они уже стояли ближе къ городскому простонародью, слабо отдѣлялись отъ массы городскихъ черныхъ людей. Они работали съ помощью боярскихъ капиталовъ, либо кредитовались у бояръ, либо вели ихъ торговыя дѣла въ качествѣ прикащиковъ. *Черные люди* были мелкіе ремесленники и рабочіе, которые брали работу или деньги для работы у высшихъ классовъ, бояръ и житыхъ людей. Таковъ составъ общества въ главномъ городѣ. Тѣ же самые классы встрѣчаемъ и въ пригородахъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ.

Въ глубинѣ сельскаго общества, какъ и городского, видимъ *холоповъ*. Этотъ классъ былъ очень многочисленъ въ Новгородской землѣ, но не замѣтенъ въ Псковѣ. Свободное крестьянское населеніе въ Новгородской землѣ состояло изъ двухъ разрядовъ: изъ *смердовъ*, обрабатывавшихъ государственныя земли Новгорода Великаго, и *половниковъ*, арендовавшихъ земли частныхъ владѣльцевъ. Названіе свое половники получили отъ обычнаго въ древней Руси условія поземельной аренды— обработывать землю *испому*, изъ половины урожая. Впрочемъ въ Новгородской землѣ удѣльнаго времени половники снимали земли у частныхъ владѣльцевъ и на болѣе льготныхъ условіяхъ, изъ третьяго или четвертаго снопа. Половники находились въ Новгородской землѣ въ болѣе приниженномъ состояніи сравнительно съ вольными крестьянами въ княжеской Руси, стояли въ положеніи близкомъ къ холопамъ. Эта приниженность выражалась въ двухъ условіяхъ, которыя новгородцы вносили въ договоры съ князьями: 1) холопа и половника безъ господина не судить и 2) новгородскихъ холоповъ и половниковъ, бѣжавшихъ въ удѣлъ князя, выдавать обратно. Въ этомъ отношеніи Псковская земля рѣзко отличалась отъ Новгородской. Въ первой *изорники*, какъ называли тамъ крестьянъ, арендовавшихъ частныя земли, обыкновенно со ссудой, *покрутой*, были вольными хлѣбопашцами, которые пользовались правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Тамъ даже долговое обязательство не прикрѣпляло изорника къ землевладѣльцу. По Русской Правдѣ закупъ, бѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты, становился полнымъ его холопомъ. По *Псковской Правдѣ*, памятнику, получившему окончательный видъ во второй половинѣ XV вѣка, изорникъ, убѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты, не наказывался лишеніемъ свободы, когда возвращался изъ бѣговъ; хозяинъ могъ только при участіи мѣстной власти продать покинутое бѣглецомъ имущество и такимъ образомъ вознаградить себя за невозвращенную ссуду. Если имущества бѣглеца недоставало на это, господинъ могъ искать доплаты на изорникѣ, когда онъ возвращался. Въ подобныхъ же отношеніяхъ къ господамъ находи-

лись крестьяне и въ княжеской Руси удѣльныхъ вѣковъ. Значитъ, въ вольной Новгородской землѣ сельское населеніе, работавшее на господскихъ земляхъ, было поставлено въ бо̀льшую зависимость отъ землевладѣльцевъ, чѣмъ гдѣ-либо въ тогдашней Руси.

Другою особенностью новгородскаго, равно какъ и псковскаго землевладѣнія былъ классъ крестьянъ-собственниковъ, котораго не встрѣчаемъ въ княжеской Руси, гдѣ всѣ крестьяне работали либо на государственныхъ, либо на частныхъ господскихъ земляхъ. Этотъ классъ назывался *земцами* или *своеземцами*. Это были вообще мелкіе землевладѣльцы. Своеземцы или сами обработывали свои земли, или сдавали ихъ въ аренду крестьянамъ-половникамъ. По роду занятій и размѣрамъ хозяйства своеземцы ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ; но они владѣли своими землями на правахъ полной собственности. Этотъ сельскій классъ своеземцевъ образовался преимущественно изъ горожанъ. Въ Новгородской и Псковской землѣ право земельной собственности не было привилегіей высшаго служилаго класса. Городскіе обыватели пріобрѣтали мелкіе сельскіе участки въ собственность не только для хлѣбопашества, но и съ цѣлью промышленной ихъ эксплуатаціи, разводя ленъ, хмѣль и лѣсныя борти, ловя рыбу и звѣря. Таковъ былъ составъ общества въ Новгородской землѣ.

Политическій бытъ Новгорода Великаго. Формы политическаго быта въ Новгородѣ, какъ и въ Псковѣ, носили демократическій характеръ. Всѣ свободные обыватели имѣли равные голоса на вѣчѣ, и свободные классы общества не различались рѣзко политическими правами. Но торговля, служившая основой народнаго хозяйства въ этихъ вольныхъ городахъ, давала фактическое господство тѣмъ классамъ, которые обладали торговымъ капиталомъ, боярамъ и житьимъ людямъ. Это господство торговой аристократіи при демократическихъ формахъ государственнаго устройства обнаруживалось какъ въ управленіи, такъ и въ политической жизни Новгорода, вызывая оживленную борьбу политическихъ партій; но въ разное время характеръ этой борьбы былъ не одинаковъ. Въ этомъ отношеніи внутреннюю политическую жизнь города можно раздѣлить на два періода.

До XIV вѣка въ Новгородѣ часто смѣнялись князья, и эти князья соперничали другъ съ другомъ, принадлежа къ враждебнымъ княжескимъ линіямъ. Подъ вліяніемъ этой частой смѣны князей въ Новгородѣ образовались мѣстные политическіе круги, которые стояли за разныхъ князей и которыми руководили главы богатѣйшихъ боярскихъ фамилій города. Можно думать, что эти круги складывались подъ вліяніемъ тор-

говыхъ связей боярскихъ домовъ Новгорода съ тѣми или другими русскими княжествами. Такъ первый періодъ въ исторіи политической жизни Новгорода былъ ознаменованъ борьбою княжескихъ партій, точнѣе говоря, борьбой соперничавшихъ другъ съ другомъ новгородскихъ торговыхъ домовъ.

Съ XIV в. прекращается частая смѣна князей на новгородскомъ столѣ; вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и характеръ политической жизни Новгорода. Со смерти Ярослава I до татарскаго нашествія новгородская лѣтопись описываетъ до 12 смутъ въ городѣ; изъ нихъ только двѣ не были связаны съ княжескими смѣнами, т. е. не были вызваны борьбою мѣстныхъ политическихъ круговъ за того или другого князя. Съ татарскаго нашествія до вступленія Іоанна III на великокняжескій столъ въ мѣстной лѣтописи описано болѣе 20 смутъ; изъ нихъ всего 4 связаны съ княжескими смѣнами; всѣ остальныя имѣли совсѣмъ другой источникъ. Этимъ новымъ источникомъ политической борьбы, открывающимся съ XIV вѣка, была соціальная рознь, борьба низшихъ бѣдныхъ классовъ новгородскаго общества съ высшими богатыми. Новгородское общество дѣлится съ тѣхъ поръ на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стояли *лучшіе* или *вячшіе* люди, какъ называетъ новгородская лѣтопись мѣстную богатую знать, а въ другомъ люди *молодшіе* или *меньшіе*, т. е. чернь. Такъ съ XIV в. борьба торговыхъ фирмъ въ Новгородѣ смѣнилась борьбою общественныхъ классовъ. Эта новая борьба имѣла свой корень также въ политическомъ и экономическомъ строѣ города. Рѣзкое имущественное неравенство между гражданами— очень обычное явленіе въ большихъ торговыхъ городахъ, особенно съ республиканскими формами устройства. Въ Новгородѣ это имущественное неравенство при политическомъ равноправіи, при демократическихъ формахъ устройства чувствовалось особенно рѣзко, производило раздражающее дѣйствіе на низшіе классы. Это дѣйствіе усиливалось еще тяжкой экономической зависимостью низшаго рабочаго населенія отъ бояръ капиталистовъ. Благодаря тому въ низшихъ классахъ новгородскаго общества развился непримиримый антагонизмъ противъ высшихъ. Во главѣ этихъ обѣихъ соціальныхъ партій стояли богатыя боярскія фамиліи, такъ что и молодшіе люди въ Новгородѣ дѣйствовали подъ руководствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ боярскихъ домовъ, которые становились во главѣ новгородскаго простонародья въ борьбѣ со своею боярской братіей.

Такъ новгородское боярство оставалось руководителемъ мѣстной политической жизни во все продолженіе исторіи вольнаго города. Съ те-

ченіемъ времени все мѣстное управленіе попало въ руки немногихъ знатныхъ домовъ. Изъ нихъ новгородское вѣче выбирало посадниковъ и тысяцкихъ; ихъ члены наполняли новгородскій правительственный совѣтъ, который собственно и давалъ направленіе мѣстной политической жизни.

Особенности экономическаго положенія и политическаго быта Новгорода помогли укорениться въ его строѣ важнымъ недостаткамъ, подготовившимъ легкое паденіе его вольности во второй половинѣ XV в. То были: 1) недостатокъ внутренняго общественнаго единенія, рознь классовъ новгородскаго общества, 2) недостатокъ земскаго единства и правительственной централизаціи въ Новгородской области, 3) экономическая зависимость отъ низовой княжеской Руси, т. е. отъ центральной Великороссіи, откуда получалъ хлѣбъ Новгородъ съ своей нехлѣбородной областью, и 4) слабость военнаго устройства торговаго города, ополченіе котораго не могло стоять противъ княжескихъ полковъ.

Но во всѣхъ этихъ недостаткахъ надобно видѣть только условія легкости, съ какою палъ Новгородъ, а не причины самаго его паденія; Новгородъ палъ бы, если бы даже былъ свободенъ отъ этихъ недостатковъ; судьба его вольности была рѣшена не той или другой слабой стороной его строя, а болѣе общей причиной, болѣе широкимъ и гнетущимъ историческимъ процессомъ. Къ половинѣ XV в. образованіе великорусской народности уже завершилось; ей недоставало только политическаго единства. Эта народность должна была бороться за свое существованіе на востокѣ, на югѣ и на западѣ. Она искала политическаго центра, около котораго могла бы собрать свои силы для тяжелой борьбы. Такимъ центромъ сдѣлалась Москва. Встрѣча удѣльныхъ династическихъ стремленій московскихъ князей съ политическими потребностями всего великорусскаго населенія и рѣшила участь не только Новгорода Великаго, но и другихъ самостоятельныхъ политическихъ міровъ, какіе еще оставались на Руси къ половинѣ XV в. Уничтоженіе особности земскихъ частей было жертвой, которой требовало общее благо всей земли, и московскій государь явился исполнителемъ этого требованія. Новгородъ при лучшемъ политическомъ устройствѣ могъ вести болѣе упорную борьбу съ Москвой, но результатъ этой борьбы былъ бы тотъ же: Новгородъ неминуемо палъ бы подъ ударами Москвы.

Московское государство.

(1462—1598).

Главныя явленія. Собираніе Русской земли великими князьями московскими еще далеко не было доведено до конца, когда Іоаннъ III вступилъ на столъ отца и дѣда. Іоаннъ III продолжалъ это дѣло своихъ предковъ, но ужъ не такъ, какъ вели его они. Теперь это собираніе перестало быть дѣломъ захвата или частнаго хозяйственнаго соглашенія московскаго князя съ сосѣдними князьями. Теперь сами мѣстныя общества по различнымъ побужденіямъ начали открыто тяготѣть къ Москвѣ. Такъ въ Новгородѣ Великомъ на сторону Москвы стало простонародье по враждѣ къ мѣстной аристократіи; напротивъ, въ княжествахъ сѣверной Руси къ Москвѣ тяготѣлъ высшій служилый классъ, соблазняясь выгодами московской службы; наконецъ въ русскихъ княжествахъ черниговской линіи, зависѣвшихъ отъ Литвы, князья и общества присоединялись къ Москвѣ въ борьбѣ съ католической пропагандой, которая началась въ западной Руси съ XV в. при содѣйствіи польско-литовскаго правительства. Благодаря этому тяготѣнію мѣстныхъ обществъ собираніе Русской земли Москвой сдѣлалось національно-религіознымъ движеніемъ и получило ускоренный ходъ. Достаточно краткаго перечня территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Іоанномъ III и его сыномъ Василіемъ, чтобы видѣть это. Въ 1463 г. всѣ князья ярославскіе, великій съ удѣльными, били Іоанну III челомъ о принятіи ихъ на московскую службу и отказались отъ своей самостоятельности. Въ 1470-хъ годахъ покоренъ былъ Новгородъ Великій съ его обширной областью въ сѣверной Руси. Въ 1474 г. князья ростовскіе продали Москвѣ остававшуюся за ними половину Ростовскаго княжества; другая половина еще раньше была куплена Москвой. Эта сдѣлка сопровождалась вступленіемъ ростовскихъ князей въ число московскихъ бояръ. Въ 1485 г. была завоевана Тверь, въ 1489 г. Вятка; въ 1490-хъ гг. князья вяземскіе и цѣлый рядъ мелкихъ князей черниговской линіи, одоевскіе, новосильскіе, воротынскіе, бѣлевскіе и мезецкіе также поступили на московскую службу, признавъ себя подчиненными союзниками московскаго государя. Въ княженіе Іоаннова преемника присоединены были къ Москвѣ въ 1510 г. Псковъ съ его волостью, въ 1514 г. Смоленская область, захваченная Литвой въ началѣ XV в., въ 1517 г. княжество Рязанское, въ 1517—1523 гг.

княжества Стародубское и Новгородъ-Сѣверское. Не будемъ перечислять территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Москвою въ царствованіе Іоанна IV за предѣлами тогдашней Великороссіи. Довольно того, что было пріобрѣтено его отцомъ и дѣдомъ, чтобы видѣть, насколько расширилась территорія Московскаго княжества.

Такова перемѣна, происшедшая въ положеніи Московскаго княжества. Территоріальное расширеніе оказало могущественное дѣйствіе на политическое положеніе Московскаго княжества и его князя. Представивъ себѣ новыя границы Московскаго княжества, созданныя перечисленными территоріальными пріобрѣтеніями, легко видѣть, что это княжество теперь вобрало въ себя цѣлую народность. Въ удѣльные вѣка путемъ колонизаціи въ центральной и сѣверной Руси сложилось новое племя въ составѣ русскаго населенія, образовалась народность великорусская. Но до половины XV в. эта народность оставалась лишь фактомъ этнографическимъ, а не политическимъ: она была разбита на нѣсколько самостоятельныхъ политическихъ частей; единство національное не выражалось въ единствѣ государственномъ. Теперь вся эта народность соединилась подъ одной государственной властью. Это сообщило новый характеръ Московскому княжеству. До сихъ поръ оно было однимъ изъ нѣсколькихъ княжествъ сѣверной Руси; теперь оно осталось здѣсь единственнымъ и потому стало національнымъ: его границы совпадали съ предѣлами великорусской народности. Вотъ тотъ основной фактъ, отъ котораго пошли всѣ другія явленія нашей исторіи XV и XVI вѣковъ. Можно такъ выразить этотъ фактъ: *завершеніе территоріальнаго собиранія сѣверо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество въ національное великорусское государство* и такимъ образомъ сообщило великому князю московскому значеніе національнаго великорусскаго государя. Изъ этого факта и вышелъ рядъ важныхъ политическихъ послѣдствій.

Значеніе государя. Важнѣйшимъ изъ этихъ слѣдствій было новое значеніе, какое усвоилъ себѣ московскій великій князь, ставъ государемъ объединенной Великороссіи. Подъ вліяніемъ удѣльнаго раздробленія Руси въ русскихъ умахъ удѣльныхъ вѣковъ померкла мысль о національномъ и политическомъ единствѣ Русской земли. Теперь, когда вся Великая Россія объединяется подъ одной властью, эта забытая мысль о единствѣ Русской земли воскресаетъ. Любопытно, что эта мысль вырабатывается прежде всего въ московской правительственной средѣ путемъ внѣшнихъ сношеній и столкновеній и ужъ отсюда проникаетъ въ общество. Первой провозвѣстницей этой мысли является московская дипломатія Іоан-

нова времени. Въ переговорахъ съ зятемъ своимъ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ Іоаннъ III настойчиво повторялъ: «Русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина; вся Русская земля Божіею волею наша отчина». Итакъ вся Русская земля, а не одна только великорусская половина ея, объявлена была вотчиной московскаго государя. Эта мысль о единствѣ Русской земли изъ историческаго воспоминанія теперь превращается въ политическое притязаніе, которое Москва и спѣшила заявить, какъ свое неотъемлемое право.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ пространства дѣйствія московскій государь началъ усвоять своей власти и болѣе высокое значеніе, чему много помогъ бракъ Іоанна съ племянницей послѣдняго византійскаго императора Софьею Палеологъ. Въ московскихъ дипломатическихъ бумагахъ съ этого времени является новый титулъ московскаго государя, въ которомъ отразился его взглядъ на свою власть и свое значеніе. Въ этомъ титулѣ выразились двѣ основныя политическія идеи, усвоенныя московскимъ государемъ: мысль о московскомъ государѣ, какъ о національномъ властителѣ всей Русской земли, и мысль о немъ, какъ о политическомъ и церковномъ преемникѣ византійскихъ императоровъ. Въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ дворомъ великій князь московскій теперь впервые отважился показать европейскому политическому міру притязательный титулъ *государя всея Руси*, прежде употреблявшійся лишь въ актахъ внутренняго управленія. Послѣ того какъ пала Византія и свергнуто было иго татарское, въ сношеніяхъ съ неважными иностранными дворами появляется титулъ *царя всея Руси*; такъ Русскіе звали прежде византійскаго императора и хана Золотой Орды. Этотъ терминъ въ актахъ внутренняго управленія обыкновенно соединялся со сходнымъ съ нимъ по значенію титуломъ *самодержца*. Оба титула выражали тогда понятіе о государѣ независимомъ, никому не платящемъ дани. Почувствовавъ себя и по политическому могуществу, и по православному христіанству преемникомъ павшихъ византійскихъ императоровъ, московскій государь нашелъ и наглядное выраженіе своей династической связи съ ними: съ конца XV в. на его печатяхъ появляется византійскій гербъ — двуглавый орелъ.

Въ новомъ титулѣ сказались успѣхи политическаго сознанія московскаго государя. Успѣхи эти повели къ попыткѣ вникнуть въ самую сущность верховной власти и въ ея происхожденіе. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, московскій государь нашелъ недостаточнымъ прежній источникъ своей власти, какимъ служила *отчина* и *дѣдина*, т. е. преемство отъ отца и дѣда. Теперь онъ ставилъ свою власть на болѣе

возвышенное основаніе, усвояя ей божественное происхожденіе: Іоаннъ III писался въ актахъ *государемъ Божіею милостію.* Уяснивъ себѣ высокое происхожденіе своей власти, Іоаннъ завелъ и новый государственный обрядъ, въ которомъ всего нагляднѣе обнаружились успѣхи политическаго сознанія московскаго государя. Предшественники Іоанна, великіе князья московскіе, просто садились на столъ отцовъ и дѣдовъ. Іоаннъ III нашелъ это недостаточнымъ и установилъ обычай вѣнчать преемника на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. У Іоанна III отъ первой жены былъ сынъ Іоаннъ, который умеръ раньше отца. Послѣ него остался сынъ Димитрій. Этого внука Іоаннъ и назначилъ своимъ преемникомъ помимо своего сына отъ второй жены Софьи Василія. Вѣнчаніе происходило въ Успенскомъ соборѣ въ 1498 г. Великій князь дѣдъ возложилъ на великаго князя внука шапку и бармы Мономаха. Во время вѣнчанія митрополитъ, обращаясь къ дѣду, называлъ его преславнымъ царемъ самодержцемъ. Послѣ Іоаннъ разжаловалъ внука и назначилъ преемникомъ своего сына Василія, который по смерти отца повторилъ надъ собой торжественный обрядъ вѣнчанія.

Новое значеніе верховной власти московскаго государя, постепенно уясняясь, отразилось не только на придворномъ церемоніалѣ, но и на государственномъ правѣ. Іоаннъ въ своей духовной далъ старшему своему наслѣднику великому князю Василію важныя политическія преимущества надъ младшими удѣльными братьями. Въ этомъ отношеніи духовная Іоанна есть первый актъ въ исторіи нашего государственнаго права. Политическія преимущества старшаго сына были таковы: 1) до сихъ поръ всѣ князья сонаслѣдники совмѣстно по участкамъ владѣли городомъ Москвой; Іоаннъ III предоставилъ финансовое управленіе всей столицей, сборъ доходовъ съ нея одному великому князю, равно какъ ему же принадлежалъ и судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ во всемъ городѣ Москвѣ и въ подмосковныхъ селахъ, доставшихся въ удѣлъ его младшимъ братьямъ; 2) до сихъ поръ всѣ князья, великій и удѣльные, били свою монету; по духовной Іоанна III право чеканить монету предоставлено было одному великому князю московскому; 3) до сихъ поръ удѣльные князья могли располагать своими вотчинами въ завѣщаніяхъ по личному усмотрѣнію; по духовной Іоанна III удѣльный князь, умирая безсыновнимъ, не могъ никому завѣщать свой удѣлъ, который въ такомъ случаѣ переходилъ къ великому князю; наконецъ 4) по договорнымъ грамотамъ съ своими удѣльными братьями Іоаннъ III присвоилъ одному себѣ право вести сношенія съ иноземными государями; удѣльный князь могъ сноситься съ чужими государями только съ вѣдома и

согласія своего великаго князя. Такъ московскій великій князь, превосходившій прежде удѣльныхъ князей только размѣрами своихъ владѣній, теперь сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ и наибольшее количество политическихъ правъ. Преемникъ Іоанна III великій князь Василій былъ въ исторіи Московскаго государства первымъ государемъ въ настоящемъ политическомъ смыслѣ этого слова.

Таковы были практическія послѣдствія, вышедшія изъ новаго взгляда верховной власти на свое значеніе при Іоаннѣ III и его сынѣ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи этотъ взглядъ повелъ къ попыткѣ уничтожить самый удѣльный порядокъ. Іоаннъ IV въ духовной 1572 г., назначивъ своимъ преемникомъ старшаго сына Іоанна, отказалъ ему все царство русское и при этомъ выдѣлилъ удѣлъ и второму сыну своему Ѳеодору; но этотъ удѣлъ не становился особымъ самостоятельнымъ владѣніемъ, его владѣтель не получалъ значенія самостоятельнаго государя, а во всемъ подчиненъ былъ царю, и самый удѣлъ его оставался подъ верховною властью старшаго брата, какъ единственнаго государя: «а удѣлъ сына моего Ѳеодора, читаемъ въ духовной, ему жъ (Іоанну) къ великому государству», т. е. этотъ удѣлъ составлялъ нераздѣльную часть единаго русскаго царства. Въ этой духовной Іоанна IV впервые въ исторіи нашего государственнаго права рѣшительно было выражено понятіе объ удѣльномъ князѣ, какъ о простомъ слугѣ князя великаго (См. Учебн. Соловьева, гл. XXVII, конецъ § 12).

Составъ московскаго боярства и отношенія его къ государю. Территоріальное расширеніе Московскаго княжества глубоко измѣнило положеніе и взаимныя отношенія классовъ объединеннаго теперь великорусскаго общества и прежде всего составъ и настроеніе его верхняго слоя, боярства, а перемѣна въ составѣ и настроеніи послѣдняго измѣнила его отношенія къ государю.

Чтобы понять эту перемѣну, надо припомнить положеніе московскаго боярства въ удѣльные вѣка. Уже въ удѣльное время Москва привлекла къ себѣ многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при какомъ другомъ княжескомъ дворѣ сѣверной Руси. Съ конца XIII ст. на берега Москвы стекаются со всѣхъ сторонъ знатные слуги, и изъ сосѣднихъ сѣверныхъ княжествъ, и съ далекаго русскаго юга, изъ Чернигова, Кіева, даже съ Волыни, и изъ-за границы, съ нѣмецкаго запада и татарскаго юго-востока, изъ Крыма и даже изъ Золотой Орды. Благодаря этому приливу уже къ половинѣ XV в. московскій великій князь былъ окруженъ плотной стѣной знатныхъ боярскихъ фамилій, которыхъ можно насчитать до четырехъ десятковъ. Главнѣйшими изъ нихъ были *Коши-*

кины, *Морозовы*, *Челядины*, *Вельяминовы*, *Воронцовы*, *Ховрины*, *Головины*, *Сабуровы* и друг. Въ своихъ отношеніяхъ къ великому князю это боярство сохраняло тотъ же характеръ случайныхъ вольныхъ совѣтниковъ по договору, какими были бояре при князьяхъ XII в. Съ половины XV ст. составъ этого боярства измѣняется: въ него вошло тогда болѣе 150 новыхъ фамилій. По происхожденію своему это боярство было очень пестро. Эти новыя фамиліи большею частью были титулованныя, княжескія, которыя шли отъ великихъ и удѣльныхъ русскихъ князей, вступившихъ на службу къ московскому государю. Московское боярство въ своемъ новомъ составѣ образовало длинную іерархическую лѣствицу, на которой боярскія фамиліи размѣстились по своему служебному достоинству, опредѣлявшемуся главнымъ образомъ ихъ происхожденіемъ. Верхній слой образовали потомки бывшихъ великихъ князей русскихъ и литовскихъ, князья *Пенковы*—ярославскіе, *Шуйскіе*—суздальскіе, старшіе изъ *Ростовскихъ*, *Патрикѣевы* — Гедиминовичи, отъ которыхъ шли князья *Голицыны* и *Куракины*. Изъ стариннаго нетитулованнаго боярства Москвы въ этомъ слоѣ удержались одни *Захарьины*, вѣтвь стараго московскаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Второй слой составился изъ потомковъ значительнѣйшихъ удѣльныхъ князей, каковы были князья *Воротынскіе*, *Одоевскіе*, *Оболенскіе*, *Пронскіе*. Къ нимъ примкнули и знатнѣйшія фамиліи стариннаго московскаго боярства, *Вельяминовы*, *Бутурлины*, *Челядины* и др.

Въ новомъ своемъ составѣ московское боярство стало проникаться и новымъ политическимъ настроеніемъ. Первостепенная знать, ставшая во главѣ этого боярства, шла отъ бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Новое титулованное боярство заняло всѣ высшія должности въ московскомъ управленіи, командовало московскими полками, правило областями Московскаго государства. Очень часто бывшій удѣльный князь продолжалъ править своимъ удѣломъ въ качествѣ московскаго намѣстника. Все это помогло потомкамъ князей удѣльныхъ и великихъ, новымъ титулованнымъ московскимъ боярамъ, усвоить взглядъ на себя, какого не имѣли старинные нетитулованные московскіе бояре. Среди титулованнаго боярства XVI вѣка утвердился взглядъ на свое правительственное значеніе не какъ на пожалованіе московскаго государя, а какъ на свое наслѣдственное право, полученное отъ предковъ независимо отъ этого государя. Этотъ новый взглядъ не остался только политическимъ притязаніемъ, но облекся въ стройную систему служебныхъ отношеній, извѣстную подъ названіемъ *мѣстничества* (Учебн. Соловьева, глава XXVII, § 19).

Перемѣна въ составѣ и настроеніи московскаго боярства измѣнила

его отношенія къ московскому государю. Въ удѣльные вѣка бояринъ шелъ на службу въ Москву, ища здѣсь служебныхъ выгодъ, которыя росли для московскаго служилаго человѣка вмѣстѣ съ успѣхами московскаго государя. Это устанавливало единство интересовъ между обѣими сторонами. Вотъ почему московскіе бояре XIV вѣка дружно помогали своему государю въ его внѣшнихъ дѣлахъ и усердно содѣйствовали ему во внутреннемъ управленіи.

Эти добрыя отношенія стали разстраиваться съ половины XV в. Новые титулованные бояре шли въ Москву не за новыми служебными выгодами, а большею частью съ горькимъ чувствомъ сожалѣнія объ утраченныхъ выгодахъ удѣльной самостоятельности. Интересы и чувства обѣихъ сторонъ разошлись далеко, хотя шли изъ одного источника. Политическія обстоятельства, съ одной стороны, поставили московскаго князя на высоту національнаго государя съ широкой властью, съ другой—навязали ему правительственный классъ съ широкими политическими притязаніями и стѣснительной для верховной власти сословной организаціей. Такимъ образомъ одни и тѣ же историческія обстоятельства разрушили единство интересовъ между обѣими политическими силами, а разъединеніе интересовъ разстроило гармонію ихъ взаимныхъ отношеній. Отсюда и вышелъ рядъ столкновеній между московскимъ государемъ и его боярами. Эти столкновенія съ особенной силой обнаруживались два раза и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи. Іоаннъ III, какъ мы знаемъ, сперва назначилъ своимъ наслѣдникомъ внука Димитрія, вѣнчалъ его на великое княженіе, а потомъ развѣнчалъ, назначивъ преемникомъ сына своего отъ второй жены Василія. Боярство въ этомъ семейномъ столкновеніи стало за внука и противодѣйствовало сыну изъ нелюбви къ его матери и принесеннымъ ею византійскимъ политическимъ понятіямъ и внушеніямъ. Столкновеніе доходило до сильнаго раздраженія съ обѣихъ сторонъ, вызвало ссоры при дворѣ, рѣзкія выходки со стороны бояръ, кажется, даже крамолу, заговоръ; по крайней мѣрѣ сынъ Василія царь Іоаннъ послѣ жаловался, что бояре на его отца вмѣстѣ съ племянникомъ послѣдняго Димитріемъ «многія пагубныя смерти умышляли», даже самому государю дѣду «многія поносныя и укоризненныя слова говорили». Но какъ и изъ-за чего шло дѣло и въ чемъ состояла боярская крамола, это остается неяснымъ; только черезъ годъ (1499 г.) послѣ вѣнчанія Димитрія пострадали знатнѣйшіе московскіе бояре за свое противодѣйствіе Василію: князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его друзей князя Ивана Патрикѣева съ сыномъ Василіемъ, знаменитымъ впослѣдствіи старцемъ Вас-

сіаномъ Косымъ, насильно постригли въ монашество. Та же глухая вражда продолжалась и при Іоанновомъ преемникѣ Василіи. Этотъ великій князь съ недовѣріемъ относился къ боярамъ, какъ государь, котораго они не хотѣли видѣть на престолѣ. И на этотъ разъ вражда обнаружилась лишь въ опалахъ, постигшихъ нѣкоторыхъ знатныхъ людей. Такъ первостепенный бояринъ князь Василій Холмскій за что-то былъ посаженъ въ тюрьму, а второстепенному думному человѣку Берсеню Беклемишеву отрѣзали языкъ за непригожія рѣчи о великомъ князѣ и его матери. Но съ особенной силой вражда возобновилась въ царствованіе Грознаго и опять по тому же поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи. Въ 1553 г., вскорѣ послѣ завоеванія Казанскаго царства, Іоаннъ опасно занемогъ и велѣлъ боярамъ присягнуть новорожденному своему сыну царевичу Димитрію. Многіе первостепенные бояре отказались отъ присяги или принесли ее неохотно, говоря, что не хотятъ служить «малому мимо стараго», т. е. хотятъ служить двоюродному брату царя, удѣльному князю Владиміру Андреевичу старицкому. Пробужденное этимъ столкновеніемъ раздраженіе царя противъ бояръ черезъ нѣсколько лѣтъ произвело полный разрывъ между обѣими сторонами, сопровождавшійся жестокими опалами и казнями, которымъ подверглось боярство.

Но во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ въ продолженіе трехъ царствованій побужденія, руководившія боровшимися сторонами, остаются неясны, не высказываются прямо ни той, ни другой стороной. Съ наибольшею откровенностью эти побужденія высказаны въ перепискѣ царя Іоанна Грознаго съ бѣжавшимъ въ Литву въ 1564 г. бояриномъ кн. Курбскимъ и въ написанной послѣднимъ полемической исторіи этого царя. Курбскій нападалъ на новый порядокъ, заведенный въ Московскомъ государствѣ, видя въ немъ дѣло насилія и хищничества московскихъ государей, губившихъ своихъ родичей, удѣльныхъ князей. Кн. Курбскій считаетъ правильнымъ такой государственный порядокъ, который основанъ не на личной волѣ государя, а на участіи «синклита», бояръ въ управленіи. Впрочемъ государь долженъ дѣлиться властью не съ одними боярами: кн. Курбскій допускаетъ и участіе народа въ управленіи, признаетъ пользу и необходимость земскаго собора. Итакъ Курбскій стоитъ за правительственное значеніе боярскаго совѣта и за участіе земскаго собора въ управленіи. Но и правительственное значеніе боярскаго совѣта, и участіе земскаго собора были въ то время уже не политическими мечтами, а политическими фактами, первое—фактомъ очень старымъ, а второе—явленіемъ недавнимъ: первый земскій соборъ былъ созванъ въ 1550 году. Значитъ, кн. Курбскій отстаиваетъ существующіе факты, не

требуетъ ни новыхъ правъ для бояръ, ни новыхъ обезпеченій для ихъ старыхъ правъ. Противная ему сторона не отличалась бо́льшей ясностью своихъ мыслей. Всѣ политическіе идеалы царя Іоанна сводятся къ одной идеѣ, къ мысли о самодержавной власти. Самодержавіе для Іоанна не только нормальный, свыше установленный государственный порядокъ, но и исконный фактъ нашей исторіи, идущій изъ глубины вѣковъ. «Самодержавства нашего начало отъ св. Владиміра», писалъ царь. Этой самодержавной власти Іоаннъ даетъ божественное происхожденіе и указываетъ не только политическое, но и высокое религіозно-нравственное назначеніе, которое состоитъ въ томъ, чтобы охранять народъ отъ раздоровъ и междоусобій и вести его къ истинному богопознанію. Но противъ самодержавія, какъ его понимали тогда въ Москвѣ, не возставало и боярство. Бояре признавали самодержавную власть московскаго государя, какъ ее создала исторія; они только настаивали на необходимости и пользѣ участія въ управленіи другой политической силы, созданной той же исторіей—бо́ярства и даже призывали на помо́щь этимъ двумъ силамъ третью—земское представительство. Такимъ образомъ обѣ стороны отстаивали существующее и борьба между ними является лишенной достаточной причины. Обѣ стороны, кажется, не могли ни удержаться отъ этой борьбы, ни объяснить себѣ ея причины, сказать, изъ-за чего онѣ борются.

Опричнина. Такимъ характеромъ борьбы обѣихъ сторонъ объясняется происхожденіе и значеніе *опричнины*, которую учредилъ царь Іоаннъ, чтобы разрѣшить свой споръ съ боярами и оборониться отъ ихъ козней (Учебн. Соловьева, гл. XXVII, § 12). Опричнина при первомъ взглядѣ на нее представляется учрежденіемъ, лишеннымъ всякаго политическаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, объявивъ всѣхъ бояръ измѣнниками, царь оставилъ управленіе землей въ рукахъ этихъ измѣнниковъ. Но происхожденіе опричнины находится въ тѣсной связи съ тѣмъ политическимъ столкновеніемъ, которымъ она была вызвана. Терминъ *опричнина* заимствованъ изъ удѣльнаго времени: въ княжескихъ грамотахъ XIV вѣка опричнинами назывались удѣлы княгинь-вдовъ. Опричнина царя Іоанна была какъ бы особымъ удѣломъ, который онъ выдѣлилъ себѣ изъ состава государства, изъ *земщины*. Но этому учрежденію онъ указалъ небывалую прежде задачу, которая состояла въ томъ, чтобы истреблять крамолу, гнѣздившуюся въ Русской землѣ, преимущественно въ боярской средѣ. Такимъ образомъ опричнина получила значеніе высшей полиціи по дѣламъ государственной измѣны. Отрядъ въ тысячу человѣкъ служилыхъ людей, зачисленный въ опричнину и потомъ увеличенный до шести тысячъ, становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы.

Таково было происхожденіе и назначеніе опричнины. Но она не отвѣчала на политическій вопросъ, которымъ была вызвана, не разрѣшала спора московскаго государя съ его боярствомъ. Споръ возбужденъ былъ однимъ противорѣчіемъ въ политическомъ строѣ Московскаго государства. Это государство въ XVI вѣкѣ стало самодержавной монархіей, но съ аристократическимъ управленіемъ, во главѣ котораго стояло родовитое и притязательное боярство. Значитъ, характеръ новой власти московскаго государя не соотвѣтствовалъ свойству правительственныхъ органовъ, посредствомъ которыхъ она должна была дѣйствовать. Обѣ стороны тогда почувствовали себя въ неловкомъ положеніи и не знали, какъ изъ него выйти. Затрудненіе заключалось въ неудобномъ для государя политическомъ положеніи бояръ, какъ правительственнаго класса, его стѣснявшаго. Поэтому выйти изъ затрудненія можно было двумя путями: надобно было или устранить боярство, какъ правительственный классъ, и замѣнить его другими болѣе гибкими и послушными орудіями, или привлечь къ престолу наиболѣе надежныхъ людей изъ боярства и съ ними править, какъ уже и правилъ Іоаннъ въ началѣ своего царствованія. Царь и думалъ и о томъ, и о другомъ; но одного онъ не могъ сдѣлать, а другого не сумѣлъ или не захотѣлъ. Онъ не могъ скоро создать другой правительственный классъ, достаточно привычный и способный къ управленію. Во всякомъ случаѣ, избирая тотъ или другой выходъ, предстояло дѣйствовать противъ политическаго положенія цѣлаго класса, а не противъ отдѣльныхъ лицъ. Іоаннъ поступилъ наоборотъ: заподозривъ все боярство въ измѣнѣ, онъ бросился на заподозрѣнныхъ, вырывая ихъ по-одиночкѣ, но оставилъ классъ во главѣ земскаго управленія. Не имѣя возможности сокрушить неудобный для него порядокъ управленія, онъ сталъ истреблять отдѣльныя ненавистныя ему лица. Въ этомъ и состояла политическая безцѣльность опричнины: вызванная столкновеніемъ, причиной котораго былъ порядокъ, а не лица, она была направлена противъ лицъ, а не противъ порядка. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что опричнина не отвѣчала на вопросъ, которымъ была вызвана.

Сужденія о характерѣ царя Іоанна и о значеніи его царствованія. Царь Іоаннъ своимъ характеромъ и дѣятельностью произвелъ на современниковъ двойственное впечатлѣніе. Они никакъ не умѣли согласить смѣлыхъ и обдуманныхъ его начинаній въ первую половину царствованія съ несообразными предпріятіями и жестокостями временъ опричнины. Это впечатлѣніе оказало вліяніе и на сужденіе Карамзина объ Іоаннѣ Грозномъ. Исторіографа всего болѣе поразили рѣзкія противорѣ-

чія, совмѣщавшіяся въ царѣ, и онъ признается, что не понимаетъ Іоанна, что характеръ его есть загадка для ума. Онъ видитъ въ этомъ характерѣ непостижимую смѣсь добра и зла, прекрасныхъ стремленій и гнусныхъ инстинктовъ, превосходныхъ качествъ съ отвратительнымъ ихъ употребленіемъ. Отличныя его способности были раболѣпными слугами гнуснѣйшихъ пороковъ; его самообладаніе было только орудіемъ его лицемѣрія, сознаніе высоты своей власти выражалось въ капризномъ изступленіи противъ людей, обыгрывавшихъ царя въ шашки, или противъ персидскаго слона, не исполнившаго его приказа стать на колѣна. Іоаннъ двоится въ глазахъ Карамзина; было два царя Іоанна: одинъ, царствовавшій до 1560 г., герой добродѣтели, другой—неистовый кровопійца, свирѣпствовавшій съ 1560 г. Такой взглядъ на историческаго дѣятеля отразился и на общей оцѣнкѣ его дѣятельности, сдѣланной исторіографомъ. Карамзинъ признаетъ за Іоанномъ много правительственныхъ доблестей, дѣловитость, вѣротерпимость, любовь къ просвѣщенію, талантъ законодателя и государственнаго организатора. Тѣмъ не менѣе царствованіе Іоанна, одно изъ прекраснѣйшихъ по его началу, исторіографъ ставитъ по его конечнымъ результатамъ на ряду съ монгольскимъ игомъ и бѣдствіями удѣльнаго времени.

Своеобразный взглядъ на Іоанна высказалъ Погодинъ (въ 1828 г.). Грозный — громкое ничтожество. Мнѣніе Карамзина о величіи этого царя, проявленномъ въ дѣяніяхъ первой половины его царствованія, Погодинъ считаетъ историческимъ предразсудкомъ. Слава этихъ дѣяній принадлежитъ не царю, а партіи бояръ, руководимой священникомъ Сильвестромъ и управлявшей государствомъ; самъ царь былъ лицомъ совершенно страдательнымъ, не принималъ никакого участія въ управленіи, а когда онъ вышелъ изъ-подъ опеки мудрыхъ совѣтниковъ и началъ дѣйствовать самостоятельно, то не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго. Мысль о зависимости царя отъ Сильвестра и его сторонниковъ Погодинъ доказываетъ тѣми мѣстами изъ писемъ Іоанна къ кн. Курбскому, гдѣ онъ самъ жалуется на самовластіе своихъ совѣтниковъ и на свое униженіе ими, на то, что они сняли съ него всю власть и сами государились, а онъ былъ государемъ только по имени, ничѣмъ не владѣя на самомъ дѣлѣ. Но Іоаннъ, очевидно, преувеличивалъ это самовластіе Сильвестра и его партіи, изображая себя жалкой, безпомощной ихъ жертвой, чтобы придать тѣмъ болѣе тяжести обвиненію ихъ въ захватѣ не принадлежавшей имъ власти. Значитъ, полемическій пріемъ одного изъ борцовъ Погодинъ принялъ за историческое свидѣтельство современника, наблюдателя борьбы, изъ напраслины, взведенной на себя царемъ для самозащиты, сдѣлалъ его характеристику.

У Соловьева въ объясненіи характера и образа дѣйствій Іоанна на первомъ планѣ поставлена борьба стараго съ новымъ, борьба новаго государственнаго порядка, установленнаго отцомъ и дѣдомъ царя, съ удѣльными преданіями, хранителями которыхъ были бояре. Эта борьба съ своими послѣдствіями вредно подѣйствовала на умъ Іоанна и испортила его сердце. Раздоры, своеволіе и своекорыстіе бояръ въ малолѣтство Іоанна, ихъ враждебное отношеніе къ его отцу и обращеніе съ нимъ самимъ, то грубое и пренебрежительное, то раболѣпное и льстивое, съ одной стороны, рано пробудили въ его умѣ усиленную мысль о своей власти, какъ средствѣ обороны отъ враговъ, сообщили ему ускоренное развитіе и, какъ слѣдствіе этого, излишнюю воспріимчивость, а съ другой—воспитали въ немъ два чувства, презрѣніе къ ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, пріучили его не уважать жизни человѣка и человѣческаго достоинства, употреблять мѣры жестокія и кровавыя, пренебрегать средствами духовными, нравственными. Потому Іоаннъ представляется Соловьеву не столько тираномъ своихъ враговъ, сколько жертвой борьбы съ ними. «Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный».

Военное устройство Московскаго государства. Главную вооруженную силу Московскаго государства составлялъ особый военно-служилый классъ, въ составъ котораго входило и боярство, какъ его верхній и руководящій слой. Этотъ классъ составился изъ очень разнородныхъ элементовъ. Зерно его образовали бояре и служилые люди, служившіе при московскомъ княжескомъ дворѣ удѣльныхъ вѣковъ. Съ половины XV ст. къ этому основному элементу присоединились владѣльцы княжествъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, съ ихъ боярами и служилыми людьми. Неслужилое тяглое общество вмѣстѣ съ духовенствомъ также внесло свой вкладъ въ составъ военно-служилаго класса, проникая въ него различными путями. Съ половины XV в. устанавливается правило, что всѣ землевладѣльцы должны нести по землѣ воинскую повинность. Завоевывая вольные города Новгородъ, Вятку, Псковъ, московское правительство находило тамъ горожанъ-землевладѣльцевъ, которыхъ по землѣ верстало въ службу. Такимъ образомъ значительное количество бывшихъ горожанъ-землевладѣльцевъ Новгорода, Пскова и Вятки попало въ составъ военно-служилаго московскаго класса. Съ усложненіемъ приказной администраціи и письменнаго канцелярскаго дѣлопроизводства размножался и классъ дьяковъ съ подьячими, которыхъ набирали преимущественно изъ грамотныхъ дѣтей духовенства и

тяглыхъ горожанъ. Еще кн. Курбскій писалъ, что большинство дьяковъ его времени вышло «изъ поповичей и простого всенародства». Эти дьяки съ подьячими получали за свою приказную службу въ награду или пріобрѣтали сами помѣстья и вотчины и по землѣ обязаны были отбывать ратную повинность. Дѣти ихъ часто уже не сидѣли въ канцеляріяхъ, а съ вотчинъ и помѣстій своихъ несли ратную службу. Наконецъ, нуждаясь въ ратныхъ людяхъ для внѣшней обороны, московское правительство на время похода прямо вербовало ихъ изъ крестьянъ и даже холоповъ. Многіе изъ нихъ за свою ратную службу освобождались изъ крестьянства и изъ холопства, получали отъ правительства мелкія помѣстья и такимъ образомъ становились военно-служилыми людьми. Сверхъ того и теперь не прекращался приливъ ратныхъ слугъ изъ-за границы, изъ Литвы, Польши, Германіи, изъ татарскихъ ордъ. Московское правительство иногда цѣлыми массами принимало этихъ пріѣзжихъ слугъ. Пестрота составныхъ элементовъ класса отразилась и на его служебной организаціи. Различные слои его къ концу XVI в. составили служебную іерархію, по ступенямъ которой размѣщались служилые люди, образовавъ нѣсколько разрядовъ или *чиновъ*. Вотъ ихъ перечень, начиная сверху: 1) чины *думные—бояре, окольничіе, думные дворяне*; 2) чины *московскіе*, столичные—*стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы*; 3) чины *городовые*, провинціальные—*дворяне* и *дѣти боярскіе*. Эти чины пріобрѣтались не только службой, но и происхожденіемъ, т. е. въ значительной степени были наслѣдственны. Человѣкъ знатнаго боярскаго рода обыкновенно начиналъ службу свою въ чинѣ московскаго дворянина или даже стольника и постепенно поднимался выше до боярства. Незнатный провинціальный дворянинъ могъ дослужиться до чина жильца или московскаго дворянина, но чрезвычайно рѣдко поднимался выше.

Наборъ этого многочисленнаго военно-служилаго класса вызывался военнымъ положеніемъ Московскаго государства въ XV и XVI вв. Новыя его границы поставили его въ непосредственное сосѣдство съ иноплеменными врагами Руси, Шведами, Поляками, Татарами. При частыхъ войнахъ съ Шведами и Поляками шла непрерывная борьба съ Татарами крымскими, казанскими, Ногаями и другими восточными инородцами. Татары крымскіе обыкновенно нападали на предѣлы Московскаго государства разъ или дважды въ годъ, чаще во время жатвы. Для обороны государства отъ этихъ нападеній служилые люди пограничныхъ южныхъ и ближайшихъ къ нимъ центральныхъ уѣздовъ, числомъ до 60,000 и болѣе конныхъ ратниковъ, ежегодно раннею весною собирались по юж-

ной границѣ и соединялись въ *полки* (корпуса) подъ Серпуховымъ, Калугой, Каширой, Коломной, откуда направлялись въ степь навстрѣчу Татарамъ, если получали вѣсти объ ихъ движеніи въ предѣлы Московскаго государства. Эти постоянныя опасности и вызывали потребность въ многочисленной вооруженной силѣ, которая создана была къ концу XVI в. Она составилась изъ конныхъ ратниковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, числомъ около 100,000, и изъ пѣшихъ полковъ стрѣлецкихъ, казачьихъ и наемныхъ иноземцевъ, числомъ не менѣе тысячъ 25. По мѣрѣ того, какъ эта боевая масса набиралась, возникалъ и все настоятельнѣе требовалъ разрѣшенія вопросъ, какъ содержать эту многочисленную вооруженную массу. Для содержанія этой вооруженной силы созданъ былъ особый видъ землевладѣнія, извѣстный въ исторіи русскаго права подъ именемъ *помѣстной системы*.

Помѣстная система. Помѣстной системой называется порядокъ служилаго землевладѣнія, установившійся въ Московскомъ государствѣ XV и XVI вв. Въ основаніи этого порядка лежало *помѣстье*. Помѣстьемъ въ московской Руси назывался участокъ казенной, государственной земли, данный государемъ въ личное владѣніе служилому человѣку подъ условіемъ службы, т. е. какъ награда за службу и вмѣстѣ какъ средство для службы. Подобно самой службѣ это владѣніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ. Условнымъ, личнымъ и временнымъ характеромъ своимъ помѣстное владѣніе отличалось отъ *вотчины*, составлявшей полную и наслѣдственную собственность своего владѣльца.

Помѣстное владѣніе стало складываться въ стройную и сложную систему съ княженія Іоанна III. Тогда начали вырабатываться точныя правила раздачи казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе служилымъ людямъ. Эти правила стали необходимы при усиленномъ наборѣ служилыхъ людей и при усиленной раздачѣ имъ казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе. Въ XVI в. служилые люди иногда испомѣщались цѣлыми массами. Наиболѣе извѣстный случай такого испомѣщенія относится къ 1550 году. Для разныхъ служебъ при дворѣ правительство тогда набрало изъ разныхъ уѣздовъ 1000 служилыхъ людей, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Служилымъ людямъ, которыхъ служба привязывала къ столицѣ, нужны были для хозяйственныхъ потребностей подмосковныя вотчины или помѣстья. Тысячѣ набранныхъ по уѣздамъ для столичной службы служилыхъ людей правительство и роздало помѣстья въ Московскомъ и ближайшихъ уѣздахъ, присоединивъ къ этой массѣ нѣсколько людей высшихъ чиновъ, бояръ и окольничихъ, у которыхъ не было подмосковныхъ вотчинъ и помѣстій. Всего 1078

служилымъ людямъ разныхъ чиновъ въ томъ году роздано было заразъ 176,775 десятинъ пахотной земли. Вскорѣ послѣ завоеванія Казани правительство привело въ порядокъ помѣстное владѣніе и поземельную службу, составило списки служилыхъ людей съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по качеству вооруженія, также по размѣрамъ вотчиннаго и помѣстнаго владѣнія и по окладамъ денежнаго жалованья, какое получали служилые люди въ прибавку къ поземельнымъ своимъ доходамъ. Съ этого времени помѣстное владѣніе и является стройной и сложной *системой*, основанной на точно опредѣленныхъ и постоянныхъ правилахъ. Вотъ главныя черты этой системы.

Поземельнымъ устройствомъ служилыхъ людей завѣдывало особое центральное учрежденіе—*Помѣстный приказъ*, какъ приказъ *Разрядный* завѣдывалъ ихъ служебными дѣлами. Служилые люди владѣли землей по мѣсту службы, какъ и служили по мѣсту, гдѣ владѣли землей. Служба привязывала служилыхъ людей либо къ столицѣ, либо къ извѣстной области. Поэтому и служилые люди раздѣлялись на два разряда: къ первому принадлежали московскіе чины вмѣстѣ съ думными, ко второму чины уѣздные или городовые дворяне и дѣти боярскіе. Московскіе чины кромѣ помѣстій и вотчинъ въ дальнихъ уѣздахъ имѣли по закону еще подмосковныя помѣстья или вотчины. Уѣздные дворяне и дѣти боярскіе получали помѣстья тамъ, гдѣ служили, т.-е. гдѣ должны были защищать государство, образуя мѣстную землевладѣльческую милицію. Служебныя обязанности служилаго человѣка падали не только на его помѣстье, но и на вотчину. Въ половинѣ XVI вѣка была опредѣлена точно самая норма службы съ земли, т.-е. количество ратной повинности, падавшей на служилаго человѣка по его землѣ. По закону, состоявшемуся въ царствованіе Грознаго, въ 1550-хъ годахъ, съ каждыхъ 100 четей доброй пахотной земли въ одномъ полѣ, т.-е. съ 150 десятинъ въ трехъ поляхъ, долженъ являться въ походъ одинъ ратникъ «на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ», по выраженію указа, а въ дальній походъ съ двумя конями. Землевладѣльцы, имѣвшіе вотчины или помѣстья, заключавшія болѣе 100 четей земли, соотвѣтственно этому выводили съ собою или выставляли въ походъ, если не могли итти сами, извѣстное количество вооруженныхъ дворовыхъ людей. Помѣстные оклады были чрезвычайно разнообразны, смотря по чинамъ и по службѣ. Притомъ обыкновенно давали не весь окладъ сразу, а только часть его, дѣлая потомъ прибавки по службѣ. Поэтому *оклады* отличались отъ *дачъ*. Люди высшихъ чиновъ, бояре, окольничіе и думные дворяне получали помѣстья по 1000 четей и болѣе; провинціальные дворяне и

дѣти боярскіе получали оклады отъ 100 четей до 300; впрочемъ бывали оклады больше и меньше этого. Съ помѣстнымъ окладомъ соединялся денежный въ извѣстной, впрочемъ измѣнявшейся, пропорціи. Приказный человѣкъ половины XVII вѣка Котошихинъ говоритъ, что денежный окладъ назначался по 1 рублю на каждыя 5 четей въ одномъ полѣ, т.-е. $7^1/_2$ десятинъ помѣстнаго оклада. Впрочемъ эта пропорція часто нарушалась. Притомъ денежные оклады выдавались обыкновенно только передъ большими походами или черезъ извѣстное количество лѣтъ, напримѣръ черезъ два года въ третій. Помѣщики, служившіе съ помѣстій и вотчинъ, если были послѣднія, держали при себѣ до возраста и готовили къ службѣ своихъ сыновей. Дворянинъ XVI вѣка начиналъ свою службу обыкновенно съ 15 лѣтъ. До этого онъ числился въ *недоросляхъ*. Поспѣвъ на службу, онъ получалъ названіе *новика*. Его тогда *верстали*, т.-е. надѣляли помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ *новичнымъ*, къ которому потомъ бывали *придачи* за службу. Верстаніе новиковъ было двоякое: старшихъ сыновей, поспѣвавшихъ на службу, когда еще сохранялъ силы служить отецъ, верстали *въ отводъ*, давали имъ особыя помѣстья; младшаго сына, который поспѣвалъ на службу, когда его отецъ уже дряхлѣлъ, *припускали* къ нему въ помѣстье съ тѣмъ, чтобы по смерти отца онъ вмѣстѣ съ землей наслѣдовалъ и его служебныя обязанности. Съ теченіемъ времени установлены были правила обезпеченія семействъ, остававшихся послѣ служилыхъ людей. Когда умиралъ служилый человѣкъ, то изъ его помѣстья выдѣлялись извѣстныя доли *на прожитокъ* (въ пенсію) его вдовѣ и дочерямъ, вдовѣ до смерти, до вторичнаго замужества или до постриженія, дочерямъ до 15 лѣтъ, когда онѣ могли выйти замужъ. По достиженіи 15 лѣтъ дочь по закону лишалась своей прожиточной части. Впрочемъ, выходя замужъ, она могла справить свой прожитокъ за женихомъ. Величина прожитка зависѣла отъ того, какъ умиралъ помѣщикъ. Если онъ умиралъ дома своей смертью, вдовѣ его выдѣлялось 10% изъ его помѣстья, дочерямъ по 5%; если онъ былъ убитъ въ походѣ, эти оклады удвоялись.

Смутное время.

Причины, ходъ и значеніе смуты. Смертью царя Ѳеодора Іоанновича въ 1598 году, не оставившаго послѣ себя дѣтей, пресѣклась Рюрикова династія московскихъ государей. Земскій соборъ избралъ на цар-

ство боярина Бориса Годунова, правившаго государствомъ при царѣ Ѳеодорѣ. Вскорѣ послѣ этого избранія начались смуты, которыя постепенно развились въ страшное потрясеніе государства, окончившееся только со вступленіемъ на московскій престолъ перваго царя новой династіи Михаила въ 1613 году. Эти годы (1598—1613) и извѣстны въ нашей исторіи подъ именемъ *Смутнаго времени* или эпохи самозванцевъ. Эти самозванцы большею частью выдавали себя за младшаго сына Іоанна Грознаго царевича Димитрія, погибшаго насильственной смертью, обстоятельства которой остались неразъясненными. Такое насильственное и таинственное пресѣченіе династіи и послужило первымъ поводомъ къ смутѣ, которую поддержало сопровождавшее его появленіе самозванцевъ. Но къ этимъ событіямъ, послужившимъ внѣшними причинами смуты, присоединились нѣкоторыя внутреннія условія, скрывавшіяся въ самомъ строѣ Московскаго государства, которыя сообщили смутѣ широкое и разрушительное развитіе. Эти условія обнаруживаются въ ходѣ смуты.

Въ смутѣ послѣдовательно выступаютъ разные классы московскаго общества въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они были расположены на государственной іерархической лѣствицѣ. На ея вершинѣ стояло боярство; оно и затѣяло смуту. Царь Борисъ законнымъ путемъ земскаго соборнаго избранія вступилъ на престолъ и могъ сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по своимъ государственнымъ заслугамъ. Но боярство, много потерпѣвшее при Грозномъ, хотѣло формальнымъ актомъ ограничить власть новаго царя, избраннаго изъ его среды. Бояре молчали, ожидая, что Борисъ самъ заговоритъ съ ними объ условіяхъ этого ограниченія, а Борисъ молчалъ и отказывался отъ власти, надѣясь, что земскій соборъ выберетъ его безъ всякихъ условій, и надежда его оправдалась.

Обманувшись въ своемъ ожиданіи, бояре рѣшились дѣйствовать противъ новаго царя. Съ своей стороны Борисъ, чтобы защитить себя отъ ихъ козней, устроилъ тайный полицейскій надзоръ за боярами, въ которомъ главнымъ орудіемъ служили холопы, доносившіе на своихъ господъ. Доносы сопровождались пытками и казнями. Это еще болѣе вооружило бояръ противъ царя. Первый самозванецъ былъ ихъ произведеніемъ, подготовленнымъ съ помощью поляковъ. Его самозванство не было тайной для бояръ, а Борисъ, когда дошли до него слухи объ немъ, прямо сказалъ боярамъ, что это ихъ дѣло, что они подставили самозванца. Первый самозванецъ правилъ дѣятельно и твердо, но и онъ не оправдалъ боярскихъ ожиданій. Онъ дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно, проводилъ свои особые планы независимо отъ бояръ, часто

смѣялся надъ ними въ Боярской Думѣ и—что было для нихъ всего досаднѣе—приближалъ къ себѣ незнатныхъ людей и иностранцевъ. Первый самозванецъ былъ низложенъ 17 мая 1606 года боярскимъ заговоромъ, во главѣ котораго сталъ кн. Вас. Ив. Шуйскій съ братіею. На совѣщаніи передъ возстаніемъ заговорщики условились, что кто изъ нихъ будетъ царемъ, тотъ долженъ править по общему совѣту съ боярами. На этомъ засѣданіи кн. Шуйскій откровенно признался, что онъ присталъ къ самозванцу только для того, чтобы отдѣлаться отъ Бориса.

По низверженіи самозванца возведенъ былъ на престолъ кн. Василій Шуйскій, но возведенъ былъ не какъ Борисъ—безъ участія земскаго собора, а только партіей большихъ бояръ и преданной ему толпой москвичей, которыхъ онъ поднялъ противъ самозванца и поляковъ. Вступая на престолъ, царь Василій ограничилъ свою власть и условія ограниченія изложилъ въ разосланной имъ по областямъ окружной грамотѣ, извѣщавшей о его воцареніи. Впрочемъ условія ограниченія, какія изложены въ грамотѣ, очень несложны. Царь обязывался никого не казнить, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, опалы преступника не распространять на его родню и семейство и имущества ихъ не конфисковать, если они не участвовали въ преступленіи, доносовъ не слушать, ложныхъ доносчиковъ наказывать, всѣ дѣла рѣшать по суду и слѣдствію. Вотъ и всѣ политическія обезпеченія, какія выговорили бояре у царя Василія. Они вскрываютъ политическое настроеніе высшаго правительственнаго класса при этомъ первомъ опытѣ ограниченія царской власти. Всѣ эти обезпеченія направлены къ огражденію личной и имущественной безопасности подданныхъ и не касались основъ государственнаго порядка, не измѣняли и даже не опредѣляли точнѣе значенія высшихъ правительственныхъ учрежденій и ихъ отношеній къ царю. Власть ограничивалась совѣтомъ бояръ; но она и прежде правила при содѣйствіи этого совѣта. Теперь она стѣснена была лишь по отношенію къ частнымъ дѣламъ и лицамъ въ судопроизводствѣ. Въ то время боярамъ больше ничего и не было нужно. По старому политическому обычаю московскій государь дѣлилъ власть съ боярами въ продолженіе всего XVI вѣка. Но отдѣльныя лица изъ бояръ много потерпѣли отъ произвола власти при царяхъ Іоаннѣ и Борисѣ. Бояре направляли выговоренныя ими у царя Василія политическія обезпеченія къ предупрежденію новыхъ подобныхъ испытаній, надѣясь, что участіе въ управленіи и впредь останется за ними, какъ было прежде.

Боярство въ развитіи смуты раскололось: отъ первостепенной знати

отдѣлилось среднее боярство, къ которому примкнуло столичное дворянство и приказные дѣльцы—дьяки. Этотъ классъ выработалъ новый планъ государственнаго устройства съ ограниченіемъ власти царя. Этотъ планъ касался самыхъ оснований государственнаго порядка. Въ сентябрѣ 1609 г. Польша объявила войну Московскому государству и король польскій Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. Въ то время подъ Москвою стоялъ второй самозванецъ, «воръ Тушинскій», осадивъ царя Василія въ его столицѣ. У вора Тушинскаго въ лагерѣ было много польскихъ отрядовъ, которые король и вызвалъ подъ Смоленскъ. Оставшись безъ поддержки, Тушинскій воръ бѣжалъ въ Калугу. Русскіе его приверженцы изъ бояръ и дворянъ съ бояриномъ Михайломъ Салтыковымъ во главѣ остались одинокими и рѣшились послать уполномоченныхъ въ польскій лагерь подъ Смоленскъ и признать царемъ Сигизмундова сына Владислава. Но они признавали его на извѣстныхъ условіяхъ, которыя и были изложены въ договорѣ съ королемъ, заключенномъ 4 февраля 1610 г. Въ этомъ договорѣ, во-первыхъ, опредѣлялись права всего московскаго народа и, во-вторыхъ, устанавливался порядокъ высшаго управленія. Здѣсь повторены были личныя и имущественныя обезпеченія, изложенныя въ окружной грамотѣ царя Василія. Сверхъ того, въ договорѣ 4 февраля выражены были и другія болѣе общія права подданныхъ, прежде всего неприкосновенность православной вѣры; всѣ судятся по закону и наказываются только по суду; всѣ возвышаются по заслугамъ, а не по одному только происхожденію; всѣ имѣютъ право выѣзда въ другія государства христіанскія для образованія. Правительственную власть государь дѣлитъ съ двумя учрежденіями, Земскимъ Соборомъ и Боярской Думой. Земскій Соборъ, состоящій изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ государства, имѣетъ учредительный авторитетъ; государь вмѣстѣ съ нимъ устанавливаетъ основные законы и измѣняетъ старые. Боярская Дума имѣетъ авторитетъ законодательный: она вмѣстѣ съ государемъ рѣшаетъ вопросы текущаго законодательства, наприм. вопросы о налогахъ, о помѣстномъ и вотчинномъ землевладѣніи и т. п. Боярская Дума есть и высшее судебное учрежденіе: она вмѣстѣ съ государемъ рѣшаетъ важнѣйшія судебныя дѣла, наприм. о политическихъ преступленіяхъ, о спорныхъ наслѣдствахъ и т. п. Государь ничего не дѣлаетъ безъ думы и приговора бояръ. Таковы были политическія стремленія средняго боярства и высшаго столичнаго дворянства.

Вслѣдъ за среднимъ боярствомъ и столичнымъ дворянствомъ выступило дворянство низшее, провинціальное, городовые дворяне и дѣти боярскіе. Это провинціальное дворянство вмѣстѣ съ духовенствомъ рѣ-

шило выборъ царя Бориса. Оно очень радѣло этому царю изъ бояръ, но не за бояръ, и возстало противъ Василія, царя чисто боярскаго. Почииъ возстанія принадлежалъ дворянству южныхъ уѣздовъ, расположенныхъ по степной границѣ государства. Опасности украинской жизни воспитывали въ этихъ дворянахъ боевой, отважный духъ. Въ 1606 г., вскорѣ по воцареніи Василія, когда еще не было и слуха о второмъ самозванцѣ, противъ бояръ и царя поднялся путивльскій воевода кн. Шаховской. Вслѣдъ затѣмъ поднялись дворяне тульскіе, веневскіе, каширскіе и рязанскіе, послѣдніе подъ предводительствомъ Сумбулова и Ляпуновыхъ. Сумбуловъ уже въ 1609 г. въ самой Москвѣ съ мелкими дворянами возставалъ противъ царя. Мятежники кричали, что встали за свою братію, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ царь съ потаковниками своими, большими боярами, будто «въ воду сажаетъ и до смерти побиваетъ». Значитъ, это было возстаніе низшаго дворянства противъ знати. Братъ Ляпунова Захаръ съ другими дворянами въ 1610 году свелъ царя Василія съ престола. Политическая программа провинціальнаго дворянства не такъ ясна; повидимому, она въ главныхъ пунктахъ сходилась съ договоромъ 4 февраля. Настоящими кандидатами ея на престолъ были князь Скопинъ-Шуйскій, потомъ послѣ него князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Наконецъ вслѣдъ за низшимъ провинціальнымъ дворянствомъ въ смуту вмѣшиваются и низшіе неслужилые, земскіе классы населенія, тяглые и нетяглые. Эти классы выступаютъ сначала объ руку съ дворянами, но потомъ отдѣляются отъ него и дѣйствуютъ одинаково враждебно какъ противъ боярства, такъ и противъ дворянства. Первое возстаніе противъ царя Василія поднялъ съ мѣстнымъ дворянствомъ путивльскій воевода кн. Григорій Шаховской еще въ 1606 году. Но рядомъ съ Шаховскимъ дѣйствуетъ и бывшій холопъ, воротившійся изъ крымскаго плѣна Болотниковъ, шайка котораго служила главной опорой Шаховскому. Эта шайка набиралась изъ посадскихъ людей, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, вообще изъ разнообразнаго сброда, какой тогда накопился въ Сѣверской украйнѣ. Въ этой же украйнѣ, въ Стародубѣ, появился и давно жданный второй самозванецъ. Болотниковъ съ своей шайкой и съ примкнувшимъ къ нему дворянствомъ южныхъ уѣздовъ подъ предводительствомъ Сумбулова, Ляпунова и другихъ, двинулся къ Москвѣ, побилъ здѣсь царскія войска и даже успѣлъ дойти до подмосковнаго села Коломенскаго. Успѣхомъ своего похода Болотниковъ былъ обязанъ поддержкѣ дворянства. Но подъ Москвой и произошло раздѣленіе этихъ на минуту соединившихся классовъ. Вмѣшательство низшихъ классовъ,

составлявшихъ наиболѣе крѣпкую опору второго самозванца, продлило смуту; оно же измѣнило и ея направленіе. До сихъ поръ смута была политической борьбой, споромъ за образъ правленія, за государственный порядокъ. Но со времени выступленія Болотникова на сцену смута превращается въ соціальную борьбу, въ истребленіе высшихъ классовъ низшими. Это вмѣшательство простого народа въ смуту было одной изъ основныхъ причинъ и временнаго успѣха кандидатуры польскаго королевича Владислава. Многіе невольно стояли за эту кандидатуру, чтобы не пустить на престолъ вора Тушинскаго, кандидата черни. Польскіе паны на королевскомъ совѣтѣ подъ Смоленскомъ въ 1610 году говорили, что теперь въ Московскомъ государствѣ простой народъ поднялся, всталъ на бояръ, чуть не всю власть въ рукахъ своихъ держитъ. Наконецъ въ смутѣ видимъ участіе еще одного общественнаго элемента, который тоже набирался преимущественно изъ простонародья. Въ послѣдніе годы смуты всего больше вреда надѣлали государству казаки, которые врывались въ его предѣлы съ польскими отрядами. Но казаки, которые приходили въ Московское государство съ береговъ Днѣпра, Дона и Терека подъ начальствомъ князя Трубецкого, Заруцкаго, Лисовскаго, Сапѣги, не принадлежали къ старому домовитому казачеству. Это были въ большинствѣ недавніе гости южно-русскихъ степей, *голытьба*, какъ ихъ тогда называли, т. е. бѣглые тяглые или нетяглые люди изъ Московскаго государства, недавно укрывшіеся въ степяхъ и теперь возвращавшіеся въ отечество, чтобы пограбить. Эти классы искали не какого-либо новаго государственнаго порядка, а только добивались личныхъ льготъ. Каждый стремился выйти изъ тяжелаго положенія, въ какое ставилъ его тогдашній государственный порядокъ. Холопы стремились выйти изъ своей неволи, крестьяне освободиться отъ тѣхъ поземельныхъ обязательствъ, какія они принимали на себя по отношенію къ землевладѣльцамъ; посадскіе люди стремились избавиться отъ посадскаго тягла и стать вольными или приказными людьми и т. д. Болотниковъ, составляя свою шайку, призывалъ подъ свои знамена всѣхъ, кто хотѣлъ добиться чести, воли и богатства.

Таковъ былъ ходъ Смутнаго времени. Въ немъ рѣзко обнаружились два коренныхъ недостатка, какими страдалъ московскій государственный порядокъ. Однимъ изъ этихъ недостатковъ было несоотвѣтствіе политическихъ стремленій и притязаній московскаго боярства характеру верховной власти и народному взгляду на нее: боярство хотѣло наложить цѣпи на верховную власть, которая привыкла считать себя неограниченной и которая по народному взгляду должна была быть таковою.

Вторымъ недостаткомъ была тяжелая и неравномѣрная разверстка государственныхъ обязанностей между классами общества, которая не оставляла мѣста ни личнымъ, ни сословнымъ правамъ и приносила въ жертву государству всѣ частные интересы. Оба эти недостатка обнаружились и почувствовались съ особенной силой благодаря случайному событію, пресѣченію династіи. Но подъ вліяніемъ этихъ недостатковъ смута въ развитіи своемъ превратилась въ соціально-политическую борьбу, въ возстаніе низшихъ классовъ общества противъ высшихъ. Смута началась попыткой боярства соединить готовое распасться общество во имя новаго государственнаго порядка, построеннаго на ограниченіи верховной власти. Когда эта попытка не удалась и вызвала противъ себя какъ служилые, такъ и тяглые классы, тогда возникла мысль соединить распадавшееся общество не во имя новаго порядка, а во имя лица, и для этого искусственно воскресить погибшую династію, которая прежде одна сдерживала непримиримые интересы разныхъ общественныхъ классовъ. Вотъ въ чемъ заключалась истинная причина успѣха самозванцевъ: самозванство служило удобнѣйшимъ выходомъ изъ борьбы непримиримыхъ интересовъ враждебныхъ другъ къ другу классовъ. Когда не удались и эти попытки, тогда не оставалось, повидимому, никакого политическаго интереса, во имя котораго можно было бы предотвратить распаденіе общества. Однако общество не распалось; расшатался только государственный порядокъ. По разрушеніи связей политическихъ оставались еще крѣпкія связи національныя и религіозныя; онѣ и спасли общество. Когда вторглись въ государство польскія и казацкія полчища, тогда и проснулось въ обществѣ чувство національнаго и религіознаго единства, во имя котораго враждовавшіе другъ съ другомъ классы общества соединились, чтобы вытѣснить изъ предѣловъ государства и казаковъ, и ляховъ. Значитъ, смута, начавшаяся пресѣченіемъ старой династіи и продолжавшаяся взаимной борьбой разныхъ классовъ земскаго общества, завершилась борьбой всего земскаго общества съ элементами противо-земскимъ и антинаціональнымъ, казацкимъ и польскимъ. Таковы были причины и ходъ смуты.

Внутренняя дѣятельность правительства въ царствованіе Михаила.

(Учебн. Соловьева, гл. XXXIII, § 13).

Перемѣны въ управленіи. Разстроенное смутой состояніе государства побудило правительство царя Михаила произвести нѣкоторыя перемѣны въ управленіи, чтобы усилить въ немъ централизацію и тѣмъ сообщить его дѣятельности больше единства и энергіи. Старая династія покинула областное управленіе въ состояніи крайняго раздробленія: въ царствованіе Грознаго управленіе намѣстниковъ и волостелей было найдено неудобнымъ и царь Іоаннъ попытался замѣнить его земскимъ самоуправленіемъ. Для веденія уголовно-полицейскихъ дѣлъ всѣ классы уѣзднаго общества выбирали изъ среды мѣстныхъ дворянъ *губныхъ старостъ* (по одному или по два на уѣздъ). Гражданскій судъ и сборъ прямыхъ государственныхъ налоговъ съ тяглаго населенія производили *излюбленныя головы* или *земскіе старосты* съ присяжными помощниками, *цѣловальниками*, которые выбирались мѣстнымъ тяглымъ населеніемъ. Косвенные налоги, сборы, какіе получались отъ эксплуатаціи доходныхъ казенныхъ статей, питейный или кружечный, таможенный или торговый, пятенный (*пятно*—клеймо) съ продажи лошадей и т. п., поручались также избираемымъ изъ среды мѣстныхъ тяглыхъ міровъ *вѣрнымъ*, т. е. присяжнымъ головамъ съ цѣловальниками, которые вели порученныя имъ дѣла подъ личной имущественной отвѣтственностью или подъ отвѣтственностью избравшаго ихъ міра. Излюбленный голова съ цѣловальниками правилъ отдѣльнымъ тяглымъ городскимъ или сельскимъ міромъ. Въ свою очередь и служилые люди, образуя уѣздныя сословныя общества, имѣли свое сословное управленіе, выбирали въ каждомъ уѣздѣ *городового прикащика*, коменданта уѣзднаго города. Каждый мѣстный міръ, городской или сельскій, тяглый или служилый, дѣйствовалъ обособленно, имѣлъ свое особое управленіе. Всѣ эти міры ничѣмъ не объединялись между собою на мѣстѣ, кромѣ рѣдкихъ выборовъ губныхъ старостъ, и каждый изъ этихъ міровъ имѣлъ непосредственное отношеніе къ центральнымъ учрежденіямъ, приказамъ. Такимъ образомъ со введеніемъ земскаго самоуправленія при царѣ Іоаннѣ уѣздъ сталъ еще менѣе цѣльной административной единицей, чѣмъ какой онъ былъ при старыхъ намѣстникахъ и волостеляхъ. Только въ пограничныхъ городахъ, гдѣ требовалась сильная военная власть, были введены

воеводы, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть надъ всѣмъ уѣздомъ и по всѣмъ дѣламъ, какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ. Въ продолженіе смуты всѣ области, даже внутреннія, подвергались опасности непріятельскаго нападенія; поэтому даже во внутреннихъ уѣздахъ стали являться воеводы, областные управители съ военной властью. Воеводство при царѣ Михаилѣ стало повсемѣстнымъ учрежденіемъ. Воевода сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ власть надъ всѣмъ уѣздомъ и по всѣмъ дѣламъ. Онъ судилъ и рядилъ въ *съѣзжей* или *приказной избѣ*. Со введеніемъ воеводъ земское выборное управленіе не исчезло, но только было стѣснено и во многомъ подчинено воеводѣ, къ которому перешли судебныя дѣла, находившіяся въ вѣдомствѣ выборныхъ земскихъ судей. Въ кругу выборнаго земскаго управленія теперь остались дѣла уголовно-полицейскія, которыя велъ губной староста, финансовыя, т. е. казенные сборы, и дѣла земскія мѣстныя, которыя состояли въ выборахъ на разныя должности по земскому управленію, въ раскладкѣ податей между членами тяглаго общества, въ сборахъ на мірскія нужды, въ распоряженіи мірской землей, вообще въ веденіи мірского хозяйства. Это хозяйство велъ земскій староста съ цѣловальниками въ *земской избѣ* (земской управѣ) подъ контролемъ *совѣтныхъ людей*, выборныхъ земскихъ гласныхъ.

Земскіе соборы. Не прекратилась при царѣ Михаилѣ дѣятельность и общегосударственнаго учрежденія, возникшаго въ одно время съ мѣстными земскими учрежденіями царя Іоанна, *земскаго собора*, который въ первый разъ созванъ былъ въ 1550 г. При царѣ Михаилѣ земскіе соборы созывались даже чаще, чѣмъ прежде и послѣ него, но созывались уже въ другомъ составѣ, какого не имѣли въ XVI в. Тогда въ составъ ихъ входили: Освященный соборъ духовенства, т. е. митрополитъ, а потомъ патріархъ съ епископами, Боярская Дума, начальники и дьяки московскихъ приказовъ, представители дворянства и столичнаго купечества. Изъ дворянства призывались на соборъ городовые воеводы и предводители уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ, слѣдовательно, не выборные депутаты, а должностныя лица. Точно также и отъ столичнаго купечества на соборѣ 1598 г. присутствовали старосты и сотскіе московскихъ сотенъ и слободъ, т. е. гильдій и цеховъ, и 21 человѣкъ *гостей*, купцовъ высшаго разряда, которые по своему званію обязаны были исполнять финансовыя порученія правительства, служили отвѣтственными агентами казны. Такимъ образомъ земскій соборъ въ XVI в. составлялся изъ двухъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, руководившихъ управленіемъ церковнымъ и государственнымъ, и изъ отвѣтственныхъ исполни-

тельныхъ органовъ центральнаго и мѣстнаго управленія. Такой составъ сообщалъ земскому собору характеръ совѣщанія правительства съ своими собственными агентами, органами центральнаго и мѣстнаго, военнаго и финансоваго управленія. Поэтому соборъ XVI вѣка не былъ представительнымъ собраніемъ въ строгомъ смыслѣ слова. Представительное значеніе онъ получаетъ только въ XVII вѣкѣ. Какъ извѣстно, царь Михаилъ былъ избранъ на престолъ земскимъ соборомъ. На этотъ соборъ призваны были выборные изъ разныхъ городовъ и изъ всѣхъ чиновъ, изъ духовенства, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и московскихъ сотенъ, изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, т. е. отъ областныхъ городскихъ и сельскихъ обществъ. Такимъ образомъ на земскихъ соборахъ XVII вѣка вмѣсто агентовъ правительства являются земскіе выборные. Надобно думать, что непосредственное участіе, какое въ смуту принимали всѣ классы общества въ государственныхъ дѣлахъ, было ближайшей причиной такой перемѣны въ составѣ собора. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнился и характеръ соборнаго гласнаго. Ставъ выборнымъ представителемъ извѣстнаго земскаго міра, тяглаго или служилаго, онъ является на соборѣ не должностнымъ отвѣтственнымъ экспертомъ, свѣдущимъ человѣкомъ, а ходатаемъ избравшаго его міра, выразителемъ его нуждъ и интересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ установилось и политическое значеніе соборовъ. Соборъ не имѣлъ ни постояннаго участія въ управленіи, ни самостоятельнаго политическаго значенія. Коренное его значеніе было совѣщательное; потому соборы и созывались въ случаѣ надобности, когда правительство нуждалось въ совѣтѣ всей земли. Только избирательные соборы имѣли учредительное значеніе: это были исключительныя, чрезвычайныя собранія, которыя являлись единственными носителями верховной власти въ государствѣ, оставшемся безъ государя.

Писцовыя книги. Частый созывъ земскихъ соборовъ при царѣ Михаилѣ вызывался нуждой правительства въ содѣйствіи земства. Послѣ смуты, когда нужно было возстановлять разрушенный государственный порядокъ, правительство на каждомъ шагу встрѣчалось съ вопросами, съ которыми не могло справиться безъ этого содѣйствія. Для возстановленія порядка прежде всего необходимо было привести въ извѣстность наличныя силы и средства, которыми могло располагать правительство. Изъ нихъ самое важное значеніе имѣло для него тяглое населеніе, служившее основой государственнаго хозяйства. Описать и устроить это населеніе было первой заботой правительства. Когда отецъ царя Филаретъ Никитичъ возвратился изъ Польши, оба государя созвали соборъ (1619 года) и приговорили послать писцовъ и дозорщиковъ, которые бы опи-

сали всѣ города, разобрали обывателей и размѣстили ихъ по мѣстамъ, гдѣ они прежде жили и тянули тягло, платили подати. Въ силу этого постановленія въ 1620-хъ годахъ предпринята была общая перепись тяглаго населенія въ государствѣ съ цѣлью привести въ извѣстность и устроить податныя силы государства. Памятниками этой переписи остались *писцовыя книги*, которыхъ отъ царствованія Михаила сохранилось болѣе пятисотъ. Писцовая книга описываетъ городъ и его уѣздъ, ихъ населеніе, земли, угодья, торговыя и промышленныя заведенія и лежащія на нихъ повинности. Описывая городскія и уѣздныя поселенія, посады, слободы, села, деревни, починки, писцовая книга подробно пересчитываетъ въ каждомъ поселеніи тяглые дворы и «людей» въ нихъ, домохозяевъ съ живущими при нихъ дѣтьми и родственниками, обозначаетъ пространство принадлежащей селенію земли пахотной, пустопорожней, сѣнокосной и лѣсной и наконецъ размѣръ тягла, падающаго на селеніе по землѣ и промысламъ его тяглыхъ обывателей. Эти писцовыя книги и служили основаніемъ для податнаго обложенія городскихъ и сельскихъ тяглыхъ обществъ.

Западная Русь со времени соединенія Литвы съ Польшей.

Вліяніе этого событія на положеніе западно-русскихъ областей. Самымъ тяжелымъ дѣломъ внѣшней политики Московскаго государства въ XVII в. былъ вопросъ о западной Руси. Этотъ вопросъ сплелся изъ разнообразныхъ затрудненій, которыя постепенно развились въ той Руси изъ политической сдѣлки польскихъ пановъ съ великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ въ 1386 г. (Учебн. Соловьева, гл. XXII). Слѣдствіемъ этой сдѣлки было династическое соединеніе двухъ сосѣднихъ государствъ, королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. Это событіе произвело важныя перемѣны въ положеніи русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ Литовскаго княжества. Покореніе западной Руси литовскими князьями сопровождалось подчиненіемъ Литвы русскому вліянію. Покоренныя русскія области, земли Волынская, Кіевская, Сѣверская, Смоленская, Полоцкая и др. и по пространству, и по количеству населенія составили большую половину Литовскаго княжества. Русскій языкъ и русское право, русскіе нравы вмѣстѣ съ православіемъ стали распространяться среди полудикой языческой Литвы. Со времени соединенія

Литвы съ Польшей русское вліяніе въ Литовскомъ княжествѣ начало вытѣсняться польскимъ, которое проникало туда различными путями. Однимъ изъ нихъ служили сеймы, на которыхъ рѣшались общія дѣла обоихъ союзныхъ государствъ: литовско-русскіе вельможи, встрѣчаясь здѣсь съ польскими панами, знакомились съ ихъ политическими понятіями и порядками, господствовавшими въ Польшѣ. Съ другой стороны, польское вліяніе проводилось въ Литовскую Русь жалованными грамотами великихъ князей литовскихъ, которыя назывались *привилеями* и которыми устанавливались такой же порядокъ управленія, такія же права и отношенія сословій въ Литовскомъ княжествѣ, какія господствовали въ Польшѣ. Проникая этими путями, польское вліяніе глубоко измѣнило какъ устройство управленія, такъ и складъ общества въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго княжества.

1) Русскіе князья, владѣвшіе этими областями на древнемъ родовомъ правѣ подобно своимъ предкамъ XI и XII в., подчинившись власти великаго князя литовскаго, стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своихъ княжествъ и вмѣстѣ съ знатнѣйшими русскими боярами и литовскими вельможами образовали землевладѣльческую аристократію, подобную польской. Члены этой аристократіи, *паны*, составили правительственный совѣтъ или *раду* великаго князя литовскаго, которая сильно ограничивала его власть. По привилею великаго князя Александра Казимировича 1492 г. литовскій государь не могъ безъ согласія пановъ-рады вести сношеній съ иностранными государствами, издавать и измѣнять законы, распоряжаться государственными доходами и расходами и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ введены были въ Литвѣ по примѣру Польши высшія пожизненныя правительственныя должности или *уряды*: *гетмана*, главнаго предводителя войскъ, *канцлера*, хранителя государственной печати, двухъ *подскарбіевъ*, министровъ финансовъ; начальниками отдѣльныхъ областей, которыми прежде управляли русскіе князья по соглашенію съ вѣчевыми городами, назначались *воеводы*, отъ которыхъ зависѣли *кастеляны* (коменданты городовъ) и *старосты повѣтовъ*, округовъ, на которые дѣлились воеводства. Такъ центральное и областное управленіе Литовской Руси приблизилось къ польскому и получило аристократическій строй.

2) Привилеями, какъ общими или земскими, данными всему княжеству, такъ и мѣстными или областными, въ Литовской Руси устанавливались сословныя права и отношенія, подобныя тѣмъ, какія существовали въ Польшѣ. На Городельскомъ сеймѣ 1413 г., подтвердившемъ соединеніе Литвы съ Польшей, изданъ былъ привилей, по которому ли-

товскіе бояре, принявшіе католицизмъ, получили права и привилегіи польской шляхты; привилей Казимира IV 1457 г. распространилъ эти права и на православныхъ. По этимъ привилеямъ литовскіе землевладѣльцы уравнивались съ польскими въ правахъ владѣнія вотчинами и пожалованными имѣніями и освобождались отъ нѣкоторыхъ налоговъ и повинностей; сверхъ того привилей Казимира воспретилъ переходъ крестьянъ съ земель частныхъ владѣльцевъ на великокняжескія и обратно, что послужило началомъ закрѣпощенія крестьянъ въ Литовскомъ княжествѣ. Общіе и мѣстные привилеи постепенно сравняли литовско-русское дворянство въ правахъ и вольностяхъ съ польской шляхтой и сообщили ему значеніе господствующаго сословія въ княжествѣ съ обширной властью надъ крестьянскимъ населеніемъ, жившимъ на его земляхъ, и съ вліятельнымъ участіемъ въ законодательствѣ, судѣ и управленіи. Это значеніе литовско-русской шляхты закрѣплено было въ XVI в. законодательнымъ сводомъ Литовскаго княжества, извѣстнымъ подъ названіемъ *Литовскаго Статута*. Начало этому своду положено было при Сигизмундѣ I изданіемъ Статута 1529 г. Послѣ этотъ первый сводъ неоднократно пересматривали и дополняли, соглашая его съ польскимъ законодательствомъ, вслѣдствіе чего на этомъ уложеніи отразилось сильное вліяніе польскаго права, смѣшавшагося въ Статутѣ съ древнерусскими юридическими обычаями, сохранившимися отъ временъ Русской Правды. Въ окончательномъ составѣ Литовскій Статутъ былъ изданъ (на русскомъ языкѣ) при Сигизмундѣ III въ 1588 году. По второму Статуту, утвержденному на Виленскомъ сеймѣ въ 1566 году, въ Литовскомъ княжествѣ вводились подобные польскимъ повѣтовые шляхетскіе сеймики, которые собирались въ каждомъ *повѣтѣ* (уѣздѣ) для выбора мѣстныхъ земскихъ судей, а также и земскихъ пословъ, т. е. представителей шляхты на общемъ или *вальномъ* сеймѣ, по два отъ каждаго повѣта.

Усиленіе дворянства въ Литовскомъ княжествѣ сопровождалось упадкомъ старинныхъ городовъ западной Руси. Подгородныя земли, находившіяся въ общинномъ пользованіи этихъ городовъ, розданы были великими князьями въ частное владѣніе съ обязательствомъ ратной службы. Служилые землевладѣльцы, бояре и *земяне*, прежде входившіе въ составъ городскихъ обществъ, теперь шляхетскими своими привилегіями обособившись отъ мѣщанъ, торговопромышленнаго городского населенія, начали покидать города, селясь въ своихъ вотчинахъ и *выслугахъ*, пожалованныхъ имѣніяхъ. Великокняжескіе урядники, воеводы, каштеляны и старосты притѣсняли горожанъ. Чтобы вывести города западной Руси изъ упадка, литовско-польскіе государи давали имъ нѣмецкое городовое

самоуправленіе, или *магдебургское право,* которое въ XIII и XIV вв. проникло въ Польшу вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами, наводнявшими тогда польскіе города. Еще въ XIV вѣкѣ это самоуправленіе введено было въ городахъ Галицкой земли, которая присоединена была къ Польшѣ королемъ Казимиромъ Великимъ въ 1340 году; съ половины XV в. магдебургское право распространилось и въ другихъ городахъ западной Руси. По этому праву горожане получали нѣкоторыя торговыя привилегіи и льготы по отправленію казенныхъ повинностей и освобождались отъ подсудности воеводамъ и другимъ правительственнымъ урядникамъ. По магдебургскому праву городъ управлялся двумя совѣтами или коллегіями, *лавой,* члены которой (*лавники*—присяжные) подъ предсѣдательствомъ назначаемаго королемъ *войта* (нѣм. фогтъ) производили судъ надъ горожанами, и *радой* съ выбранными изъ горожанъ *райцами* (ратманами) и *бурмистрами* во главѣ ихъ, которые завѣдывали дѣлами по хозяйству, торговлѣ, благоустройству и благочинію города.

Политическое вліяніе Польши на Литву, сближая литовско-русскій государственный строй съ польскимъ, упрочивало династическій союзъ обоихъ государствъ. Не такъ удачно было церковное вліяніе Польши: въ этомъ отношеніи ея унія съ Литвой сопровождалась слѣдствіями, которыя грозили отторженіемъ Литовской Руси отъ польско-литовскаго союза. Ягайло съ помощью поляковъ обратилъ часть Литвы въ католичество. Поляки хотѣли закрѣпить династическую унію Польши съ Литвой церковнымъ единствомъ союзныхъ государствъ и съ своимъ духовенствомъ во главѣ повели католическую пропаганду среди православнаго литовско-русскаго населенія, но встрѣтили сильный отпоръ, который уже въ концѣ XV в. повелъ къ тому, что русскіе князья, подчиненные Литвѣ, начали переходить на московскую службу (Учебн. Соловьева, гл. XXV, § 10).

Люблинская унія. Церковная вражда сильно мѣшала сближенію Литовской Руси съ Польшей. Расколъ, происшедшій въ католической церкви въ XVI в., значительно ослабилъ это препятствіе. Протестантизмъ успѣшно распространялся въ Польшѣ, а потомъ и въ Литвѣ, преимущественно среди высшихъ классовъ. Изъ протестантскихъ ученій литовская знать особенно охотно усвояла кальвинизмъ, которому сочувствовалъ и послѣдній Ягеллонъ Сигизмундъ Августъ. Главнымъ поборникомъ этого ученія въ Литвѣ былъ вліятельный литовскій вельможа канцлеръ Николай Радзивиллъ Черный. Успѣхи протестантизма въ Польско-Литовскомъ государствѣ послужили однимъ изъ условій, подготовившихъ выгодное для Польши рѣшеніе вопроса о вѣчномъ соединеніи ея

съ Литвой. Эти успѣхи остановили католическую пропаганду въ Литовской Руси. Покровительствуя протестантамъ, послѣднiй Ягеллонъ благоволилъ и къ православнымъ и принялъ очень важную для нихъ мѣру. Одно постановленiе Городельскаго сейма 1413 г. лишало православныхъ права занимать государственныя и общественныя должности. Въ 1563 г. Сигизмундъ Августъ отмѣнилъ это постановленiе. Это измѣнило отношенiе православнаго литовско-русскаго населенiя къ польскому правительству. До тѣхъ поръ оно враждебно относилось къ этому правительству; теперь, съ ослабленiемъ католической пропаганды, которую поддерживали прежнiе короли, православные люди Литвы перестали бояться польскаго правительства. Эта перемѣна сдѣлала возможнымъ продолженiе политическаго союза Литвы съ Польшей. Сигизмундъ Августъ умиралъ бездѣтнымъ. Это возбуждало тревожный вопросъ о дальнѣйшихъ отношенiяхъ Литвы къ Польшѣ, такъ какъ со смертью Сигизмунда Августа прекращалась династiя Ягеллоновъ и, слѣдовательно, разрывался династическiй союзъ Литвы съ Польшей. Пока католическая пропаганда, покровительствуемая польскимъ правительствомъ, дѣйствовала въ Литвѣ, православное литовско-русское населенiе не хотѣло и думать о продолженiи союза; но когда Сигизмундъ Августъ началъ даже покровительствовать православнымъ, послѣднiе перестали смотрѣть съ боязнью на это дѣло. Противодѣйствiя ему можно было ожидать только отъ литовской аристократiи, которая не хотѣла полнаго слiянiя Литвы съ Польшей, гдѣ господствовала шляхта, т. е. рядовое дворянство. Въ январѣ 1569 года собрался сеймъ въ Люблинѣ для рѣшенiя вопроса о продолженiи унiи. Литовскiе сенаторы и послы (депутаты) долго не соглашались на предложенныя поляками условiя унiи. Но король привлекъ на свою сторону двухъ влiятельнѣйшихъ магнатовъ юго-западной Руси, которые стояли во главѣ православнаго дворянства. Одинъ изъ нихъ былъ Рюриковичъ, воевода кiевскiй князь Константинъ Острожскiй, другой Гедиминовичъ, воевода волынскiй князь Александръ Чарторыйскiй. Эти два магната и увлекли за собою все юго-западное русское дворянство, за которымъ принуждено было послѣдовать и литовское. На Люблинскомъ сеймѣ политическiй союзъ обоихъ государствъ былъ признанъ неразрывнымъ и по пресѣченiи династiи Ягеллоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ соединенное государство получило окончательное устройство. Оно превращалось въ избирательную республикански-устроенную монархiю, называвшуюся *Рѣчью Посполитой* (переводъ лат. respublica). Во главѣ правленiя становился король, избираемый общимъ сеймомъ Литвы и Польши, или *Княжества и Короны,* какъ назывались эти части соединенной

республики. Законодательная власть принадлежала сейму, составлявшемуся изъ земскихъ пословъ, т.-е. депутатовъ шляхты, и сенату, состоявшему изъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ государства. Но обѣ союзныя части Рѣчи Посполитой сохранили отдѣльную высшую администрацію, имѣли особыхъ министровъ, также особое войско и особые законы. Для исторіи юго-западной Руси всего важнѣе было то постановленіе Люблинскаго сейма, по которому нѣкоторыя части этой Руси, входившія въ составъ Литовскаго княжества, теперь отошли къ Коронѣ, т.-е. къ Польшѣ. Это были: *Подляхія* (западная часть Гродненской губерніи), *Волынь, Подолія и Украйна* (губерніи Кіевская и Полтавская съ частью Черниговской). Благодаря присоединенію этихъ областей къ Коронѣ онѣ подпали подъ непосредственное вліяніе Польши. Съ тѣхъ поръ въ этихъ областяхъ стала водворяться польская администрація на мѣсто туземной русской, дѣйствовавшей при литовскихъ князьяхъ. Польская шляхта начала пріобрѣтать земли въ юго-западной Руси и водворяла здѣсь польское крѣпостное право, къ которому со времени церковной уніи присоединилось еще религіозное угнетеніе православныхъ уніатами и католиками. Дворянство юго-западной Руси, по примѣру польскихъ землевладѣльцевъ поработивъ русское крестьянское населеніе своихъ земель, постепенно отчуждалось отъ своего народа и ополячивалось, сближаясь съ польской шляхтой и вмѣстѣ съ ея привилегіями усвояя ея нравы, языкъ и вѣру. Всѣми этими слѣдствіями Люблинской уніи подготовленъ былъ на Украйнѣ рядъ возстаній противъ Польши, начавшихся въ концѣ XVI вѣка и завершившихся въ XVII в. присоединеніемъ восточной Малороссіи къ Московскому государству (Учебн. Соловьева, XXXIV, 7).

Подготовка къ преобразованію въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Соборное Уложеніе. Царь Михаилъ съ Боярской Думой и земскимъ соборомъ дѣятельно работалъ надъ устройствомъ государства, расшатаннаго смутой. Здѣсь имъ приходилось бороться со многими затрудненіями; нужно было возстановлять, едва не вновь строить государство: до того былъ разбитъ весь его механизмъ. Все царствованіе Михаила прошло въ усиленной законодательной дѣятельности правительства, касавшейся самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной жизни. Бла-

годаря тому къ началу второго царствованія накопился уже обильный запасъ новыхъ законовъ и почувствовалась потребность разобраться въ этомъ запасѣ, привести его въ порядокъ. Эта потребность и привела къ составленію *Уложенія* 1649 года.

Мысль составить Уложеніе, внушенная челобитьемъ «всякихъ чиновъ людей», исходила отъ государя съ тѣснымъ соборомъ, т.-е. съ правительственнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ Освященнаго собора и Боярской Думы. Здѣсь 16 іюля 1648 г. приговорили выбрать пригодныя статьи изъ правилъ апостольскихъ и святыхъ отцовъ, изъ законовъ греческихъ царей, изъ прежнихъ московскихъ судебниковъ, также изъ указовъ прежнихъ государей и приговоровъ Боярской Думы, а по вопросамъ, на которые не отвѣчало прежнее законодательство, составить новыя опредѣленія «по общему совѣту». Составить проектъ Уложенія поручено было особой кодификаціонной коммиссіи изъ 5 членовъ: изъ бояръ князей Одоевскаго и Прозоровскаго, окольничаго кн. Волконскаго и дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова. Коммиссія выписывала статьи изъ указанныхъ въ приговорѣ источниковъ и составляла новыя. Тѣ и другія статьи «писались въ докладъ», т.-е. представлялись государю съ Думой на разсмотрѣніе, и государь съ Освященнымъ соборомъ и съ думными людьми «того собранія слушалъ». Въ то время, какъ шла эта кодификаціонная работа, въ Москву «къ тому общему совѣту» были созваны (къ 1 сент. 1648 г.) выборные отъ всѣхъ чиновъ государства, по одному или по два представителя отъ каждаго чина столичнаго и уѣзднаго. Этимъ выборнымъ былъ прочитанъ составленный коммиссіей проектъ Уложенія, послѣ чего государь указалъ всему Освященному собору высшаго духовенства, всѣмъ думнымъ и выборнымъ людямъ приложить къ «списку» Уложенія свои руки, т. е. скрѣпить свитокъ своими подписями. Этотъ списокъ въ началѣ 1649 г. былъ напечатанъ и разосланъ по приказамъ въ столицѣ и по городамъ въ воеводскія канцеляріи, чтобы «всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію».

Основные *источники* Уложенія указаны въ приговорѣ 16 іюля: это 1) Кормчая, 2) судебники и 3) дополнительные къ нимъ указы государей и боярскіе приговоры. Земскій соборъ также послужилъ однимъ изъ источниковъ этого свода. Съѣхавшіеся въ Москву земскіе выборные обращались къ правительству съ челобитьями о своихъ нуждахъ. Эти челобитныя вносились въ кодификаціонную коммиссію, разсматривались ею и докладывались государю, который вмѣстѣ съ Думою по возбужденнымъ ими вопросамъ приговаривалъ, т.-е. давалъ новые законы, обыкновенно «совѣтовавъ съ патріархомъ и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ»,

а иногда поговоривъ также и съ самими челобитчиками, съ нѣкоторыми или со всѣми выборными людьми, со всѣмъ соборомъ, если челобитье шло отъ «всякихъ чиновъ людей». Кромѣ того нѣкоторые выборные «были для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ приказѣ съ боярами» кодификаціонной коммиссіи, т. е. вводились въ ея составъ въ качествѣ свѣдущихъ людей для справокъ и указаній по отдѣльнымъ вопросамъ законодательства и такимъ образомъ участвовали въ составленіи самаго проекта Уложенія. Эти законы также вносились въ Уложеніе. Въ сохранившемся подлинномъ свиткѣ Уложенія есть ссылки на Литовскій Статутъ. Составители Уложенія пользовались этимъ кодексомъ, слѣдовали ему въ расположеніи предметовъ, иногда даже въ порядкѣ статей, въ подборѣ казусовъ и отношеній, требующихъ законодательнаго опредѣленія, въ постановкѣ правовыхъ вопросовъ, но отвѣтовъ искали всегда въ собственномъ правѣ, брали формулы самыхъ нормъ, правовыхъ положеній, но только общихъ тому и другому праву, устраняя все ненужное или несродное праву и судебному порядку московскому, вообще перерабатывали все, что заимствовали. Такимъ образомъ Статутъ послужилъ не столько юридическимъ источникомъ Уложенія, сколько кодификаціоннымъ пособіемъ для его составителей.

По мысли, положенной въ основаніе Уложенія, оно должно было стать полнымъ сводомъ всего наличнаго законодательнаго запаса, послѣднимъ словомъ московскаго законодательства. Оно было важнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ прежними судебниками. Эти судебники были простыя практическія руководства для суда и управленія, опредѣляя главнымъ образомъ порядокъ судопроизводства. Уложеніе гораздо шире захватываетъ область законодательства. И въ немъ X глава, самая обширная изъ его 25-ти главъ, излагаетъ порядокъ и подробности судопроизводства; но другія главы говорятъ о положеніи разныхъ классовъ общества, о ратныхъ и посадскихъ людяхъ, о холопахъ, крестьянахъ. Уложеніе нельзя назвать сводомъ основныхъ законовъ государства; оно не есть систематическое изложеніе всѣхъ основаній государственнаго порядка; но по нему можно составить отчетливое понятіе о составныхъ частяхъ этого порядка.

Управленіе. (Учебн. Соловьева, XXXVII, 3—7). Стремленіе къ централизаціи управленія, обнаружившееся при царѣ Михаилѣ въ учрежденіи воеводствъ, продолжалось и при его преемникахъ одинаково настойчиво какъ въ центральномъ, такъ и въ областномъ управленіи. Осложненіе государственныхъ потребностей и отправленій въ XVI и XVII в. постепенно увеличивало количество центральныхъ правительственныхъ вѣ-

домствъ, вызывая одинъ за другимъ новые *приказы*, какъ вообще назывались эти вѣдомства: къ половинѣ XVII в. такихъ приказовъ накопилось болѣе 40. Теперь московское правительство начало сосредоточивать такое слишкомъ раздробленное управленіе, или ставя одного начальника во главѣ нѣсколькихъ сродныхъ по вѣдомствамъ приказовъ, или подчиняя одному приказу нѣсколько другихъ: такъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ Посольскому приказу, вѣдавшему иностранныя дѣла, подчинены были 9 другихъ приказовъ, въ томъ числѣ *Малороссійскій* и *Полоняничный*, вѣдавшій дѣла о выкупѣ плѣнныхъ.

Съ повсемѣстнымъ введеніемъ городовыхъ или уѣздныхъ воеводъ въ царствованіе Михаила уѣздъ въ Московскомъ государствѣ получилъ характеръ цѣльной административной единицы, управленіе которой сосредоточивалось въ рукахъ одной коронной военно-гражданской власти. Земскія учрежденія не были отмѣнены, но былъ стѣсненъ кругъ ихъ дѣлъ и изъ самостоятельныхъ органовъ мѣстнаго управленія они превратились въ послушныя орудія воеводъ. Преемники царя Михаила сдѣлали еще шагъ впередъ въ сосредоточеніи мѣстнаго управленія. Въ царствованіе Алексѣя, во время войнъ съ Польшей и Швеціей, съ цѣлью лучшаго устройства внѣшней обороны пограничные уѣзды по западной, южной и юговосточной окраинѣ государства стали соединять въ крупные военные округа, называвшіеся *разрядами*, въ которыхъ уѣздные воеводы были поставлены въ зависимость отъ главныхъ окружныхъ воеводъ, какъ высшихъ мѣстныхъ военно-гражданскихъ управителей и предводителей мѣстныхъ военно-служилыхъ людей, составлявшихъ окружные корпуса. Такъ образовались разряды *Новгородскій, Сѣвскій* или *Сѣверскій*, *Бѣлгородскій* (Бѣлгородъ—нынѣ уѣздный городъ Курской губ.), *Тамбовскій*, *Казанскій*. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ предположено было и внутренніе уѣзды съ военно-служилымъ населеніемъ соединить въ такіе же военные округа, образовавъ разряды *Московскій*, *Владимірскій, Смоленскій*. Эти военные округа и послужили основаніемъ губернскаго дѣленія, введеннаго Петромъ Великимъ.

Войско. Сосредоточенная и усиленная дѣятельность управленія требовалась нуждами государства, которыя увеличивались тяжелыми войнами съ Польшей и Швеціей. На первомъ мѣстѣ среди этихъ нуждъ стояла военная реформа. Въ войнахъ съ Польшей и Швеціей не разъ оказывалась полная несостоятельность нестройныхъ и плохо вооруженныхъ московскихъ войскъ. Увидѣвъ необходимость воспользоваться военнымъ искусствомъ западной Европы, московское правительство нанимало отряды иноземныхъ ратниковъ. Но эти наемные отряды стоили дорого

и были ненадежны, и потому признано было болѣе выгоднымъ завести свои войска, обученныя и вооруженныя по образцу западно-европейскихъ регулярныхъ армій. Изъ мелкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ, также изъ даточныхъ (рекрутовъ) и охочихъ людей другихъ классовъ набирали полки пѣхотные *солдатскіе* и конные *рейтарскіе* и *драгунскіе* подъ командой наемныхъ иноземныхъ офицеровъ, которые обучали ихъ западно-европейскимъ боевымъ пріемамъ. Этотъ переходъ русскаго войска къ регулярному строю предпринятъ былъ въ царствованіе Михаила передъ второй войной съ Польшей. Въ составѣ корпуса, двинутаго подъ Смоленскъ въ 1632 году, было уже 6 полковъ иноземнаго строя, въ которыхъ числилось болѣе 10 тысячъ русскихъ ратниковъ, обученныхъ солдатскому регулярному строю и *огненному бою*, т.-е. ружейной стрѣльбѣ. Преемники Михаила продолжали это дѣло, и въ царствованіе Өеодора въ составѣ русскаго войска было уже нѣсколько десятковъ полковъ иноземнаго строя.

Сословія и крѣпостное право. Расходы на наемъ иноземныхъ солдатъ и офицеровъ, на содержаніе своихъ полковъ иноземнаго строя и на другія военныя нововведенія увеличили государственныя тягости, падавшія на народъ. Военно-служилые и тяглые классы или *чины*, между которыми распредѣлены были главныя государственныя повинности, военная служба и податное тягло, не были устойчивыми, обязательными состояніями: служилые и тяглые люди могли переходить въ классы, свободные отъ повинностей, въ холопы или въ *вольные гулящіе* люди, какъ назывались въ Московскомъ государствѣ лица, не имѣвшія опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства и занимавшіяся преимущественно мелкими перехожими промыслами или поденной работой. Возможность мѣнять состоянія, именно покидать тѣ изъ нихъ, на которыя падали наиболѣе важныя государственныя повинности, причиняла большія затрудненія правительству, все болѣе нуждавшемуся какъ въ служилыхъ, такъ и въ тяглыхъ людяхъ. Чтобы пресѣчь эту возможность, законодательство въ XVII вѣкѣ прикрѣпило служилыхъ и тяглыхъ людей къ ихъ состояніямъ, связавъ съ каждымъ изъ этихъ состояній извѣстныя права и обязанности. Такимъ образомъ прежніе неустойчивые чины превратились въ замкнутыя состоянія или сословія, рѣзко обособленныя одно отъ другого. Вслѣдствіе этого само собою пало право служилыхъ и тяглыхъ людей вступать въ частную личную зависимость и этимъ путемъ уклоняться отъ военной и податной повинности. Такъ закономъ 1642 года запрещено было принимать въ холопы дворянъ и дѣтей боярскихъ, а Уложеніе 1649 года запре-

тило людямъ неслужилыхъ классовъ, напримѣръ, боярскимъ холопамъ, покупать и брать въ закладъ земли. Такъ какъ и помѣстья давались только служилымъ людямъ, то помѣстное и личное вотчинное землевладѣніе сдѣлалось сословной привилегіей служилыхъ людей, какъ ратная служба стала ихъ сословной повинностью. Точно также городскіе обыватели, занимавшіеся торгами и промыслами, но не принадлежавшіе къ городскимъ (посадскимъ) тяглымъ обществамъ, по Уложенію должны были нести посадское тягло; торгово-промышленныя слободы частныхъ владѣльцевъ, построенныя на посадскихъ земляхъ, приписывались къ тяглымъ городскимъ обществамъ; крестьяне и лица другихъ состояній, имѣвшія въ городѣ дворы, лавки, амбары и другія промышленныя заведенія, должны были продать ихъ тяглымъ посадскимъ обывателямъ. Такимъ образомъ право торговать и промышлять въ городѣ стало сословной привилегіей тяглаго городского населенія. Уложеніе запретило тяглымъ посадскимъ людямъ переходить въ нетяглыя состоянія, а указъ 1658 года грозилъ смертной казнью даже за самовольный переходъ изъ одного посада въ другой.

Крестьяне также были прикрѣплены къ своему состоянію, а посредствомъ этого прикрѣпленія въ XVII вѣкѣ установлена была крѣпостная зависимость крестьянъ, жившихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Изстари русскіе крестьяне пользовались свободой земледѣльческаго труда, выражавшейся въ томъ, что они снимали участки казенной и частной земли по договору съ сельскими обществами или землевладѣльцами и могли покидать эти участки, исполнивъ принятыя на себя обязательства по арендѣ и по ссудѣ, которую многіе изъ нихъ получали отъ землевладѣльцевъ при недостаткѣ собственнаго инвентаря. По разнымъ причинамъ въ XVI вѣкѣ задолженность крестьянъ своимъ владѣльцамъ усилилась и ссуда стала почти общимъ условіемъ крестьянскихъ договоровъ. Крестьяне, сохраняя право перехода, въ большинствѣ потеряли фактическую возможность перехода по своей волѣ безъ чужой помощи; тогда усилились крестьянскіе побѣги безъ расплаты съ владѣльцами. Чтобы ослабить безконечные иски владѣльцевъ о бѣглыхъ, правительство устанавливало для нихъ сроки давности, по истеченіи которыхъ истцы теряли права на бѣглыхъ крестьянъ. Такъ по указу 24 ноября 1597 года землевладѣлецъ терялъ право искать судебнымъ порядкомъ крестьянина, бѣжавшаго отъ него до 1 сентября 1592 года, если до того же срока не былъ вчиненъ землевладѣльцемъ искъ о бѣглецѣ. Пятилѣтняя давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ была подтверждена указомъ перваго самозванца въ 1606 году; позднѣе, въ 1642 году установ-

лена была десятилѣтняя давность. Для обезпеченія себя отъ потерь, какими грозилъ законъ о давности, землевладѣльцы въ царствованіе Михаила стали вносить въ свои договоры съ крестьянами условіе, которымъ крестьяне обязывались безвыходно жить на ихъ земляхъ, т. е. отдавались имъ въ вѣчную крѣпостную зависимость, отказываясь отъ права прекратить ее возвратомъ полученной ссуды. Этимъ условіемъ устанавливалась личная крѣпостная зависимость крестьянина, не простиравшаяся на его потомство. Это условіе противорѣчило правилу, какое проводилось въ Уложеніи—не дозволять свободному лицу, обязанному государственными повинностями, отказываться отъ своей свободы. Примиряя это правило съ интересами дворянства, военно-служебная годность котораго зависѣла отъ количества рабочихъ крестьянскихъ рукъ на его земляхъ, правительство по закону 1646 года, повторенному въ Уложеніи, отмѣнивъ давность для иска о бѣглыхъ, укрѣпило крестьянъ съ ихъ потомствомъ за ихъ владѣльцами и возложило на послѣднихъ отвѣтственность за податную исправность первыхъ. Такъ частная личная неволя крестьянъ *по договору* превратилась въ потомственную крѣпостную ихъ зависимость *по закону*, и эта зависимость пала на крестьянъ, какъ новая повинность, которая должна была обезпечить правительству исправное исполненіе другихъ повинностей, падавшихъ какъ на крестьянъ, такъ и на ихъ владѣльцевъ дворянъ. Такимъ образомъ крестьяне, жившіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, прикрѣплены были къ этимъ владѣльцамъ; крестьяне дворцовые и *черные*, т. е. государственные, въ то же время прикрѣплены были къ своимъ земельнымъ участкамъ, т. е. къ землѣ.

Финансы. Преобразуя управленіе, войско, составъ общества, московское правительство старалось усилить свои финансовыя средства, чтобы удовлетворить возраставшимъ нуждамъ государства. Эти средства составлялись изъ доходовъ *окладныхъ* и *неокладныхъ*. Окладными доходами назывались податные сборы, которымъ напередъ въ смѣтѣ назначался опредѣленный обязательный для плательщиковъ размѣръ, *окладъ*. Окладные доходы составлялись изъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Подати или прямые налоги въ Московскомъ государствѣ падали либо на цѣлыя общества, либо на отдѣльныя лица. Совокупность податей, платимыхъ цѣлыми обществами, по общей раскладкѣ, составляла *тягло*, и люди, подлежавшіе такимъ платежамъ, назывались *тяглыми*. Главными предметами тягловаго обложенія были земли и дворы, которые также назывались *тяглыми*. Основаніемъ податного обложенія служило *сошное письмо*, т. е. расписаніе тяглыхъ земель и дворовъ на *сохи*. Соха—по-

датная единица, заключавшая въ себѣ извѣстное количество тяглыхъ посадскихъ (городскихъ) дворовъ или извѣстное пространство тяглой крестьянской пашни: именно доброй земли помѣстной и вотчинной считалось въ сохѣ 800 четвертей въ одномъ полѣ, т. е. 1200 десятинъ въ трехъ поляхъ (четверть—половина десятины), монастырской 600 четвертей, черной казенной 500. Количество четвертей средней и худой земли въ каждой изъ этихъ сохъ пропорціонально увеличивалось.

1) Къ окладнымъ доходамъ принадлежали *деньги данныя и оброчныя.* Данью или данными деньгами назывались въ XVII вѣкѣ разные прямые налоги, которые падали на тяглое населеніе торгово-промышленное посадское и земледѣльческое сельское и взимались по числу сохъ, значившихся по писцовымъ книгамъ за извѣстнымъ городскимъ или сельскимъ обществомъ. *Оброкъ* имѣлъ двоякое значеніе. Иногда такъ называлась плата правительству за предоставленіе частному лицу права пользоваться казенной землей, угодьемъ, или заниматься какимъ-либо промысломъ. Въ этомъ смыслѣ оброкомъ назывался казенный доходъ съ принадлежавшихъ казнѣ рыбныхъ ловель, сѣнныхъ покосовъ, звѣриныхъ гоновъ, также съ городскихъ торговыхъ лавокъ, харчевень, банъ и другихъ промышленныхъ заведеній. Въ другихъ случаяхъ оброкъ означалъ общую подать, которою окладывались всѣ жители извѣстнаго округа взамѣнъ разныхъ другихъ податей и повинностей. Такъ оброкомъ назывался налогъ, замѣнившій кормы и пошлины намѣстниковъ и волостелей при отмѣнѣ этихъ должностей въ царствованіе Грознаго. Только оброки этого послѣдняго рода входили въ составъ тягла и взимались по сошному письму. Дань и оброкъ въ смыслѣ общей подати уплачивались всегда въ *постоянномъ* количествѣ по неизмѣнному окладу, тогда какъ размѣры другихъ государственныхъ податей были измѣнчивы, опредѣлялись особыми царскими предписаніями.

2) Къ окладнымъ доходамъ причислялись еще спеціальные налоги, назначавшіеся на особыя потребности государства: таковы были деньги ямскія, полоняничныя и стрѣлецкія. *Ямскія* деньги собирались на содержаніе ямской гоньбы для провоза пословъ, гонцовъ, должностныхъ и ратныхъ людей, для чего по большимъ дорогамъ ставились *ямы* (ямъ—почтовая станція). Эта подать собиралась съ посадскихъ людей и съ крестьянъ также по сошному письму и поступала въ особое центральное учрежденіе, въ *Ямской* приказъ, который завѣдывалъ ямщиками, получавшими жалованье и прогоны за ѣзду, для чего они обязаны были содержать лошадей на ямахъ. *Полоняничныя* деньги—подворная, а не посошная подать, назначенная на выкупъ плѣнныхъ у Та-

таръ и Турокъ. Еще въ царствованіе Михаила она собиралась временно по особому распоряженію правительства. Потомъ она стала постоянной и по Уложенію 1649 года собиралась ежегодно «со всякихъ людей», какъ тяглыхъ, такъ и нетяглыхъ, но не въ одинаковомъ размѣрѣ съ людей разныхъ состояній: посадскіе обыватели и церковные крестьяне платили со двора по 8 денегъ (на наши деньги около 70 коп.), крестьяне дворцовые, черные и помѣщичьи вдвое меньше, а стрѣльцы, казаки и прочіе служилые люди низшихъ чиновъ только по 2 деньги. По словамъ Котошихина, полоняничныхъ денегъ въ его время собиралось ежегодно тысячъ по 150 (около 2½ милліоновъ рублей на наши деньги). Эту подать собиралъ завѣдывавшій выкупомъ полоняниковъ Посольскій приказъ. *Стрѣлецкая* подать назначена была на содержаніе стрѣльцовъ, постоянной пѣхоты, заведенной въ XVI вѣкѣ при великомъ князѣ Василіи. Сначала это былъ незначительный налогъ хлѣбомъ; въ XVII вѣкѣ стрѣлецкая подать собиралась и хлѣбомъ, и деньгами и по мѣрѣ увеличенія численности стрѣлецкаго войска сильно возрастала, такъ что сдѣлалась наконецъ важнѣйшимъ прямымъ налогомъ. По свидѣтельству Котошихина, въ царствованіе Алексѣя стрѣльцовъ было въ Москвѣ даже въ мирное время больше 20 *приказовъ* (полковъ), по 800—1000 чел. въ каждомъ (20,000 въ 1681 г.), да городовыхъ, т. е. провинціальныхъ, приблизительно столько же.

Всѣ перечисленныя подати кромѣ полоняничной взимались по сошному письму: правительство клало на каждую соху извѣстную сумму податей, окладъ, предоставляя плательщикамъ, тяглымъ людямъ сохи, раскладывать его между собой по платежнымъ средствамъ каждаго, «верстаться межъ себя самимъ по своимъ животамъ, по промысламъ, по пашнямъ и по всякимъ угодьямъ». Въ царствованіе Өеодора (въ 1679 г.) эта податная система была значительно упрощена: на тяглое посадское населеніе всѣхъ городовъ и на черныхъ крестьянъ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ уѣздовъ взамѣнъ всѣхъ прежнихъ прямыхъ налоговъ положена была одна стрѣлецкая подать, а владѣльческіе крестьяне остальныхъ уѣздовъ, гдѣ они были (помѣщичьи, церковные, дворцовые), обложены были ямскими и полоняничными деньгами, соединенными въ одну подать, которая была во много разъ легче стрѣлецкой. Тогда же сошное письмо замѣнено было новымъ основаніемъ податного обложенія, *дворовымъ числомъ*: правительство назначало для каждаго податного округа средній подворный окладъ подати и по числу тяглыхъ дворовъ высчитывало общую сумму податныхъ платежей для каждаго округа. Но дворы платили не поровну: окладная сумма распредѣлялась самими

плательщиками между отдѣльными дворами тяглаго общества такъ же, какъ прежде между дворами сохи, по платежнымъ средствамъ, по «тяглу и промысламъ» каждаго двора. Для этого въ 1678—1679 г. была произведена общая подворная перепись и составлены *переписныя книги*, которыя тѣмъ отличались отъ прежнихъ писцовыхъ, что въ послѣднихъ описывались преимущественно земли, угодья, промыслы—хозяйственныя *средства*, по которымъ населеніе облагалось податью, а въ переписныхъ — рабочія *силы*, которыя платили подать, тяглые дворы и ихъ обыватели. Эти переписныя книги и служили основаніемъ подворнаго податного обложенія. Всего числилось по переписи 1678 года болѣе 800,000 тяглыхъ дворовъ. Дворъ, какъ податная единица, составлявшая часть прежней сохи, служилъ переходомъ отъ посошнаго обложенія къ подушному.

3) Къ окладнымъ доходамъ причислялись и косвенные налоги, изъ коихъ главные были *таможенные* и *кабацкіе* сборы. Первые были очень разнообразны и взимались какъ при провозѣ, такъ и продажѣ товаровъ; кабацкіе сборы получались отъ продажи питей, составлявшей казенную монополію. И для этихъ доходовъ правительство обыкновенно назначало извѣстные оклады и отдавало ихъ либо на откупъ, либо на вѣру, поручая таможенные сборы и продажу вина *вѣрнымъ* (присяжнымъ) головамъ и цѣловальникамъ, которыхъ обязаны были выбирать для того мѣстные жители, и если избранные сбирали менѣе положеннаго, недоборы взыскивались съ нихъ или съ ихъ избирателей. Въ половинѣ XVII в. и косвенные налоги были объединены, какъ были объединены позднѣе прямые: въ 1653 г. вмѣсто многочисленныхъ таможенныхъ сборовъ введена такъ названная *рублевая* пошлина (по 10 денегъ съ рубля—5% продажной цѣны товаровъ съ продавца и по 5 денегъ съ рубля съ денегъ, привезенныхъ на покупку товаровъ).

Второй разрядъ государственныхъ доходовъ, *неокладные* сборы состояли главнымъ образомъ изъ платежей за удовлетвореніе разныхъ нуждъ, съ которыми частныя лица обращались къ правительственнымъ учрежденіямъ: таковы были пошлины съ разныхъ частныхъ сдѣлокъ, съ просьбъ, какія подавались частными лицами въ административныя и судебныя мѣста, съ грамотъ, какія оттуда имъ выдавались, судебныхъ рѣшеній и т. п.

Но обыкновенными постоянными доходами правительство не могло покрывать все увеличивавшихся расходовъ казны и должно было прибѣгать къ чрезвычайнымъ или, какъ они тогда назывались, *запроснымъ* сборамъ. Особенно часты были такіе поборы въ царствованіе Алексѣя и Θеодора, когда продолжительныя и разорительныя войны съ Польшей,

Швеціей, Крымомъ и Турціей требовали тяжелыхъ жертвъ людьми и деньгами. Изъ чрезвычайныхъ поборовъ особенно тяжелы были налоги, называвшіеся *пятой* или *десятой* деньгой: это были сборы съ посадскихъ и торговыхъ людей пятой или десятой доли отъ «избытковъ и промысловъ», т. е. 20% или 10% либо заявленнаго по совѣсти оборотнаго капитала, либо валового дохода отъ оборота; пашенные крестьяне платили по 25 или 50 коп. (около 4 или 8 рублей) съ двора.

По росписи 1680 года можно видѣть сравнительную доходность разныхъ налоговъ. Всѣхъ денежныхъ доходовъ по окладу или смѣтѣ этого года значится въ росписи около $1^1/_2$ мил. руб. (приблизительно 25 мил. на наши деньги). Главную статью дохода (почти 43%) составляли важнѣйшіе косвенные налоги, таможенные и кабацкіе сборы. Изъ прямыхъ налоговъ, которые давали около 44% всего дохода, наибольшую статью составляли чрезвычайные сборы (16%). Но ежегодные оклады поступали далеко не сполна: недоимка по 1676 годъ превышала 1 мил. рублей и въ 1681 году ее пришлось сложить. Почти половина доходовъ шла на военные расходы.

Реформы Петра Великаго.

(Къ главѣ XL Учебн. Соловьева).

Ходъ и связь реформъ. При первомъ взглядѣ на преобразовательную дѣятельность Петра она представляется лишенной всякаго плана и послѣдовательности. Постепенно расширяясь, она захватила всѣ части государственнаго строя, коснулась самыхъ различныхъ сторонъ народной жизни. Но ни одна часть не перестраивалась за-разъ, въ одно время и во всемъ своемъ составѣ; къ каждой реформа подступала по нѣскольку разъ, въ разное время касаясь ея по частямъ. Изучая извѣстный рядъ преобразовательныхъ мѣръ, легко видѣть, къ чему онѣ клонились, но трудно догадаться, почему онѣ слѣдовали именно въ такомъ порядкѣ. Видны цѣли реформы, но не всегда уловимъ ея планъ. Чтобы уловить этотъ планъ, надобно изучать реформу въ связи съ ея обстановкой. Самое рѣшительное вліяніе на ходъ реформы оказала война, длившаяся почти все царствованіе Петра, сначала съ Турціей, потомъ со Швеціей, и завершившаяся походомъ на Персію. Война указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые пріемы. Преобра-

зовательныя мѣры Петра слѣдовали одна за другой въ томъ порядкѣ, въ какомъ вызывали ихъ потребности, навязанныя войной. Она поставила на первую очередь преобразованіе военныхъ силъ страны. Военная реформа повлекла за собою два ряда мѣръ, изъ коихъ однѣ направлены были къ поддержанію регулярнаго строя преобразованной арміи и новосозданнаго флота, другія къ обезпеченію ихъ содержанія. Мѣры того и другого рода или измѣняли положеніе и взаимныя отношенія сословій, или усиливали напряженіе и производительность народнаго труда, какъ источника государственнаго дохода. Нововведенія военныя, соціальныя и экономическія требовали отъ управленія такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такія сложныя и непривычныя задачи, какія были ему не подъ силу при его прежнемъ строѣ и составѣ. Потому объ руку съ этими нововведеніями и частію даже впереди ихъ шла постепенная перестройка управленія, всей правительственной машины, какъ необходимое общее условіе успѣшнаго проведенія другихъ реформъ. Другимъ такимъ общимъ условіемъ была подготовка дѣльцовъ и умовъ къ реформѣ. Для успѣшнаго дѣйствія новаго управленія, какъ и другихъ нововведеній, необходимы были исполнители, достаточно подготовленные къ дѣлу, обладающіе нужными для того знаніями, и общество, готовое поддерживать дѣло преобразованія, понимающее его сущность и цѣли. Отсюда усиленныя заботы Петра о распространеніи научнаго знанія, о заведеніи общеобразовательныхъ и профессіональныхъ техническихъ школъ.

Таковъ общій планъ реформы, точнѣе,—ея порядокъ, установленный не напередъ обдуманными предначертаніями Петра, а самымъ ходомъ дѣла, гнетомъ обстоятельствъ. Война была главнымъ движущимъ рычагомъ преобразовательной дѣятельности Петра, военная реформа ея начальнымъ моментомъ, устройство финансовъ ея конечной цѣлью. Военной реформой начиналось дѣло Петра, къ реформѣ финансовой оно направлялось; всѣ отдѣльныя мѣры были либо неизбѣжными слѣдствіями начальнаго дѣла, либо подготовительными средствами къ достиженію конечной цѣли. Самъ Петръ ставилъ свою преобразовательную дѣятельность въ такую связь съ веденной имъ войной. Въ послѣдніе годы жизни, собирая матеріалы о шведской войнѣ, онъ обдумывалъ планъ ея исторіи. Въ оставшихся послѣ него замѣткахъ по этому дѣлу читаемъ: «вписать въ гисторію, что въ сію войну сдѣлано, какихъ когда распорядковъ земскихъ и воинскихъ и духовныхъ, тако жъ строеніе фортецъ, гавановъ, флотовъ корабельнаго и галернаго и мануфактуръ всякихъ». Значитъ, въ гисторію войны предполагалось ввести, какъ дѣла тѣсно съ

нею связанныя, мѣры для устройства не только военныхъ силъ, но и порядка земскаго и церковнаго, для развитія промышленности и торговли. Потому ходъ и внутреннюю связь реформъ Петра можно представить въ такомъ видѣ:

I. *Военная реформа.*

II. *Мѣры для поддержанія регулярнаго строя сухопутной арміи и флота.*

1) Распространеніе воинской повинности посредствомъ рекрутскихъ наборовъ на неслужилые классы (на холоповъ, на людей тяглыхъ, вольныхъ-гулящихъ и церковныхъ).

2) Перемѣны въ положеніи дворянства, направленныя къ поддержанію его служебной годности:

а) отдѣленіе военной службы сословія отъ гражданской (инструкція герольдмейстеру 5 февр. 1722 г.);

б) обязательная учебная подготовка дворянства къ той и другой службѣ (указъ 20 янв. 1714 г.);

в) порядокъ отбыванія обязательной службы сословіемъ (февр. ук. 1714 г. о непроизводствѣ въ офицеры дворянъ, не служившихъ рядовыми въ гвардіи; *табель о рангахъ* 24 янв. 1722 г.).

г) установленіе недѣлимости недвижимыхъ дворянскихъ имѣній (ук. 23 марта 1714 г. о единонаслѣдіи).

III. *Подготовительныя мѣры для увеличенія государственныхъ доходовъ.*

1) Перемѣны въ положеніи городскаго и сельскаго населенія, направленныя къ увеличенію *количества* податнаго труда (числа податныхъ плательщиковъ):

а) отмѣна холопства и состоянія *вольныхъ-гулящихъ* людей посредствомъ распространенія податной повинности на оба эти состоянія указами о ревизіи (ук. 26 ноября 1718 г. о подушной переписи, 19 янв. 1723 г. о распространеніи подушной подати на всѣхъ крѣпостныхъ слугъ);

б) расширеніе крестьянскаго хлѣбопашества подъ вліяніемъ подушной подати.

2) Мѣры для возвышенія *качества* или для усиленія производительности народнаго труда (улучшеніе земледѣлія, скотоводства, лѣсосохраненіе, разработка нетронутыхъ богатствъ страны—фабрики и заводы, устройство сбыта, пути сообщенія).

IV. ***Общія средства обезпеченія успѣшнаго исполненія военныхъ и экономическихъ реформъ.***

1) **Замѣна сословно-бюрократическаго центральнаго управленія бюрократическими учрежденіями въ центрѣ для устройства военныхъ силъ и финансовыхъ средствъ *(Сенатъ, коллегіи).***
2) **Замѣна сословно-бюрократическаго областного управленія сословными учрежденіями, дворянскими и купеческими, для ближайшаго руководства народнымъ хозяйствомъ, землѣдѣльческимъ трудомъ и торгово-промышленнымъ оборотомъ.**
3) **Устройство учебныхъ заведеній (Морская академія, школы артиллерійская и инженерная, медицинская, школа для подъячихъ, школы московскія математическія, латинскія, нѣмецкія, «гиманазія» Глюка, элементарныя провинціальныя школы цифирныя, гарнизонныя; предписаніе магистратамъ въ регламентѣ 1721 г. заводить городскія «малыя школы»).**

V. ***Финансовыя нововведенія.***

1) **Новые прямые и косвенные налоги (до первой ревизіи — сборы гербовой, съ мельницъ, пчельниковъ, съ доходовъ и др.);**
2) **объединеніе прямыхъ подушной податью на содержаніе арміи.**

Военная реформа. Дворянская конница съ походными дворовыми людьми и полки иноземнаго строя, заведенные предшественниками Петра, были имъ преобразованы въ регулярную армію, которая вслѣдствіе продолжительной войны сама собою стала постоянной; къ ней прибавились два гвардейскихъ полка, образовавшіеся изъ потѣшныхъ, *Преображенскій* и *Семеновскій*. Стрѣлецкое войско послѣ мятежа 1698 г. было уничтожено. Прежній способъ комплектованія *приборъ* (вербовка охотниковъ) замѣненъ общимъ рекрутскимъ *наборомъ*, простиравшимся на неслужилые классы общества, не исключая безмѣстныхъ дѣтей духовенства и сверхштатныхъ причетниковъ. Въ этой всесословной арміи дворянство, за исключеніемъ доли, поступавшей на гражданскую службу, получило значеніе офицерскаго запаса. Со введеніемъ полковыхъ штатовъ (19 февр. 1711 г.) помѣстное верстаніе служилыхъ людей замѣнено было штатнымъ денежнымъ жалованьемъ; за особыя заслуги жаловали населенными землями на вотчинномъ правѣ. Въ концѣ царствованія Петра въ регулярныхъ полкахъ числилось до 212 тыс. чел., въ нерегулярномъ войскѣ, состоявшемъ преимущественно изъ казаковъ, до 110 тыс. Притомъ создана была новая вооруженная сила, флотъ (48 линейныхъ кораблей и до 800 галеръ съ 28 тыс. чел. экипажа). Содержаніе всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ стоило 6½ мил. руб.

(около 58 мил. на наши деньги), что составляло болѣе $^2/_3$ всего государственнаго дохода и почти *впятеро* превосходило сумму, какая шла на войско по бюджету 1680 г. (700 тыс. р.—около 12 мил. на наши деньги).

Управленіе. Продолжительная и тяжелая война, веденная Петромъ, и разнообразныя нововведенія, имъ предпринятыя, требовали усиленной дѣятельности управленія, къ какой не были приспособлены старыя правительственныя учрежденія Московскаго государства. Петръ перестраивалъ постепенно эти учрежденія, и къ концу его царствованія управленіе получило совершенно новый складъ. Во главѣ этого управленія вмѣсто Боярской Думы сталъ *Сенатъ*. Боярская Дума имѣла аристократическій составъ, состояла преимущественно изъ людей знатнаго боярскаго происхожденія, занимавшихъ высшія правительственныя должности; притомъ она привыкла дѣйствовать подъ непосредственнымъ руководствомъ и предсѣдательствомъ государя. Петръ рѣдко жилъ въ столицѣ; притомъ главными его сотрудниками были большею частью неродовитые дѣльцы. Поэтому стало необходимо замѣнить Боярскую Думу высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ иного состава, уполномоченнымъ руководить управленіемъ и въ отсутствіе государя. Такимъ руководителемъ долженъ былъ стать Сенатъ, учрежденный передъ походомъ Петра въ Турцію указомъ 22 февраля 1711 года. Въ этомъ указѣ выражено и побужденіе, которымъ вызвано было это учрежденіе: «опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія». Сенатъ, по мысли Петра, долженъ былъ замѣнять государя въ его отсутствіе; поэтому всѣ обязаны были повиноваться указамъ Сената, какъ указамъ самого государя, подъ страхомъ смертной казни за ослушаніе. Сенатъ состоялъ первоначально изъ 9 членовъ, которые рѣшали дѣло единогласно, безъ чего приговоръ Сената не могъ имѣть дѣйствительной силы. Для тайнаго надзора за управленіемъ и особенно за сборомъ и расходованіемъ казенныхъ суммъ учрежденъ былъ многочисленный штатъ *фискаловъ*, распредѣленныхъ по разнымъ вѣдомствамъ и областямъ, во главѣ съ состоявшимъ при Сенатѣ и имъ выбираемымъ оберъ-фискаломъ; фискалы преслѣдовали замѣченныя ими злоупотребленія, донося объ нихъ Сенату и привлекая виновныхъ въ томъ чиновниковъ къ сенатскому суду. Съ тою же цѣлью надзора, преимущественно за судопроизводствомъ, учреждена была при Сенатѣ въ 1722 г. должность *генералъ-рекетмейстера*, который обязанъ былъ принимать жалобы на дѣйствія подчиненныхъ Сенату правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ, о справедливыхъ жалобахъ докладывать Сенату и вообще быть хода-

таемъ за обижаемыхъ. Обширное полномочіе, предоставленное Сенату, какъ высшему правительственному и судебному учрежденію, дѣлало необходимымъ надзоръ и за его собственными дѣйствіями. Органомъ этого надзора должна была стать учрежденная въ томъ же 1722 году должность *генералъ-прокурора*, который былъ блюстителемъ закона и представителемъ верховной власти при Сенатѣ. Безъ его согласія никакое постановленіе Сената не имѣло силы; онъ наблюдалъ за правильностью дѣлопроизводства въ Сенатѣ, управлялъ сенатской канцеляріей и наблюдалъ за дѣйствіями фискаловъ и прокуроровъ при подчиненныхъ Сенату учрежденіяхъ.

Подъ наблюденіемъ и руководствомъ Сената дѣйствовали учрежденія центральныя и областныя. До Петра главныя части государственнаго управленія были распредѣлены между многочисленными приказами. Петръ ввелъ болѣе правильное и сосредоточенное распредѣленіе вѣдомствъ, учредивъ *коллегіи* по образцу существовавшихъ тогда въ Швеціи и въ другихъ странахъ западной Европы. Эти коллегіи устроялись въ 1718 и 1719 гг. Первоначально ихъ было девять: *иностранныхъ дѣлъ*, *воинская*, *адмиралтейская*—вѣдомство флота, *юстицъ-коллегія*, *камеръ-коллегія*—вѣдомство государственныхъ доходовъ, *штатсъ-контора*—вѣдомство государственныхъ расходовъ, *ревизіонъ-коллегія*—вѣдомство финансоваго контроля, *коммерцъ-коллегія*, *мануфактуръ* и *бергъ-коллегія*. Присутствіе каждой коллегіи состояло изъ 11 членовъ, рѣшавшихъ дѣла большинствомъ голосовъ: то были президентъ, вице-президентъ, 4 совѣтника и 4 асессора, къ которымъ съ чиномъ совѣтника или асессора присоединялся одинъ иностранецъ.

Петръ внесъ болѣе сосредоточенности и въ областное управленіе. До него Московское государство дѣлилось на многочисленные и большею частью довольно мелкіе административные округа, называвшіеся *уѣздами*. Еще въ XVII в. чувствовали неудобства такого дробнаго областного дѣленія и думали устранить ихъ образованіемъ военныхъ округовъ, которые впрочемъ не получили надлежащей организаціи. Въ 1708 г. Петръ раздѣлилъ все государство на 8 крупныхъ областей, получившихъ названіе *губерній* и вмѣщавшихъ въ себѣ по нѣскольку нынѣшнихъ губерній. Въ 1719 г. введено было новое областное дѣленіе, въ которое вошли и земли, отвоеванныя у Швеціи. Россія раздѣлена была на 11 губерній, которыя подраздѣлялись на *провинціи*, а провинціи на уѣзды. И въ губерніяхъ введено было коллегіальное управленіе: при губернаторахъ по указу 1713 года учреждены были совѣты *ландратовъ*, выбиравшихся дворянствомъ губерніи, безъ которыхъ губернаторъ ничего

не могъ рѣшать, имѣя значеніе только президента коллегіи ландратовъ. Участіе дворянства въ мѣстномъ управленіи не прекратилось и послѣ отмѣны ландратскихъ совѣтовъ въ 1719 году, а только перенесено было изъ губерніи въ уѣздъ: уѣздное дворянство ежегодно собиралось для выбора изъ своей среды *земскаго комиссара*, который завѣдывалъ сборомъ податей и полицейскими дѣлами въ уѣздѣ.

Управленіе городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ при Петрѣ было выдѣлено изъ вѣдомства общихъ областныхъ управителей, воеводъ и губернаторовъ. Въ 1699 г. городамъ предоставлено было право вѣдаться своими выборными *бурмистрами*, сколько всякій городъ захочетъ ихъ выбрать. Эти бурмистры составляли *ратушу*, въ которой поочередно предсѣдательствовали, вѣдали городскихъ торгово-промышленныхъ обывателей судомъ и расправой и собирали съ нихъ казенныя подати и другіе доходы. Ратуши областныхъ городовъ подчинены были *Бурмистрской палатѣ* или ратушѣ г. Москвы. Къ концу царствованія Петра ратуши преобразованы были въ *магистраты*. Въ 1720 г. Сенату предписано было учредить образцовый магистратъ въ Петербургѣ. Этотъ магистратъ, получившій названіе *Главнаго*, долженъ былъ устроить магистраты въ областныхъ городахъ и руководить ими, какъ прежде московская Бурмистрская палата руководила городскими ратушами. Члены городового магистрата выбирались изъ первостатейныхъ гражданъ города. Вѣдомство магистратовъ было шире сравнительно съ прежними ратушами: магистраты вели городское хозяйство, должны были заботиться о развитіи торговли и промышленности, о благоустройствѣ и благочиніи городовъ и рѣшали не только гражданскія, но и уголовныя дѣла подчиненныхъ имъ городскихъ обывателей.

Указъ о единонаслѣдіи. Обязательная служба, военная и гражданская, которую несло дворянство, осложнилась при Петрѣ закономъ 20 января 1714 года объ обязательномъ школьномъ обученіи дворянъ, которое бы подготовляло ихъ къ этой службѣ. Упроченіе положенія дворянства, какъ землевладѣльческаго сословія, было одною изъ цѣлей указа 23 марта 1714 года о единонаслѣдіи недвижимыхъ имѣній. Въ древней Руси различались два вида служилаго землевладѣнія, *вотчина* и *помѣстье*. Вотчина была наслѣдственною собственностью владѣльца, помѣстье временнымъ и условнымъ владѣніемъ, обыкновенно пожизненнымъ. Но задолго до Петра оба эти вида владѣнія стали сближаться другъ съ другомъ: съ одной стороны, во владѣніе вотчинное проникали черты помѣстнаго, съ другой—помѣстное землевладѣніе усвояло себѣ юридическія особенности вотчиннаго. Юридическое сближеніе обоихъ видовъ и

завершено было указомъ 23 марта. Этотъ указъ устанавливаетъ одинаковый порядокъ наслѣдованія всякихъ недвижимыхъ имѣній, не различая помѣстій и вотчинъ. Недвижимое имѣніе наслѣдуется по завѣщанію или по закону непремѣнно однимъ наслѣдникомъ безъ раздробленія. Владѣлецъ можетъ завѣщать всю свою недвижимость одному изъ сыновей, кому захочетъ, надѣляя всѣхъ остальныхъ дѣтей движимымъ имѣніемъ; если онъ умретъ безъ завѣщанія, все недвижимое имѣніе по закону переходитъ къ одному старшему его сыну. Если у владѣльца нѣтъ сыновей, онъ можетъ завѣщать имѣніе одной изъ своихъ дочерей по своему выбору; въ случаѣ смерти безъ завѣщанія недвижимое имѣніе по закону переходитъ къ старшей дочери. Бездѣтный владѣлецъ можетъ завѣщать недвижимое имѣніе одному изъ своихъ родственниковъ; въ случаѣ смерти безъ завѣщанія недвижимость по закону переходитъ къ ближайшему изъ родственниковъ. Значитъ, указъ 23 марта устанавливалъ не *майоратъ,* т. е. исключительное право наслѣдованія старшаго сына, а *единонаслѣдіе*, т. е. недѣлимость недвижимыхъ имѣній. Въ указѣ выражены и побужденія, его вызвавшія. Онъ запрещалъ дробленіе дворянскихъ имѣній между наслѣдниками, сопровождавшееся упадкомъ служилыхъ дворянскихъ фамилій и ослаблявшее ихъ служебную годность. Съ другой стороны, указъ имѣлъ въ виду, что сыновья, не получившіе недвижимаго имѣнія, «принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами» или другой какой-либо полезной дѣятельностью.

Подушная подать. Расходы на войну и на реформы, особенно военныя, росли такъ быстро, что текущихъ средствъ казны не доставало на ихъ покрытіе. Въ началѣ 1710 г. сосчитали, что ежегодный средній доходъ за послѣдніе годы простирался до 3.100,000 руб., а расходъ до 3.800,000 р.; на армію и флотъ шло до 3 милліоновъ рублей (тогдашній рубль равнялся приблизительно 9 нынѣшнимъ). Для устраненія дефицита, равнявшагося почти четверти дохода, Петръ возвышалъ прежніе налоги и вводилъ новые, вообще изыскивалъ всякія средства поддержать равновѣсіе въ бюджетѣ. Онъ искалъ и возвышалъ людей, способныхъ указать ему новые источники дохода, учинить казнѣ прибыль. Такіе люди назывались *прибыльщиками*. Званіе прибыльщика было при Петрѣ особой финансовой должностью, которая, по выраженію одного указа, состояла въ томъ, чтобы «сидѣть и чинить государю прибыли». Большею частью прибыльщики были дворовые люди московскихъ бояръ; нѣкоторымъ изъ нихъ Петръ за способности и заслуги давалъ важныя должности по управленію. Самымъ дѣятельнымъ и способнымъ изъ нихъ былъ Курбатовъ, дворовый человѣкъ боярина Бор.

Петр. Шереметева, предложившій Петру проектъ о гербовой бумагѣ, которая, какъ важный источникъ государственнаго дохода, и была введена въ 1699 г. Впослѣдствіи Курбатовъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ Архангельской губерніи. Другой прибыльщикъ Ершовъ былъ московскимъ вице-губернаторомъ. Къ концу царствованія Петра прежніе прямые налоги, распредѣлявшіеся по тяглымъ дворамъ, замѣнены были *подушной* податью. Для этого въ 1718 году предписано было произвести перепись подлежавшаго подати населенія. Эта перепись (первая *ревизія*) распространена была не только на сельскихъ и городскихъ обывателей, уже числившихся въ тяглѣ, но и на классы, прежде свободные отъ государственныхъ повинностей, на вольныхъ или гулящихъ людей и на холоповъ; послѣдніе такимъ образомъ юридически слились въ одинъ классъ съ крѣпостными крестьянами, отъ которыхъ они прежде отличались тѣмъ, что состоя въ крѣпостной зависимости, не платили государственныхъ податей. На всѣ лица, подлежавшія подати, которыхъ насчитано было немного менѣе 5,800,000, положенъ былъ въ 1724 году безъ различія возраста подушный окладъ въ 74 коп. Податныя души, не состоявшія въ крѣпостной зависимости, обложены были еще дополнительнымъ сборомъ въ 40 к. для уравненія ихъ съ крѣпостными, которыя сверхъ подушной подати платили оброкъ своимъ владѣльцамъ или работали на нихъ; городскіе тяглые обыватели платили всего по 120 коп. съ души. Подушная подать, которая была выше прежней подворной и падала на множество лицъ, прежде свободныхъ отъ податей, значительно увеличила государственные доходы, которыхъ въ 1725 году считалось уже около 9 мил. рублей.

Промышленность и торговля. (Учебн. Соловьева, XL, 11). Чтобы устранить дефицитъ и дать народу возможность вынести тяжесть новыхъ налоговъ, Петръ старался поднять производительность народнаго труда. Не было ни одной значительной отрасли народнаго хозяйства, въ которую онъ не ввелъ бы какихъ-либо улучшеній. Но болѣе всего заботился онъ о развитіи промышленности фабричной и заводской. Въ своей экономической политикѣ Петръ руководился двумя соображеніями: 1) Россія не уступаетъ другимъ странамъ, даже превосходитъ ихъ обиліемъ разныхъ природныхъ богатствъ, остававшихся доселѣ нетронутыми, и 2) разработку этихъ богатствъ должно вести само государство принудительными мѣрами. Онъ вызывалъ иностранныхъ мастеровъ и фабрикантовъ, предписывалъ своимъ капиталистамъ соединяться въ компаніи для торгово-промышленныхъ предпріятій, давалъ имъ льготы и субсидіи, строилъ на казенный счетъ фабрики и заводы и потомъ сдавалъ ихъ на льгот-

ныхъ условіяхъ способнымъ и знающимъ дѣло промышленникамъ. Изъ всѣхъ отраслей обрабатывающей промышленности Петръ особенно заботился объ успѣхахъ горнозаводскаго производства, которое нужно было ему для вооруженія арміи и флота, и оно достигло при немъ значительныхъ размѣровъ. Въ Тульскомъ краю, гдѣ желѣзное дѣло основано было еще въ царствованіе Алексѣя, при Петрѣ оно расширилось: построены были желѣзные заводы казенный и частные мастерами Баташевымъ и Никитою Демидовымъ, а потомъ въ г. Тулѣ возникъ казенный оружейный заводъ, снабжавшій оружіемъ всю армію. Въ Олонецкомъ краю на берегу Онежскаго озера въ 1703 году построенъ былъ чугунноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, послужившій основаніемъ г. Петрозаводска. Вслѣдъ затѣмъ возникло нѣсколько желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, казенныхъ и частныхъ, въ Повѣнцѣ и другихъ мѣстахъ края. Особенно широкое развитіе получило горное дѣло на Уралѣ (въ нынѣшней Пермской губерніи). Здѣсь въ Верхотурскомъ уѣздѣ еще съ 1699 года начали строиться казенные желѣзные заводы, которые потомъ отданы были во владѣніе тульскому заводчику Н. Демидову. Вслѣдъ за казенными возникало здѣсь много частныхъ заводовъ; тѣ и другіе образовали обширный горнозаводскій округъ, управленіе которымъ сосредоточено было въ Екатеринбургѣ, городѣ, построенномъ въ 1723 году на рѣкѣ Исети управителемъ уральскихъ заводовъ генераломъ Геннинымъ и названномъ въ честь императрицы Екатерины I. Къ заводамъ для работъ и для охраны отъ враждебныхъ инородцевъ, башкировъ и киргизовъ, приписано было до 25 тыс. душъ крестьянъ. Къ концу царствованія Петра въ Екатеринбургскомъ округѣ находилось 9 казенныхъ и 12 частныхъ заводовъ, а всѣхъ фабрикъ и заводовъ числилось въ Россіи 233.

Для поддержанія промышленности и увеличенія доходовъ казны Петръ заботился объ усиленіи внѣшней торговли. Онъ придавалъ очень большое значеніе этой отрасли народнаго хозяйства. Здѣсь прежде всего ему пришлось измѣнить самое направленіе торговыхъ сношеній съ западной Европой, которыя шли Бѣлымъ моремъ черезъ Архангельскъ, единственную морскую гавань у Московскаго государства до Петра. По основаніи Петербурга, по мѣрѣ того какъ Петръ утверждался на балтійскихъ берегахъ, онъ хотѣлъ перевести внѣшнюю торговлю съ кружнаго бѣломорскаго пути на балтійскій, направивъ ее къ новой столицѣ. Не смотря на затрудненія, съ какими соединена была эта перемѣна, Петръ сдѣлалъ Петербургъ главнымъ портомъ для внѣшней торговли, и уже въ 1722 году число пришедшихъ сюда иностранныхъ ко-

раблей дошло до 116, а въ 1724 году оно увеличилось до 240. Кромѣ того у Петра было еще шесть другихъ балтійскихъ портовъ (Кронштадтъ, Выборгъ, Нарва, Ревель, Перновъ и Рига), по которымъ вмѣстѣ съ петербургскимъ въ 1724 году числилось въ приходѣ 1700 купеческихъ кораблей изъ разныхъ странъ западной Европы.

Однимъ изъ главныхъ препятствій, мѣшавшихъ успѣхамъ внѣшней торговли, былъ недостатокъ удобныхъ внутреннихъ путей сообщенія. Заботясь объ устройствѣ сухопутныхъ дорогъ, Петръ обдумывалъ сложный планъ искусственныхъ водныхъ сообщеній. Вскорѣ по завоеваніи Азова, когда онъ намѣревался направить торговое движеніе къ азовскимъ портамъ, начаты были работы по устройству канала, который долженъ былъ соединить Волгу съ Дономъ посредствомъ ихъ притоковъ Камышинки и Иловли. Но когда съ началомъ Сѣверной войны все вниманіе Петра обратилось къ Балтійскому морю, это предпріятіе, занимавшее до 15 тыс. работниковъ, было брошено. Съ основаніемъ Петербурга естественно возникла мысль связать новую столицу и ея портъ воднымъ путемъ съ внутренними областями и вскорѣ Петръ приступилъ къ устройству Вышневолоцкой судоходной системы, прорывъ каналъ, связавшій притокъ Волги Тверцу съ р. Цной, которая, образуя своимъ расширеніемъ озеро Мстино, выходитъ изъ него подъ названіемъ Мсты и впадаетъ въ Ильмень. Движеніе судовъ по этому водному пути, установившему сообщеніе Волги съ Невой, затруднялось бурнымъ Ладожскимъ озеромъ, причинявшимъ судоходству большія потери. Для избѣжанія ихъ Петръ въ 1718 году задумалъ провести обводный Ладожскій каналъ, которымъ суда проходили бы прямо изъ Волхова въ Неву, минуя Ладожское озеро. Работы по устройству этого канала, которыми руководилъ Минихъ, были окончены уже по смерти Петра, въ 1728 году. Петръ задумывалъ соединить Волгу съ Невой еще другимъ воднымъ путемъ, перекопавъ волокъ (водораздѣлъ) между рѣками Вытегрой, притокомъ Онежскаго озера, и Ковжей, впадающей въ Бѣлоозеро, также началъ еще въ 1701 году работы по устройству воднаго сообщенія Дона съ Окой черезъ притокъ послѣдней Упу, дѣлалъ разысканія съ цѣлью соединенія Бѣлаго моря съ Каспійскимъ; но эти замыслы, входившіе въ составъ обширнаго плана искусственныхъ водныхъ сообщеній, не были осуществлены, начатыя работы оставлены недоконченными.

Финансы. Увеличеніе государственнаго дохода въ продолженіе 15 лѣтъ почти втрое (съ 3,100,000 до 9 милл.) возстановило равновѣсіе въ бюджетѣ Петра. Подушная подать, доставлявшая казнѣ бо́льшую половину дохода (4,656,000 въ 1725 г.). дала прямымъ налогамъ значи-

тельный перевѣсъ въ составѣ бюджета надъ остальными источниками дохода. Вся сумма подушной подати шла на содержаніе сухопутной арміи съ артиллеріей; флотъ содержался на таможенные и питейные сборы. Съ 1680 по 1725 г. доходы казны, въ переводѣ на наши деньги, возрасли съ 25 до 81 милл. руб. Главныя средства, сдѣлавшія народный трудъ способнымъ вынести такой ростъ казенныхъ требованій, состояли въ расширеніи и улучшеніи прежнихъ производствъ и во введеніи новыхъ, направившихъ массу мало или непроизводительно занятыхъ рабочихъ рукъ на разработку нетронутыхъ богатствъ страны. Для обезпеченія этого дѣла Петръ, какъ писалъ онъ въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ (1702 г.), особенно заботился о распространеніи среди своихъ подданныхъ «по нынѣ имъ неизвѣстныхъ познаній», которыя сдѣлали бы ихъ болѣе искусными во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ. Въ развитіи торговой и промышленной техники онъ видѣлъ главное превосходство Запада, то, чему Россіи еще долго придется у него учиться, и въ экономическихъ успѣхахъ, достигнутыхъ усвоеніемъ этой техники, надобно видѣть одну изъ величайшихъ заслугъ Преобразователя.

Обзоръ главнѣйшихъ явленій русской исторіи со смерти Петра Великаго.

Со смерти Петра В. во внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи обнаруживается рядъ новыхъ явленій, которыя были прямыми или косвенными слѣдствіями дѣятельности Преобразователя и значительно измѣнили границы и международное положеніе имперіи, устройство ея управленія и составъ русскаго общества.

Внѣшняя политика. Сосредоточивъ все свое вниманіе на балтійскихъ берегахъ и воюя съ Швеціей въ союзѣ съ Польшей, Петръ Великій, особенно послѣ турецкаго похода 1711 г., покинулъ мысль о Черномъ морѣ, о восточномъ вопросѣ, какъ и о возсоединеніи западной Россіи. Но въ слѣдующія царствованія эти старые, давно наболѣвшіе вопросы русской политики сами собою стали на очередь. Преобразованная Россія заняла видное мѣсто среди европейскихъ державъ, а ея южнымъ границамъ по-прежнему угрожали крымскіе варвары и ихъ набѣги уже въ царствованіе Анны вызвали побѣдоносную, но тяжелую, страшно дорого стоившую войну съ Турціей, кончившуюся безплоднымъ Бѣлградскимъ миромъ (1739 г.). Со времени Андрусовскаго перемирія (1667 г.)

Россія жила въ мирѣ и даже союзѣ съ Польшей. Но эта непривычная дружба двухъ такъ долго враждовавшихъ сосѣдей только ухудшила положеніе православныхъ въ Польшѣ (Учебн. Соловьева, гл. XLVIII, § 3) и ослабляла, грозила даже порвать тѣ національныя и церковныя связи западной Руси съ Россіей, въ которыхъ для послѣдней заключалось самое надежное средство завершить свое національно-политическое объединеніе возвратомъ западно-русскихъ областей. Екатерина II смѣло приступила къ рѣшенію обоихъ этихъ вопросовъ, восточнаго и западно-русскаго. Правда, оба дѣла пошли при ней не вполнѣ тѣмъ прямымъ путемъ, какой указывали исторически выяснившіеся интересы Россіи, и пошли не такъ легко, какъ надѣялась повести ихъ Екатерина. Двѣ побѣдоносныя, но тяжелыя войны съ Турціей, предпринятыя съ мечтательными планами освобожденія христіанъ Балканскаго полуострова и возстановленія Греческой имперіи на развалинахъ Турецкой, дали Россіи Крымскій полуостровъ съ Очаковомъ. Вопросъ о возсоединеніи западной Руси съ Россіей разрѣшился уничтоженіемъ Рѣчи Посполитой, при чемъ коренная Польша, страна славянская, даже съ чисто русской областью Галиціей отдана была двумъ нѣмецкимъ державамъ. Такой ходъ дѣлъ вынужденъ былъ необходимостью разрѣшать оба вопроса, турецкій и польскій, одновременно и совмѣстно, а не раздѣльно и поочередно, и допустить участіе въ ихъ разрѣшеніи двухъ стороннихъ державъ, при чемъ еще колебались между союзомъ съ Австріей и съ Пруссіей, державами, соперничавшими другъ съ другомъ, но одинаково непріязненными Россіи и славянству. При всемъ томъ и достигнутые успѣхи были весьма велики: отъ Польши пріобрѣтено было болѣе 6 мил. большею частью коренного русскаго населенія; южнорусскія степи открыты были русскому труду и европейско-христіанской культурѣ; территоріальное расширеніе Россіи земельными пріобрѣтеніями Екатерины II настолько подвинуто было къ своей цѣли, что оставалось только присоединить Финляндію (по миру въ Фридрихсгамѣ 1809 г.) и Бессарабію (по договору въ Бухарестѣ 1812 г.) для того, чтобы Европейская Россія стала въ свои естественныя географическія границы; Русская имперія собрала почти всѣ части Русской земли (за исключеніемъ Галиціи) и закрѣпила за собою мѣсто въ семьѣ великихъ европейскихъ державъ. Намѣчены были пути и средства дальнѣйшаго рѣшенія восточнаго вопроса: по договору 1774 г. въ Кучукъ-Кайнарджи русскимъ торговымъ судамъ открывалось свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное, а русскимъ резидентамъ въ Константинополѣ дано право

ходатайствовать передъ Портой по дѣламъ Молдавіи; по присоединеніи Крыма возникъ черноморскій военный флотъ въ Севастополѣ.

Съ завершеніемъ территоріальнаго и національнаго объединенія Европейской Россіи внѣшняя политика ея приступаетъ къ рѣшенію другихъ задачъ, раньше поставленныхъ или вновь ставшихъ на очередь. Эти задачи прямо или косвенно связаны со старымъ *восточнымъ вопросомъ*, который съ начала XIX в. и становится основнымъ регуляторомъ внѣшней политики Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе его расширяется: изъ мѣстнаго вопроса объ освобожденіи балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига онъ превращается въ общій вопросъ о прочной установкѣ отношеній Россіи къ азіатскимъ населеніямъ, согласныхъ съ требованіями европейско-христіанской цивилизаціи, и распространяется съ Балканскаго полуострова на Закавказье, среднюю и восточную Азію, вызывая столкновенія Россіи съ Турціей, Персіей, съ владѣльцами Туркестана и съ Китаемъ. Но ходъ этого вопроса затруднялся интересами, съ разныхъ сторонъ въ него вплетавшимися, заботами западныхъ державъ о поддержаніи политическаго равновѣсія въ Европѣ, разсчетами ихъ восточной торговли, опасеніями Австріи за спокойствіе своихъ Славянъ, опасеніями Англіи за свое вліяніе въ Азіи и т. п. Затрудненіе усиливалось еще колебаніями русской политики въ выборѣ способа рѣшенія труднаго вопроса: она то добивалась лишь нѣкотораго улучшенія въ положеніи христіанъ подъ турецкимъ игомъ, то склонялась къ международному раздѣлу Турціи между Россіей, Австріей, Франціей, Англіей, даже Испаніей, то—подъ вліяніемъ консервативно-легитимистскихъ началъ Священнаго союза и въ ущербъ значенію Россіи на Востокѣ—предоставляла возставшихъ Грековъ ихъ собственнымъ силамъ (на конгрессѣ въ Веронѣ 1822 г.), то, наконецъ, требовала независимаго внутренняго управленія для христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Императоръ Николай I, свободный отъ обязательствъ Священнаго союза, предпочелъ этотъ послѣдній планъ дѣйствій и тѣмъ далъ восточному вопросу постановку, болѣе согласную съ интересами Россіи и съ преданіями русской политики. Такъ какъ быстрое распаденіе Турціи на ея составныя части грозило общей анархіей на Востокѣ, то въ основаніе восточной политики Россіи положено было правило содѣйствовать освобожденію христіанскихъ народностей Турціи по мѣрѣ ихъ національно-политическаго пробужденія, предоставляя имъ независимое внутреннее управленіе, но оставляя ихъ до поры до времени подъ верховною властью султана, чтобы не доводить Турцію до одновременнаго полнаго разложенія, и только обезпечивая такое переходное положеніе освобождаемыхъ русскимъ покровительствомъ.

Такимъ образомъ давно и исторически-естественно возникшее стремленіе Россіи поддерживать угнетаемыя иновѣрцами единовѣрныя и частью единоплеменныя населенія Востока рядомъ войнъ Россіи съ Турками превратилось въ признанное договорами международное *право* ея покровительствовать всѣмъ восточнымъ христіанамъ. Завоевывая и укрѣпляя за собой это право, Россія отторгала отъ Турецкой имперіи одну за другой ея составныя части въ порядкѣ ихъ географической близости или ихъ политическаго пробужденія и однѣ изъ нихъ включала въ составъ своей территоріи, а другія призывала къ самостоятельному политическому бытію подъ властью собственныхъ государей и подъ покровительствомъ Россіи, но съ платой ежегодной дани султану въ знакъ его верховной власти (признаніе независимости крымскихъ Татаръ отъ Турціи по договору 1774 г., присоединеніе Бессарабіи въ 1812 г., освобожденіе Молдавіи, Валахіи и Сербіи по договорамъ Бухарестскому 1812 г., Аккерманскому 1826 г. и Адріанопольскому 1829 г.). На такихъ же условіяхъ первоначально предполагалось освободить и Грековъ, возставшихъ въ 1821 г. (Лондонскій договоръ Россіи, Англіи и Франціи 24 іюня 1827 г.). Но послѣ Адріанопольскаго мира державы-покровительницы предпочли образовать изъ нихъ вполнѣ независимое отъ Турціи королевство (Лондонскій протоколъ 3 февраля 1830 г.). Въ тоже время и та же необходимость защиты христіанъ отъ Турокъ и Персовъ увлекала Россію въ Закавказье, прежде чѣмъ покорено было иновѣрное населеніе горнаго Кавказа. Россія принимала тамъ подъ свое покровительство, а потомъ и подъ свою власть христіанскія владѣнія и покоряла магометанскія. Въ 1783 г. грузинскій царь Ираклій, не имѣя силъ бороться съ Персіей, отдался подъ покровительство Россіи, а его преемникъ Георгій XIII завѣщалъ Грузію русскому императору и въ 1801 г. она была присоединена къ Россіи. Слѣдуя примѣру Грузіи, признали надъ собой владычество Россіи Имеретія (г. Кутаисъ), Мингрелія и Гурія (по р. Ріону—въ 1804 и 1810 г.). Для огражденія этихъ закавказскихъ пріобрѣтеній Россіи пришлось рядомъ войнъ отторгать отъ Персіи и Турціи смежныя магометанскія области (присоединеніе приморской части Дагестана съ Дербентомъ въ 1795 г., персидскихъ ханствъ Ширванскаго, Карабахскаго, Эриванскаго, Нахичеванскаго и др. по трактатамъ Гюлистанскому 1813 г. и Туркманчайскому 1828 г., восточнаго берега Чернаго моря и части турецкой Грузіи съ г. Ахалцыхомъ по Адріанопольскому договору 1829 г.).

Ослабленная русскими побѣдами Турція перестала считаться тяжелой помѣхой политическому возрожденію восточныхъ христіанъ, а по сла-

бости своей казалась удобной сосѣдкой. Потому, когда побѣдоносное возстаніе паши египетскаго Мегмета-Али, турецкаго вассала, въ 1831 г. стало грозить основаніемъ новаго и сильнаго магометанскаго государства на развалинахъ Турецкой имперіи, Россія по просьбѣ султана послала ему помощь войскомъ и флотомъ и спасла Турцію отъ разгрома. Въ отплату за свое спасеніе султанъ по договору въ Ункіаръ-Скелесси (8 мая 1833 г.) предоставилъ русскимъ военнымъ судамъ свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы; для военныхъ флотовъ другихъ державъ эти проливы оставались закрыты. Россія пріобрѣла преобладающее вліяніе въ Константинополѣ и укрѣпила за собою право покровительства восточныхъ христіанъ. Такое преобладаніе казалось западнымъ державамъ грозной опасностью для политическаго равновѣсія Европы и онѣ старались ослабить его своимъ вмѣшательствомъ въ восточныя дѣла. Имп. Николай поддержалъ султана и во второе еще болѣе опасное возстаніе египетскаго намѣстника (въ 1839 г.), но принужденъ былъ раздѣлить это дѣло съ Англіей, Австріей и Пруссіей. Лондонскій договоръ четырехъ державъ (1840 г.) заставилъ мятежнаго пашу покориться султану. Въ оба раза русская поддержка Турціи имѣла цѣлью помѣшать политическому возрожденію магометанства, замѣнѣ падавшаго османскаго господства на Востокѣ арабско-египетскимъ, которое могло сообщить магометанству новую политическую силу и затруднить освобожденіе восточныхъ христіанъ отъ магометанскаго ига. Такъ установилась политика Россіи въ восточномъ вопросѣ: не допуская ни раздѣла Турціи между европейскими державами, ни политическаго усиленія магометанства посредствомъ внутренняго переворота, она, пользуясь исключительнымъ правомъ покровительства восточныхъ христіанъ, содѣйствовала освобожденію покровительствуемыхъ отъ турецкаго ига, но оставляла до времени освобождаемыхъ въ вассальной зависимости отъ султана. Западная дипломатія ставила другія цѣли своей восточной политикѣ, признавая необходимымъ для охраны цѣлости Турціи уничтожить это исключительное право Россіи и противодѣйствовать освобожденію покровительствуемыхъ ею христіанъ. Эта политика при новомъ столкновеніи Россіи съ Турціей изъ-за святыхъ мѣстъ въ 1853 г. и привела къ союзу западныхъ державъ съ Турціей противъ Россіи.

Исходъ этой новой коалиціонной восточной войны (1853—1856 г.) произвелъ крутой поворотъ въ постановкѣ восточнаго вопроса. Россія лишилась одной изъ главныхъ опоръ своего вліянія на Востокѣ: превосходный черноморскій флотъ ея погибъ, затопленный въ Севастопольской бухтѣ самими русскими, а по условіямъ Парижскаго мира (18 марта

1856 г.) Россія обязалась не заводить новаго и не строить никакихъ военно-морскихъ сооруженій по черноморскимъ берегамъ. Черное море было нейтрализовано, открыто для торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Восточные христіане были поставлены подъ общее покровительство великихъ державъ Европы и сама Турція, существованіе которой было формально признано необходимымъ для поддержанія европейскаго равновѣсія, была принята въ систему европейскихъ державъ, т. е. стала подъ опеку своихъ покровительницъ. Такъ восточный вопросъ въ предѣлахъ Европы изъ русско-турецкаго превратился въ международный, обще-европейскій, и въ этой новой фазѣ своего развитія получилъ новую постановку и новый характеръ.

Совмѣстный протекторатъ великихъ державъ не умиротворилъ Востока, не примирилъ турецкихъ христіанъ съ магометанами, хотя Парижскій трактатъ обязалъ Порту уравнять въ правахъ первыхъ съ послѣдними. Виды западно-европейской дипломатіи на возрожденіе Турціи посредствомъ реформъ и на удержаніе христіанскихъ народностей подъ ея властью сокрушились о косность и религіозный фанатизмъ Турокъ и о неудержимое стремленіе христіанъ къ свободѣ. Разложеніе Турціи пошло еще быстрѣе прежняго. Вассальныя дунайскія княжества Молдавія и Валахія соединились противъ воли турецкаго правительства въ одно государство *Румынію*, избравъ своимъ общимъ господаремъ молдавскаго дворянина Ал. Кузу (1859 г.), а по изгнаніи его принца Карла Гогенцоллерна (1866 г.). Вассальная Сербія, руководимая преданной Россіи національной партіей младосербовъ (вожди ея Вучичъ и Гарашанинъ), возстановила династію Ѳбреновичей и добилась очищенія своихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ, чѣмъ почти была упразднена власть султана надъ Сербіей (1867 г.). Греки на о. Критѣ поднялись противъ Турціи (1866 г.), желая присоединиться къ Греческому королевству, ихъ поддерживавшему. Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, поддержанное сербскими и черногорскими добровольцами (1875 г.) и сильно отозвавшееся въ другихъ частяхъ Балканскаго полуострова, особенно въ Болгаріи, повело къ войнѣ Сербіи и Черногоріи съ Турціей, а потомъ къ новой русско-турецкой войнѣ, окончившейся Санъ-Стефанскимъ договоромъ (19 февраля 1878 г.). Западныя державы, особенно Англія и Австрія, охраняя Турцію, противодѣйствовали, сколько могли, этимъ движеніямъ среди восточныхъ христіанъ, и это противодѣйствіе особенно явственно обнаружилось на Берлинскомъ конгрессѣ (іюнь 1878 г.), на которомъ по настоянію тѣхъ же двухъ державъ подвергнуты были пересмотру условія Санъ-Стефанскаго договора. По этому договору Россія получала

отъ Турціи сверхъ денежнаго вознагражденія клочокъ Бессарабіи (на сѣверъ отъ Дуная), отторгнутый отъ нея по Парижскому трактату 1856 г., и часть Арменіи съ крѣпостью Карсомъ и портомъ Батумомъ на Черномъ морѣ, признавалась полная независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи съ расширеніемъ ихъ границъ, Болгарія въ предѣлахъ от Дуная до Эгейскаго моря становилась княжествомъ съ независимымъ національнымъ управленіемъ подъ главенствомъ султана и съ платежомъ ему дани, Боснія и Герцеговина также получали автономное внутреннее управленіе. Берлинскій конгрессъ ограничилъ Болгарское княжество сѣверной Болгаріей до Балканъ, оставивъ южную *(Восточную Румелію)* подъ непосредственной властью султана и подъ управленіемъ назначаемаго имъ съ согласія европейскихъ державъ христіанскаго губернатора, т. е. сдѣлалъ необходимымъ новый переворотъ для возсоединенія разорванныхъ половинъ страны (1885 г.) съ новыми волненіями на полуостровѣ, а Боснію и Герцеговину отдалъ въ управленіе Австро-Венгріи, армія которой при занятіи этихъ провинцій встрѣтила упорное сопротивленіе. Англія, своей безполезной поддержкой Турціи продлившая послѣднюю войну и тѣмъ увеличившая число ея жертвъ, въ вознагражденіе за то независимо отъ Берлинскаго конгресса и даже неожиданно для него особымъ договоромъ съ Турціей отняла у нея о. Кипръ (іюнь 1878 г.).

Улаживая такимъ образомъ восточныя дѣла, европейская дипломатія урѣзывала территорію Турціи, стѣсняла предѣлы власти ея султана, предписывала ей обязательныя реформы, диктовала правила и назначала международныя наблюдательныя и вспомогательныя комиссіи для внутренняго устройства ея областей, указывала ей условія ея дальнѣйшаго существованія, сдерживала угрожавшія ей движенія восточныхъ христіанъ,—словомъ, поступала съ ней, какъ съ существомъ несовершеннолѣтнимъ, безпомощнымъ и неправоспособнымъ. Такъ со времени принятія Турціи въ концертъ европейскихъ державъ совмѣстный протекторатъ ихъ надъ восточными христіанами для защиты ихъ отъ Турціи превратился на дѣлѣ въ совмѣстную опеку надъ Турціей для защиты ея отъ восточныхъ христіанъ.

Сбитая Парижскимъ трактатомъ 1856 г. со своего стараго пути, восточная политика Россіи обратилась на новыя поприща, указанныя ея интересами или необходимостью. Вслѣдъ за окончаніемъ восточной (крымской) войны покорены были воинственныя горныя племена Кавказа, сначала восточнаго (1859 г.), потомъ западнаго (1864 г.), чѣмъ окончательно упрочена была безопасность закавказскихъ владѣній. Враждебное отношеніе средне-азіатскихъ ханствъ Коканскаго, Бухарскаго и Хивин-

скаго, разбойничьи набѣги туркменъ, грабежи русскихъ торговыхъ каравановъ побудили предпринять рядъ походовъ въ Туркестанъ, сопровождавшихся завоеваніемъ Ташкента (ген. Черняевымъ въ 1865 г.) и потомъ присоединеніемъ всего Коканскаго ханства (1876 г.), взятіемъ Самарканда у Бухарскаго эмира (1868 г.), покореніемъ Хивы (ген. Кауфманомъ въ 1873 г.) и туркменскаго племени текинцевъ (ген. Скобелевымъ въ 1881 г.). Съ добровольнымъ вступленіемъ Мерва въ русское подданство (1884 г.) средне-азіатскія владѣнія Россіи распространились до Афганистана, раздѣльной полосы между ними и англійской Индіей. Въ то же время Россія утверждалась и на дальнемъ Востокѣ, на берегахъ Тихаго океана. Еще въ XVII в. сибирскіе казаки проникли въ область р. Амура и мужественно отстаивали построенную на ней противъ китайцевъ крѣпость Албазинъ. Но правительство царевны Софіи по недостатку свѣдѣній о краѣ уступило китайцамъ оба берега Амура (по Нерчинскому договору 1689 г.). Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ (по Айгунскому договору 1858 г.) укрѣпилъ за Россіей лѣвый берегъ Амура *(Амурская область)*, къ которому вскорѣ присоединился Уссурійскій край до границъ Кореи съ правымъ берегомъ Амура ниже впаденія въ него р. Уссури (*Приморская область*), и тамъ быстро стали возникать русскія поселенія (Благовѣщенскъ, Хабаровскъ, Николаевскъ, Владивостокъ; въ обѣихъ областяхъ 65 тыс. жителей въ 1870 г., 164 тыс. въ 1885 г., 250 т. въ 1897 г.).

Управленіе. Преобразуя старое московское управленіе, Петръ Великій вводилъ въ центральныя и областныя учрежденія коллегіальный порядокъ дѣлопроизводства, точнѣе разграничивалъ вѣдомства, отдѣливъ судъ отъ администраціи учрежденіемъ независимыхъ отъ губернаторовъ *надворныхъ судовъ*, далъ городскому торгово - промышленному населенію выборное, независимое отъ губернаторовъ и воеводъ управленіе въ *ратушахъ*, а потомъ въ *магистратахъ*. Послѣ Петра созданное имъ областное управленіе нашли слишкомъ сложнымъ и тяжелымъ и начали упрощать его: губернаторамъ и воеводамъ возвращена была судебная власть и городовые магистраты были подчинены имъ, а Главный магистратъ совсѣмъ упраздненъ. За то центральное управленіе при Екатеринѣ I осложнилось новымъ учрежденіемъ, ставшимъ выше Сената, *Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ* изъ важнѣйшихъ сановниковъ (8 февр. 1726 г.). Сенатъ, какъ высшій надзиратель и руководитель управленія, дѣйствовалъ въ предѣлахъ существующаго закона, принимая мѣры для его исполненія. Совѣту вмѣстѣ съ законодательной инициативой предоставлено было обсужденіе проектовъ законовъ, и никакое дѣло законодательнаго характера

не могло быть рѣшено помимо его, по особому докладу императрицѣ. Практика и случайныя распоряженія безъ общаго плана значительно измѣнили по частямъ учрежденія Петра Великаго, мало улучшивъ ихъ, и Екатерина II въ началѣ царствованія жаловалась, что всѣ правительственныя мѣста и самый Сенатъ выступили изъ своихъ основаній.

Ни историческій складъ русскаго государства, ни собственные политическіе виды не располагали Екатерину II къ коренной перестройкѣ высшаго центральнаго управленія въ духѣ усвоенныхъ ею либеральныхъ ученій тогдашнихъ французскихъ публицистовъ; но она хотѣла дать этимъ теоріямъ возможно широкое примѣненіе въ мѣстномъ управленіи. Утвержденныя ею 7 ноября 1775 г. губернскія учрежденія *) съ небольшими измѣненіями дѣйствовали до земской и судебной реформы 1864 года, а нѣкоторыя дѣйствуютъ доселѣ. Главныя начала положенія 7 ноября: коллегіальный порядокъ веденія дѣлъ, послѣдовательно проведенное раздѣленіе вѣдомствъ административнаго и судебнаго съ отдѣленіемъ суда гражданскаго отъ уголовнаго, сословный составъ суда въ низшей и средней инстанціи, *совмѣстное* участіе трехъ сословій въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, именно въ *Совѣстномъ судѣ* и *Приказѣ общественнаго призрѣнія*, гдѣ присутствовали выборные засѣдатели отъ дворянства, отъ купечества и мѣщанъ, отъ однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Это участіе имѣетъ особенно важное значеніе: оно было робкимъ приступомъ къ возстановленію въ управленіи и судѣ совмѣстной дѣятельности сословій, еще въ XVII в. разобщившихся сословными правами и обязанностями, какъ и сословнымъ управленіемъ. Недостатками учрежденій 1775 г. можно признать излишнюю сложность и дороговизну управленія и особенно суда, а также одностороннее основаніе новаго областного дѣленія: Россія была разрѣзана на 50 губерній взамѣнъ прежнихъ 20, съ населеніемъ отъ 300 до 400 тыс. жителей въ каждой, съ подраздѣленіемъ на уѣзды въ 20—30 тыс., безъ всякаго вниманія къ пространству и къ прежнему историческому дѣленію страны, къ мѣстнымъ бытовымъ связямъ и особенностямъ населенія. Къ числу недостатковъ тѣхъ же учрежденій можно отнести и ихъ практику, не оправдавшую ни положенныхъ въ ихъ основаніе началъ, ни возлагавшихся на нихъ ожиданій. Впрочемъ вина этого лежитъ не столько на законодательствѣ, сколько на обществѣ, въ которомъ трудно было найти достаточно людей, годныхъ къ дѣятельности въ новыхъ учрежденіяхъ и которое, будучи призвано къ участію въ мѣстномъ управленіи, не пока-

---

*) Перечень административныхъ и судебныхъ мѣстъ, установленныхъ *Учрежденіемъ для управленія губерній* 1775 года, см. въ Учебн. Соловьева гл. XLIX, § 4.

зало, по свидѣтельству современныхъ наблюдателей, ни должнаго вниманія къ этому призыву, ни надлежащаго пониманія своихъ интересовъ.

Новое образованіе центральнаго управленія было дѣломъ царствованія Александра I. На ходѣ этого дѣла замѣтно отразились нѣкоторыя черты личнаго характера Императора. Мечтательный отъ природы, исполненный высокихъ и неясныхъ идеаловъ по воспитанію и возрасту, но осторожный и недовѣрчивый къ людямъ по раннему житейскому опыту, онъ принесъ на престолъ больше благихъ желаній, чѣмъ практическихъ средствъ для ихъ осуществленія. Изъ среды, окружавшей его до воцаренія, екатерининской и павловской, онъ вынесъ тяжелое впечатлѣніе безпорядка и произвола и юношески-горячее желаніе какъ можно скорѣе водворить порядокъ и законность въ управленіи, которое онъ признавалъ безобразнымъ. Но мало знакомый съ прошедшимъ Россіи и съ ея настоящимъ положеніемъ, онъ не имѣлъ достаточно наблюденій и соображеній, чтобы по нимъ составить цѣлесообразный и удобоисполнимый планъ преобразовательныхъ мѣръ, требуемыхъ этимъ положеніемъ, и не видно, чтобы онъ много думалъ о томъ, найдутся ли люди, способные понять и практически разработать его стремленія, еще недостаточно выяснившіяся ему самому. Для него пока ясно было лишь то, что хорошіе законы и учрежденія нужнѣе и надежнѣе хорошихъ людей, которые всегда—только счастливая случайность, и какъ скоро явятся хорошіе законы и учрежденія, то и безъ особенныхъ усилій правительства его органы будутъ дѣйствовать хорошо. И Александръ I немедленно по воцареніи приступилъ къ приведенію въ порядокъ законовъ и учрежденій. Въ 1801 г. гр. Завадовскому поручено управленіе *Коммиссіей составленія законовъ*, которая впрочемъ не больше прежняго подвинула дѣло, не удававшееся во весь XVIII вѣкъ, со времени учрежденія коммиссіи 1700 г. для пересмотра Уложенія 1649 г. Со смерти Петра I чувствовалась потребность въ высшемъ учрежденіи для предварительнаго обсужденія новыхъ законовъ. Этой потребности пытались удовлетворить посредствомъ *Верховнаго Тайнаго Совѣта* при Екатеринѣ I и Петрѣ II, *Кабинета* министровъ при Аннѣ, *Конференціи* при Елизаветѣ. Екатерина II для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ созывала совѣтъ изъ довѣренныхъ лицъ, не имѣвшій ни постояннаго состава, ни опредѣленнаго круга дѣлъ. Въ 1801 г. учрежденъ былъ постоянный *Непремѣнный Совѣтъ* изъ 12 членовъ, но безъ раздѣленія на департаменты. Коллегіальный строй, данный центральному управленію Петромъ Великимъ, постепенно расшатывался вліяніемъ сильныхъ лицъ, какими были, напримѣръ, при Екатеринѣ II президентъ военной коллегіи кн. Потемкинъ

или генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, распоряжавшіеся коллегіями, какъ своими послушными орудіями. Притомъ со введеніемъ губернскихъ учрежденій 1775 г. большинство петровскихъ коллегій (юстицъ-к., ревизіонъ-к., штатсъ-контора и др.) было закрыто и дѣла ихъ, судебныя и финансовыя, перешли изъ центра въ губернскія палаты гражданскаго и уголовнаго суда и въ казенную, т.-е. были децентрализованы. Это дѣлало центральное управленіе еще менѣе цѣльнымъ и стройнымъ. Въ видахъ централизаціи управленія и болѣе правильнаго распредѣленія дѣлъ между отдѣльными центральными вѣдомствами, а также для установленія болѣе строгой отвѣтственности центральныхъ управленій коллегіи были замѣнены въ 1802 г. восемью *министерствами* (иностранныхъ дѣлъ, военно-сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія). По каждому министерству направленіе дѣлъ и отвѣтственность за ходъ ихъ возлагались на одно лицо, министра, а не на коллегію. Дѣятельность министровъ подчинена была надзору Сената, которому они представляли ежегодные отчеты о своемъ управленіи. Дѣла, касавшіяся нѣсколькихъ вѣдомствъ и требовавшія общихъ соображеній, рѣшались *Комитетомъ министровъ*. Такъ надъ коллегіальными губернскими учрежденіями Екатерины II стали центральныя вѣдомства съ единоличной властью министровъ. Эти реформы первыхъ лѣтъ царствованія вводились спѣшно, безъ точныхъ положеній, недостаточно соображались одна съ другой и съ общимъ строемъ управленія, разсчитаны были больше на то, чтобы все было какъ у другихъ, у просвѣщенныхъ народовъ, чѣмъ на то, что было нужно и возможно по ходу туземныхъ дѣлъ и по туземному уровню развитія.

Для исправленія и довершенія первыхъ преобразовательныхъ опытовъ Императоръ встрѣтилъ въ лицѣ Сперанскаго организатора, какихъ немного появлялось въ нашей исторіи. Въ его умѣ, быстромъ и гибкомъ, привыкшемъ къ работѣ надъ отвлеченными предметами, сложные государственные вопросы разрѣшались легко даже при скудныхъ данныхъ для ихъ рѣшенія, запутанныя отношенія какъ-то сами собой складывались въ стройный планъ, въ цѣльную систему. Съ Тильзитскаго мира (1807 г.) Сперанскій становится ближайшимъ сотрудникомъ Императора по внутреннему управленію. Онъ умѣлъ угадывать и развивать преобразовательные помыслы Императора, облекая ихъ въ стройные и отчетливые проекты. Къ концу 1809 г. по указаніямъ Императора составленъ былъ обширный планъ общаго и кореннаго преобразованія, обнимавшій всѣ части государственнаго порядка сверху донизу. Но одобривъ проектъ, Александръ не рѣшился осуществить его въ полномъ составѣ въ виду

затрудненій, какія этотъ проектъ долженъ былъ встрѣтить при исполненіи по своей широтѣ и по новизнѣ своихъ началъ. Осуществлены были только немногія его части, относящіяся къ центральному управленію, которое тогда получило устройство, съ нѣкоторыми измѣненіями дѣйствующее доселѣ.

Въ первый день 1810 г. открытъ былъ самимъ Императоромъ преобразованный *Государственный Совѣтъ*. Значеніе его въ системѣ государственныхъ установленій выражено манифестомъ 1 января 1810 г. въ трехъ основныхъ началахъ его устройства: 1) Совѣтъ разсматриваетъ проекты законовъ, уставовъ и учрежденій по всѣмъ частямъ управленія; 2) онъ одинъ ихъ разсматриваетъ, и 3) никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ Совѣта и не можетъ имѣть дѣйствія безъ утвержденія верховной власти. Такимъ образомъ устанавливался порядокъ законодательства. Къ дѣламъ собственно законодательнымъ присоединялись и другія, съ ними соприкасающіяся: общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ, объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, «когда по усмотрѣнію обстоятельствъ могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію», ежегодныя смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, назначеніе новыхъ расходовъ въ теченіе года, разсмотрѣніе отчетовъ всѣхъ министерствъ по управленію ввѣренными имъ частями. Совѣтъ составлялся изъ членовъ по назначенію государя и изъ членовъ по званію, министровъ, и былъ раздѣленъ на четыре департамента: *законовъ*, *дѣлъ военныхъ*, *дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ* и *государственной экономіи*, съ особыми председателями въ каждомъ департаментѣ. Въ общемъ собраніи, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ государь или одинъ изъ членовъ, ежегодно имъ для того назначаемый, рѣшались дѣла, предварительно разсмотрѣнныя въ подлежащемъ департаментѣ или прямо въ него внесенныя. Для веденія дѣлъ Совѣта при немъ учреждена *государственная канцелярія* съ особыми отдѣленіями для каждаго департамента. Во главѣ каждаго отдѣленія поставленъ *статсъ-секретарь*, докладывающій дѣла въ своемъ департаментѣ, а всей канцеляріей Совѣта руководитъ *государственный секретарь*, докладывающій дѣла въ общемъ собраніи и представляющій журналы Совѣта на высочайшее усмотрѣніе. Государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ, разумѣется, Сперанскій, организаторъ учрежденія, что по новости дѣла давало ему значеніе руководителя Совѣта и какъ бы первенствующаго министра.

Вслѣдъ за Государственнымъ Совѣтомъ преобразованы были по плану Сперанскаго *министерства*, учрежденныя въ 1802 г. Это преобразованіе совершено манифестомъ 25 іюля 1810 г. о раздѣленіи государ-

ственныхъ дѣлъ на особыя управленія и *Общимъ учрежденіемъ министерствъ*, изданнымъ 25 іюня 1811 г. По новому распорядку упразднено одно изъ прежнихъ 8 министерствъ—*коммерціи*, дѣла котораго распредѣлялись между министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; за то изъ вѣдомства послѣдняго выдѣлены были дѣла о внутренней безопасности, для которыхъ образовано особое министерство *полиціи*. Кромѣ того образовано нѣсколько особыхъ центральныхъ вѣдомствъ подъ названіемъ *главныхъ управленій* съ значеніемъ отдѣльныхъ министерствъ (главныя управленія *ревизіи государственныхъ счетовъ* или государственный контроль, *духовныхъ дѣлъ*, *иностранныхъ исповѣданій* и *путей сообщенія*). Въ Общемъ учрежденіи опредѣлены составъ и порядокъ управленія министерствъ, границы власти министровъ, ихъ отвѣтственность и другія подробности министерскаго управленія. Положеніе 1811 г. въ своихъ основаніяхъ и даже во многихъ подробностяхъ дѣйствуетъ донынѣ съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными дальнѣйшимъ развитіемъ центральнаго управленія *).

Сперанскій составилъ и проектъ преобразованія Сената, согласованный съ новымъ устройствомъ министерствъ и Государственнаго Совѣта и основанный на строгомъ раздѣленіи дѣлъ административныхъ и судебныхъ, которыя смѣшивались въ вѣдомствѣ этого учрежденія. Но этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе и Сенатъ сохранилъ прежнее смѣшанное вѣдомство, оставшись высшей судебной инстанціей по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, судомъ ревизіоннымъ и кассаціоннымъ, а вмѣстѣ и высшимъ административнымъ учрежденіемъ, которое распоряжается обнародованіемъ законовъ и наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ подчиненными ему мѣстами, разрѣшая ихъ недоразумѣнія по управленію и приложенію законовъ.

Составъ общества. До конца царствованія Петра Великаго главнымъ источникомъ, изъ котораго правительство черпало необходимыя ему средства, служилъ обязательный трудъ въ пользу государства, разверстанный въ видѣ спеціальныхъ повинностей между основными классами русскаго общества, служилымъ землевладѣльческимъ, городскимъ

---

*) Учреждены: въ 1826 г. состоящія въ непосредственномъ вѣдѣніи верховной власти *Министерство Императорскаго двора и удѣловъ* и *Собственная Его Императорскаго Величества канцелярія* съ 4-мя отдѣленіями, въ 1837 г. *Министерство государственныхъ имуществъ*—между прочимъ для содѣйствія сельскому хозяйству и для устройства управленія и быта крестьянъ, живущихъ на собственныхъ и казенныхъ земляхъ, въ 1865 г. *Министерство путей сообщенія*, преобразованное изъ прежняго *главнаго управленія*.

торгово - промышленнымъ и сельскимъ земледѣльческимъ. Эта разверстка спеціальныхъ повинностей, соединенная съ извѣстными также спеціальными правами, и придавала общественнымъ классамъ характеръ разобщенныхъ, замкнутыхъ сословій. Петръ Великій не только не ослабилъ, но еще осложнилъ эту разверстку, установивъ обязательное обученіе дворянства и распространивъ воинскую повинность рекрутскими наборами на неслужилые классы. Послѣ Петра становится замѣтенъ обратный ходъ строенія русскаго общества: спеціальныя сословныя повинности, падавшія на свободные классы, постепенно облегчаются или упраздняются, а сословныя права ихъ опредѣляются точнѣе и расширяются; тѣмъ и другимъ процессомъ сословія, уравниваясь и сближаясь, подготовляются къ совокупной дѣятельности въ мѣстномъ управленіи; эта подготовка завершается отмѣной крѣпостного права, распространившей на крѣпостныхъ крестьянъ права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей.

Дворянство. Эта перестройка общества началась сверху, съ дворянства. Внѣшнія и внутреннія обстоятельства, наступившія по смерти Петра Великаго, содѣйствовали облегченію, а потомъ и отмѣнѣ служебныхъ тягостей, лежавшихъ на этомъ сословіи (законъ 31 декабря 1736 г. объ ограниченіи обязательной дворянской службы 25-лѣтнимъ срокомъ, манифестъ 18 февраля 1762 г. о дарованіи «вольности и свободы россійскому благородному дворянству»). Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. открыло дворянству широкое и вліятельное участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Жалованная грамота дворянству 1785 года, образовавъ изъ дворянъ каждой губерніи *дворянское общество*, точно опредѣлила и закрѣпила сословныя права дворянства какъ личныя, такъ и общественныя. Права личныя: наслѣдственность и потомственность дворянскаго достоинства, неотъемлемость его безъ суда, судимость «своими равными», свобода отъ личныхъ податей и тѣлесныхъ наказаній, право заводить фабрики и заводы и заниматься торговлей, полное право собственности на все, что находится въ имѣніи дворянина. Общественныя права сословія выражались въ вѣдомствѣ органовъ губернскаго дворянскаго общества, губернскаго и уѣздныхъ *собраній дворянства*, созываемыхъ чрезъ каждые 3 года. Эти собранія съ своими предсѣдателями, выборными губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, 1) принимали участіе въ общемъ губернскомъ управленіи, выбирая «изъ дворянъ, на мѣстѣ живущихъ», должностныхъ лицъ, избраніе которыхъ предоставлено было дворянству, 2) вели дѣла внутренняго сословнаго самоуправленія, предоставленнаго дворянскимъ обществамъ, 3) могли представлять губерна-

тору «о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» и приносить чрезъ депутатовъ «представленія и жалобы» какъ Сенату, такъ и самой верховной власти. Впослѣдствіи эти права были еще расширены. По Учрежденію 1775 г. дворянство наравнѣ съ двумя другими сословіями выбирало членовъ въ свои сословные суды первой и второй инстанціи (*уѣздный судъ* и *верхній земскій судъ*). При Александрѣ I дворянству дано право выбирать по два засѣдателя въ *палаты уголовную и гражданскую*, составлявшія третью всесословную инстанцію, а при Николаѣ I положеніемъ 1831 г., сравнявшимъ мѣстную службу дворянства въ наградахъ и выгодахъ съ государственной, ему предоставлено было выбирать и предсѣдателей обѣихъ судебныхъ палатъ. Такимъ образомъ мѣстный судъ былъ отданъ въ руки дворянскаго общества. Сверхъ того положеніе 1831 г. давало дворянскимъ обществамъ право дѣлать высшему начальству представленія не только о своихъ сословныхъ нуждахъ, но и о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій и вообще объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, и такимъ образомъ дѣлало губернское дворянское общество ходатаемъ о нуждахъ всей губерніи, а дворянство представителемъ всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Узаконенія, создававшія такое преобладающее положеніе дворянства, были временнымъ и мало оправданнымъ уклоненіемъ законодательства отъ усвоеннаго имъ направленія къ уравненію сословій.

Городское состояніе устроялось почти такимъ же порядкомъ, какъ и дворянство, хотя не на одинаковыхъ основаніяхъ. Постепенно облегчались лежавшія на немъ сословныя государственныя повинности, между которыми особенно тяжелы были отвѣтственныя казенныя службы по таможеннымъ, кабацкимъ и другимъ сборамъ и разнымъ нарядамъ, занимавшимъ множество людей по установленной очереди или по общественнымъ выборамъ. Купцамъ дозволялось откупаться отъ личной рекрутской повинности взносомъ въ казну опредѣленнаго оклада (100 р. съ человѣка) или покупать крѣпостныхъ людей для отдачи вмѣсто себя въ рекруты. Уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ въ 1753 г. отмѣнено было множество таможенныхъ и мелочныхъ сборовъ и нарядовъ по нимъ, обременявшихъ торгово-промышленныхъ людей. Въ 1775 г. купечество, раздѣленное на три гильдіи, освобождено было отъ подушной подати и обложено взамѣнъ того гильдейской пошлиной въ размѣрѣ 1% съ заявленнаго по совѣсти капитала. Учрежденіе о губерніяхъ предоставило купечеству и мѣщанству участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ, даже совмѣстное съ дворянствомъ (въ Совѣстномъ судѣ и При-

казѣ общественнаго призрѣнія). *Жалованная грамота* городамъ, изданная въ одно время съ дворянской, установила составъ, управленіе и права «градскаго общества». Она раздѣлила городскихъ обывателей на шесть классовъ: то были 1) *настоящіе городскіе обыватели*, лица всякаго званія, владѣвшія какой-либо недвижимой собственностью въ городѣ, 2) *купцы* трехъ гильдій (первой съ объявленнымъ капиталомъ не менѣе 10 тыс., второй—не менѣе 5 тыс., третьей—не менѣе 1000), 3) ремесленники, вписавшіеся *въ цехи*, 4) *иногородные и иностранные гости*, приписавшіеся къ городу для промышленныхъ занятій, 5) *именитые граждане*, лица, занимавшія высшія должности по городскимъ выборамъ, ученые съ академическими или университетскими аттестатами, художники и артисты, капиталисты съ объявленнымъ капиталомъ не менѣе 50 тыс. руб. и т. п. и 6) *посадскіе*, жившіе какимъ-либо промысломъ въ городѣ и не вошедшіе въ составъ какой-либо другой группы городскихъ обывателей. Разъ въ три года городскіе обыватели всѣхъ шести классовъ созываются на общее городское собраніе для выбора членовъ сословнаго суда (магистрата), городскаго головы и другихъ должностныхъ лицъ городскаго выборнаго управленія, а также для представленія губернатору объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ города; но дворянскаго права «дѣлать представленія и жалобы» верховной власти городскія общества не получили. Хозяйство и благоустройство города вѣдали двѣ городскія думы, *общая*, состоявшая изъ выборныхъ *гласныхъ* отъ всѣхъ званій городскаго населенія, отъ каждой гильдіи, каждаго цеха и т. д., и *шестигласная*, состоявшая изъ 6 гласныхъ, которыхъ избирала общая дума изъ своей среды по одному отъ каждаго изъ шести разрядовъ городскихъ обывателей. Общая дума, выбравъ шестигласную на 3 года, потомъ собиралась, когда того требовала «общественная нужда и польза», и имѣла распорядительное значеніе. Шестигласная дѣйствовала постоянно и вела текущія дѣла города. Городской голова былъ предсѣдателемъ обѣихъ. Въ городскомъ самоуправленіи, такъ устроенномъ, участвовали всѣ городскіе обыватели не моложе 25 лѣтъ, владѣвшіе капиталомъ, проценты съ котораго не ниже 50 рублей. Личныя права распредѣлялись между гражданами не съ такою равномѣрностью, какъ въ дворянствѣ. Въ этомъ отношеніи шесть классовъ городскаго общества имѣли характеръ особыхъ *сословій*, какъ они и называются въ Жалованной грамотѣ. *Настоящіе городскіе обыватели*, какими могли быть люди всякаго званія, духовные, дворяне, служащіе въ военной или гражданской службѣ, пользовались правами своего состоянія независимо отъ своей принадлежности къ городскому обществу.

Такъ о дворянахъ, имѣвшихъ въ городѣ недвижимую собственность, грамота говоритъ, что они отъ городскихъ тягостей не освобождаются, но «ради дворянскаго достоинства» свободны отъ личныхъ податей и службъ. Купцы всѣхъ трехъ гильдій сверхъ общихъ правъ городскаго состоянія пользовались еще свободой отъ подушной подати и личной рекрутской повинности съ условіемъ указнаго взноса въ казну, чего не было предоставлено ни посадскимъ, ни цеховымъ, не объявившимъ за собою гильдейскаго капитала. Купцы первой и второй гильдіи сверхъ того были еще свободны отъ тѣлесныхъ наказаній и имѣли право содержать фабрики и заводы, чѣмъ не пользовались ни посадскіе, ни купцы третьей гильдіи. Наконецъ именитые граждане сверхъ всѣхъ этихъ правъ могли еще имѣть загородные дворы и сады, ѣздить по городу въ каретѣ четверней и при извѣстныхъ условіяхъ даже просить о возведеніи въ дворянство, если ихъ отцы и дѣды имѣли и безпорочно сохраняли именитость. Такая дробность въ распредѣленіи правъ лишала городское общество надлежащей цѣльности и единства. Въ исторіи уравненія и сближенія русскихъ сословій городовая грамота Екатерины II была замѣчательной попыткой—изъ людей, разъединенныхъ правами и обязанностями, даже общественными предразсудками и соединенныхъ только мѣстомъ жительства, образовать нѣчто цѣльное, связанное общими интересами. Но сознаніе общихъ интересовъ воспитывается одинаковыми правами и обязанностями, чувствомъ общественной солидарности, а въ этомъ отношеніи классы городскаго общества были тогда еще такъ далеки другъ отъ друга, что екатерининскій городъ на дѣлѣ не сталъ всесословнымъ обществомъ, а остался такимъ же торгово-промышленнымъ сословнымъ *посадомъ*, какимъ былъ прежде.

Крестьяне и крѣпостное право. Вслѣдъ за дворянствомъ и городскимъ состояніемъ предстояло устроить и крестьянство. По Учрежденію 1775 г. и свободное сельское населеніе получило свой сословный судъ въ *нижней* уѣздной и *верхней* губернской *расправѣ* и нѣкоторое участіе въ общемъ губернскомъ управленіи совмѣстно съ двумя другими сословіями. Былъ составленъ проектъ жалованной грамоты и свободному сельскому сословію, но не былъ приведенъ въ исполненіе. По отношенію къ этому сословію законодательству предстояла болѣе сложная задача, чѣмъ простое опредѣленіе сословныхъ правъ. Учрежденіе о губерніяхъ соединило въ вѣдомствѣ расправъ и казенныхъ палатъ однодворцевъ и крестьянъ *государственныхъ*, *дворцовыхъ* и *экономическихъ*, отобранныхъ у Церкви въ 1764 г. Предстояло не только опредѣлить права, но и устроить самый бытъ этихъ классовъ

на одинаковыхъ основаніяхъ и притомъ обезпечить его цѣлесообразно обдуманнымъ порядкомъ надзора и защиты, безъ чего эти классы не были бы въ состояніи справиться ни съ какими правами. При Екатеринѣ II и двухъ ея преемникахъ были принимаемы мѣстныя или частичныя мѣры для устройства управленія и быта этихъ крестьянъ. При императорѣ Павлѣ поселенія крестьянъ казенныхъ и дворцовыхъ, которые снова были выдѣлены изъ казенныхъ въ особое вѣдомство подъ названіемъ *удѣльныхъ*, раздѣлены были на *волости*, не болѣе 3000 душъ въ каждой. *Волостное правленіе*, состоявшее изъ выборныхъ волостного головы, старосты главнаго селенія и волостного писаря, вѣдало хозяйство волости, судъ по маловажнымъ дѣламъ и сборъ податей; волостной голова отдавалъ отчетъ *мірскому сходу* въ собранныхъ деньгахъ. Предписывалось также уравнительное надѣленіе казенныхъ крестьянъ землей по 15 дес. на ревизскую душу, а въ малоземельныхъ губерніяхъ по 8 дес. Немаловажное значеніе имѣлъ для государственныхъ крестьянъ капитальный въ исторіи русскихъ сословій законъ (12 декабря 1801 г.), предоставлявшій всѣмъ свободнымъ состояніямъ право личной поземельной собственности, дотолѣ принадлежавшее только дворянству. Цѣльный планъ устройства казенныхъ крестьянъ былъ составленъ Министерствомъ государственныхъ имуществъ, открытымъ въ 1838 г. подъ управленіемъ Киселева. Поселенія государственныхъ крестьянъ, которыхъ по восьмой ревизіи 1834 г. числилось немного менѣе 8 мил. душъ, были раздѣлены на волости до 8000 душъ въ каждой, съ подраздѣленіемъ на сельскія общества по 1500 душъ въ каждомъ. Образованы были мірскіе сходы, выборныя волостныя и сельскія управленія по административнымъ дѣламъ, расправы для суда; крестьяне надѣлены землей, подати переложены съ душъ на землю; устроены сельскія школы, продовольственные запасные магазины, сельскіе банки съ сберегательными и вспомогательными кассами.

Устройство казенныхъ крестьянъ считалось первымъ шагомъ къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, какъ образецъ, по которому могли быть устроены помѣщичьи крестьяне при выходѣ изъ крѣпостной зависимости. Екатеринѣ II принадлежитъ заслуга гласнаго возбужденія вопроса о крѣпостномъ правѣ, который обсуждался въ созванной ею Комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Но Екатерина ничего не сдѣлала, чтобы облегчить разрѣшеніе этого труднаго вопроса. Трудность его заключалась въ томъ, что законодательство принимало крѣпостное право, какъ оно складывалось практикой жизни, слабо руководя его развитіемъ, не выясняя отчетливо его юридическаго существа и состава. Такое выясненіе

вопроса начато было закономъ (5 апрѣля 1797 г.), по которому помѣщикъ могъ требовать отъ своихъ крестьянъ только трехдневной работы въ недѣлю, оставляя прочіе дни крестьянамъ для ихъ собственныхъ работъ, какъ плательщикамъ государственныхъ податей. Такимъ образомъ помѣщику присвоялась по закону только половина крѣпостнаго крестьянскаго труда. Это былъ первый приступъ къ опредѣленію законнаго пространства власти помѣщика надъ крѣпостными людьми, къ разграниченію правъ государства и душевладѣльца въ составѣ крѣпостнаго права. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ (20 февраля 1803 г.) былъ вторымъ крупнымъ шагомъ въ томъ же направленіи: онъ разрѣшалъ всѣмъ помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями или отдѣльными семьями съ землею на условіяхъ, заключенныхъ по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ. Отпущенные такимъ образомъ крестьяне могли не записываться въ другія сословія, образуя особенное состояніе *свободныхъ хлѣбопашцевъ*. Практическое дѣйствіе этого закона было не велико: до конца царствованія Александра I въ состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ перешло всего 47 тыс. крѣпостныхъ ревизскихъ душъ, а въ 1855 г. ихъ значилось около 116 тыс. Но важно принципіальное значеніе закона. Помѣщики издавна пользовались правомъ отпускать крѣпостныхъ на волю по одиночкѣ и цѣлыми семьями безъ земли. Но ни законодательство, ни крѣпостная практика не указывали порядка увольненія крѣпостныхъ крестьянъ цѣлыми селеніями. Законъ 20 февраля намѣчалъ два основныя условія такого увольненія: 1) земельный надѣлъ увольняемыхъ, 2) добровольное соглашеніе обѣихъ сторонъ. Потому положенія объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ (около 400 тыс. душъ) въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, совершенномъ въ 1816—1819 гг. безъ соблюденія перваго и главнаго изъ этихъ условій, не были распространены на коренныя области Россіи. Далѣе, законъ не устанавливалъ обязательнаго размѣра земельнаго участка, которымъ долженъ быть надѣленъ крѣпостной крестьянинъ, предоставляя это усмотрѣнію помѣщика. Въ 1827 г. по одному частному случаю былъ изданъ указъ, который предписывалъ отбирать въ казенное вѣдомство имѣніе съ крестьянами, въ которомъ за залогомъ или продажею земли оставалось оной менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу.

Изложенныя узаконенія дали Сперанскому возможность опредѣлить (въ одной запискѣ 1836 г.)—«въ чемъ состоитъ, въ точномъ и буквальномъ смыслѣ нынѣ дѣйствующихъ законовъ, истинное законное крѣпостное право въ Россіи». По этому опредѣленію «*законное крѣпостное состояніе* въ существѣ своемъ есть состояніе крестьянина,

водвореннаго на землѣ помѣщичьей съ потомственной и взаимной обязанностію *со стороны крестьянина*—обращать въ пользу помѣщика половину рабочихъ своихъ силъ, *со стороны помѣщика* — надѣлять крестьянина такимъ количествомъ земли, на коемъ могъ бы онъ, употребляя остальную половину рабочихъ его силъ, трудами своими снискивать себѣ и своему семейству достаточное пропитаніе». Итакъ сущность крѣпостнаго права заключалась въ помѣщичьемъ правѣ собственности не на *личность* крѣпостнаго, а только на его *повинности*, т. е. на его обязательный трудъ въ пользу владѣльца и то въ ограниченномъ размѣрѣ, такъ какъ крѣпостной крестьянинъ, кромѣ повинностей владѣльцу, обязанъ былъ повинностями и государству (податной и рекрутской). Слѣдовательно личная зависимость крѣпостнаго была слѣдствіемъ, а не основаніемъ его обязательнаго труда на помѣщика. Такой взглядъ и положенъ былъ въ основаніе указа 2 апрѣля 1842 г. объ *обязанныхъ крестьянахъ*, который предоставлялъ помѣщикамъ «заключать со своими крестьянами по взаимному соглашенію договоры на такомъ основаніи, чтобы помѣщики сохраняли полное право собственности на землю, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности». По смыслу этого закона крѣпостной крестьянинъ, становясь *обязаннымъ* по добровольному соглашенію, переставалъ быть *крѣпостнымъ*; самый актъ такого соглашенія, какъ дѣйствіе свободнаго лица, снималъ съ него крѣпостную неволю; этимъ актомъ его обязательный трудъ на помѣщичьей землѣ превращался изъ собственности помѣщика по закону въ простое поземельное обязательство по договору; повинности, какія принималъ онъ на себя по этому обязательству, служили вознагражденіемъ за пользованіе землей, которой при договорѣ помѣщикъ *долженъ* былъ надѣлить крестьянина, безъ чего и самый договоръ не могъ состояться, а не за личную свободу, которую при этомъ получалъ крестьянинъ, такъ какъ личность крестьянина законъ молчаливо признавалъ не подлежащей выкупу и оцѣнкѣ. До конца царствованія Николая I по закону 2 апрѣля перешло въ состояніе обязанныхъ крестьянъ всего только 24,708 душъ. Прямое дѣйствіе этого, какъ и другихъ указовъ того времени о крѣпостномъ правѣ менѣе важно, чѣмъ косвенное: не измѣняя значительно положенія дѣла, они подготовляли умы къ неизбѣжной реформѣ и клали юридическія основанія для новаго устройства быта крѣпостныхъ людей. Въ законодательствѣ и въ сознаніи самого дворянства выяснялись и составъ крѣпостнаго права, и основныя начала предстоявшей реформы: изъ состава крѣпостной собственности выдѣлена личность крѣпостнаго; съ помѣ-

щичьимъ правомъ на трудъ крѣпостнаго неразрывно соединено надѣленіе его землей; это надѣленіе поставлено непремѣннымъ *условіемъ* раскрѣпленія, а добровольное соглашеніе обѣихъ сторонъ—главнымъ юридическимъ *средствомъ* опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній.

На этихъ началахъ и были составлены утвержденныя 19 февраля 1861 г. *Положенія* о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Крѣпостное право на крестьянъ и дворовыхъ людей, т. е. на ихъ личность, отмѣнялось просто безъ всякихъ условій, а стоимость обязательнаго труда крестьянъ, насколько онъ принадлежалъ помѣщику, включалась въ оцѣнку земельнаго надѣла, какой получали крестьяне при выходѣ изъ крѣпостной зависимости. Поэтому дворовые люди, какъ безземельные, чрезъ 2 года отъ дня изданія положенія о нихъ получали полное освобожденіе безъ всякаго вознагражденія за то ихъ владѣльцевъ. По *Общему Положенію* помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость и сверхъ того для обезпеченія ихъ быта и исполненія обязанностей передъ правительствомъ опредѣленное количество полевой земли, за что крестьяне обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя повинности. Въ этомъ переходномъ состояніи обязательныхъ поземельныхъ отношеній къ помѣщикамъ крестьяне называются *временно-обязанными.* Надѣленіе крестьянъ землею, какъ и слѣдующія за это повинности въ пользу помѣщика, опредѣляются преимущественно *по добровольному между помѣщиками и крестьянами соглашенію*, или же по закону, на основаніи *мѣстныхъ положеній,* когда такое соглашеніе не состоится. Крестьянамъ предоставлено *право* выкупать ихъ усадебную осѣдлость; для пріобрѣтенія въ собственность полевого надѣла необходимо *согласіе* помѣщика. При пріобрѣтеніи крестьянами въ собственность вмѣстѣ съ усадебною осѣдлостью и полевого надѣла оказывается содѣйствіе отъ правительства посредствомъ *выкупной операціи* (выкупа). Это содѣйствіе заключается въ томъ, что правительство ссужаетъ подъ выкупаемыя земли опредѣленную сумму съ разсрочкою крестьянамъ уплаты оной на продолжительный срокъ (49 лѣтъ со дня выдачи *выкупной ссуды*) и само взыскиваетъ съ нихъ платежи какъ въ счетъ процентовъ по выданной ссудѣ, такъ и на постепенное погашеніе долга (всего по шести копѣекъ на рубль съ назначенной правительствомъ выкупной ссуды). Выкупомъ поземельнаго надѣла временно-обязанными крестьянами прекращаются ихъ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ и они вступаютъ въ состояніе свободныхъ *крестьянъ-собственниковъ*. Въ Положеніи установ-

ляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія и указываются даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права, какъ и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ правительству и помѣщикамъ. Въ первые годы выкупной операціи выкупъ надѣловъ пошелъ очень быстро: въ 1862—1871 гг. изъ $10^1/_2$ милл. ревизскихъ душъ временно-обязанныхъ крестьянъ болѣе $6^1/_2$ милл. душъ выкупили 23 милл. десятинъ земли. Въ 1862—1891 гг. выдано изъ казны выкупныхъ ссудъ 886 милл. рубл., 9,221 тыс. ревизскихъ душъ выкупили 38,820 тыс. десятинъ земли. Крестьянская реформа завершилась распространеніемъ основныхъ началъ Положеній 19 февр. 1861 г. на крестьянъ удѣльныхъ (около 1,500 тыс. душъ) и государственныхъ (ок. 10 милл. душъ). Съ пріобрѣтеніемъ въ собственность надѣловъ безъ содѣйствія или съ содѣйствіемъ правительства различные классы крестьянскаго населенія образуютъ одно состояніе свободныхъ *крестьянъ-собственниковъ*, однородное по основамъ своего государственнаго положенія. Къ началу царствованія Александра III во владѣніи крестьянъ разныхъ наименованій числилось свыше 130 мил. десятинъ надѣльной земли (не менѣе $^1/_3$ приведеннаго въ извѣстность пространства Европейской Россіи безъ Финляндіи и Привислинскихъ губерній), не считая земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами сверхъ надѣловъ (не менѣе 5 милл. десятинъ). Поземельнымъ устройствомъ крестьянъ завершается дѣло государственнаго образованія сословнаго землевладѣнія, начатое еще въ древней Россіи устройствомъ служилаго дворянскаго землевладѣнія. То и другое землевладѣніе создано мѣрами законодательства по нуждамъ государства, дворянское посредствомъ надѣленія служилыхъ людей казенной землей въ помѣстное владѣніе для обезпеченія ихъ обязательной службы, крестьянское посредствомъ надѣленія крестьянъ помѣщичьей или казенной землей во временно-обязанное пользованіе для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ государственныхъ обязанностей. И какъ нѣкогда временное и условное, обязанное службой землевладѣніе дворянъ постепенно правительственнымъ пожалованіемъ превращено было въ полную наслѣдственную собственность сословія, такъ и въ наше время земля, отведенная въ надѣлъ крестьянамъ, превращается въ ихъ собственность при содѣйствіи правительства посредствомъ выкупной операціи или выкупныхъ платежей.

Земскія учрежденія и Городовое Положеніе. Реформа 19 февраля 1861 г., поставивъ крѣпостныхъ крестьянъ въ ряду свободныхъ сельскихъ обывателей, даровала имъ сословное общественное управленіе и сословный судъ и тѣмъ увеличила число сословныхъ управ-

леній, какими пользовались дворянство, города и крестьяне казенные и удѣльные. *Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ* создавало въ мѣстномъ управленіи кругъ общихъ дѣлъ, въ которыхъ общественные классы, дѣйствовавшіе дотолѣ разрозненно, соединялись для совмѣстной дѣятельности. Указъ 1 января 1864 г. призывалъ «къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе». До тѣхъ поръ дѣла такого рода въ каждой губерніи вѣдалъ весьма неудовлетворительно *Комитетъ земскихъ повинностей*, собиравшійся разъ въ три года и составлявшійся подъ предсѣдательствомъ губернатора частію изъ коронныхъ чиновниковъ, предсѣдателя казенной палаты и управляющихъ палатой государственныхъ имуществъ и удѣльною конторой съ подвѣдомственными имъ уѣздными начальниками, частію изъ сословныхъ выборныхъ, предводителей дворянства, городскихъ головъ и пр. Большая часть земскихъ денежныхъ сборовъ, составлявшихъ ежегодно сумму свыше 20 милл. рублей, шла на общія государственныя потребности и только малая доля на мѣстныя земскія нужды. Предметы вѣдомства земскихъ учрежденій по Положенію 1864 г.: завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства, устройство и содержаніе зданій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства, народное продовольствіе, общественное призрѣніе, участіе, преимущественно хозяйственное, въ попеченіи о народномъ здравіи и образованіи, взаимное земское страхованіе имуществъ, мѣры противъ падежей скота, представленія и ходатайства о земскихъ пользахъ и нуждахъ и т. п. Соотвѣтственно хозяйственнымъ задачамъ земскаго управленія участіе въ немъ опредѣляется имущественнымъ цензомъ. *Земство*—совокупность лицъ и учрежденій, которыя владѣютъ въ городѣ или уѣздѣ извѣстнымъ пространствомъ земли или другимъ недвижимымъ имуществомъ извѣстной цѣнности, либо промышленнымъ или торговымъ заведеніемъ (съ годовымъ оборотомъ не менѣе 6.000 р.) и которымъ предоставлено чрезъ образуемые ими органы управленія вѣдать мѣстное земское хозяйство *). Земство ведетъ свои дѣла въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденіяхъ посредствомъ выборныхъ *гласныхъ*. Для выбора гласныхъ въ *уѣздное земское собраніе* избиратели частію по роду имущества, частію по мѣсту его нахожденія (въ городѣ или уѣздѣ), образуютъ отдѣльные избирательные съѣзды 1) *уѣздныхъ земле-*

*) Для крестьянъ, какъ владѣльцевъ не личнаго, а мірского земельнаго имущества, по коему они образуютъ сельскія общества, опредѣленнаго ценза не положено.

владѣльцевъ, 2) *городскихъ избирателей* и 3) *выборныхъ отъ сельскихъ обществъ*, которыхъ назначаютъ волостные сходы изъ своей среды. Уѣздное земское собраніе подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя и членовъ *уѣздной земской управы*, а также гласныхъ въ *губернское земское собраніе* (по одному на шесть уѣздныхъ гласныхъ), которое избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и членовъ *губернской земской управы*. Всѣ выборы производятся на три года. Уѣздныя и губернскія земскія собранія собираются ежегодно по одному разу на положенные сроки; управы дѣйствуютъ въ продолженіе всего года. Земскимъ собраніямъ принадлежитъ власть распорядительная съ общимъ надзоромъ за ходомъ земскихъ дѣлъ: онѣ выслушиваютъ отчеты управъ и рѣшаютъ вопросы по земскому хозяйству. Земскимъ управамъ принадлежатъ распоряженія исполнительныя и вообще ближайшее завѣдываніе земскими дѣлами, губернатору—надзоръ за дѣятельностью земскихъ учрежденій, Сенату—разборъ пререканій губернатора съ земскими собраніями и жалобъ на нихъ частныхъ лицъ и учрежденій. Земскія учрежденія ведутъ ввѣренныя имъ дѣла самостоятельно; но губернаторъ можетъ остановить исполненіе ихъ рѣшеній, не согласныхъ съ закономъ и общими интересами государства.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ вводило новую общественную классификацію, не совпадавшую съ сословнымъ дѣленіемъ русскаго общества. Къ классу *уѣздныхъ землевладѣльцевъ* причислены лица всѣхъ сословій, имѣющія положенный для него имущественный цензъ, въ томъ числѣ и православные священнослужители, владѣющіе въ уѣздѣ церковной землей въ опредѣленномъ размѣрѣ; со времени Петра Великаго бѣлое духовенство впервые является здѣсь со значеніемъ земскаго класса на ряду съ другими сословіями. Крестьяне «безъ различія вѣдомствъ», бывшіе крѣпостные, удѣльные и казенные, впервые соединены въ одинъ классъ, представляемый земскими гласными отъ сельскихъ обществъ и названный въ Положеніи *сельскимъ сословіемъ*. Но и прежнее сословное дѣленіе не осталось безъ вліянія на составъ земскаго управленія. Дворянство и въ земскихъ учрежденіяхъ сохранило преобладающее значеніе, какимъ пользовалось оно дотолѣ въ мѣстномъ управленіи. Уѣздный предводитель дворянства по Положенію непремѣнно предсѣдательствуетъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, а губернскій въ губернскомъ, когда императоромъ не назначено для того особое лицо. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ 33 внутреннихъ губерній Европейской Россіи, въ которыхъ первоначально введено было Положеніе 1864 года, почти половина гласныхъ (6104 изъ 13035) избиралась уѣздными землевладѣль-

цами, огромное большинство которыхъ, особенно въ первое время дѣйствія Положенія, составляли дворяне. Члены избирательнаго съѣзда землевладѣльцевъ, а также мѣстные православные священнослужители могли быть избираемы въ гласные и отъ сельскихъ обществъ. Положеніе имѣло въ виду дать участіе въ земскомъ управленіи лицамъ всѣхъ сословій и частію по ихъ сословному значенію.

Устройство мѣстнаго общественнаго управленія завершено было новымъ *Городовымъ Положеніемъ* 16 іюня 1870 года. Предметы вѣдомства новаго городскаго управленія сходны съ вѣдомствомъ земскихъ учрежденій: это—«попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству». Но право участія въ городскихъ выборахъ обусловлено не имущественнымъ цензомъ, а исключительно платежемъ въ пользу города опредѣленнаго сбора. Это право при такомъ условіи принадлежитъ всѣмъ городскимъ обывателямъ безъ различія сословій. Такимъ образомъ городское управленіе, которому Жалованная грамота 1785 года пыталась сообщить всесословный характеръ, Положеніе 1870 года сдѣлало безсословнымъ. Органы управленія: 1) *городская дума* съ распорядительной властью, изъ гласныхъ, избираемыхъ на 4 года въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ; 2) *городская управа*, учрежденіе исполнительное, избираемое городскою думой; 3) *городской голова,* также избираемый думой, предсѣдательствуетъ въ ней, въ управѣ и въ избирательныхъ городскихъ собраніяхъ; 4) *губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе* подъ предсѣдательствомъ губернатора, съ участіемъ губернскаго городскаго головы, разбираетъ пререканія между думой и администраціей, какъ и между самими городскими общественными учрежденіями, равно и жалобы на постановленія городской думы.

Судебные Уставы 1864 г. Судебная реформа была такимъ же необходимымъ слѣдствіемъ крестьянской, какъ и земская, и вводила всесословное участіе общества въ отправленіе правосудія, какъ земская предоставляла всѣмъ сословіямъ завѣдываніе мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ. Обществу, ставшему свободнымъ во всемъ своемъ составѣ, необходимъ былъ судъ общій для всѣхъ составныхъ частей его, основанный на равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, дѣйствующій открыто передъ обществомъ и при его содѣйствіи. Начала такого суда были предуказаны Высочайшимъ повелѣніемъ (январь 1862 г.), предписавшимъ Канцеляріи Государственнаго Совѣта изложить соображенія «о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи». По соображе-

ніямъ Государственной Канцеляріи, разсмотрѣннымъ и дополненнымъ Государственнымъ Совѣтомъ, составлены были *Основныя положенія* преобразованія судебной части. Особая коммиссія при Государственной Канцеляріи (предсѣдатель—государственный секретарь Бутковъ), въ составъ которой вошли лучшіе правовѣды, ученые и практики, изъ этихъ положеній выработала подробные *Судебные Уставы*, утвержденные 20 ноября 1864 г. Здѣсь устанавливаются: 1) правила гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, коими опредѣляются средства для возстановленія силы нарушенныхъ законовъ, и 2) система судоустройства, т. е. учрежденія, коими эти правила приводятся въ дѣйствіе.

Власть судебная принадлежитъ мировымъ судьямъ, рѣшающимъ дѣла *единолично*, и судебнымъ мѣстамъ *коллегіальнымъ*: съѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и Правительствующему Сенату. Судебная власть всѣхъ этихъ учрежденій простирается на лица всѣхъ сословій и на всѣ дѣла, гражданскія и уголовныя. Эти учрежденія рѣшаютъ дѣла по существу, кромѣ Сената, который въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, не рѣшая дѣлъ по существу, наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы законовъ и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями Имперіи.

При судебныхъ мѣстахъ состоятъ:

1) *прокуроры* и ихъ товарищи, отъ имени правительства ограждающіе пользы государства, требованія общественнаго порядка и неприкосновенность закона;

2) вспомогательные органы суда: *нотаріусы*, правильнымъ совершеніемъ актовъ предупреждающіе тяжбы, *присяжные повѣренные*, участіемъ своимъ въ защитѣ тяжущихся и подсудимыхъ содѣйствующіе скорѣйшему и правильному рѣшенію дѣлъ, *секретари* канцелярій, совершающіе всѣ акты судебныхъ распоряженій и рѣшеній, и *судебные пристава*, органы судебной полиціи, на коихъ возлагается исполненіе постановленій суда.

Мировые судьи рѣшаютъ уголовныя и гражданскія дѣла меньшей важности, которыя требуютъ скораго рѣшенія на мѣстѣ и близкаго знакомства съ мѣстными отношеніями или которыя, возникая изъ взаимныхъ недоразумѣній, могутъ быть улажены примиреніемъ тяжущихся посредствомъ разъясненія ихъ недоразумѣній лицомъ, пользующимся довѣріемъ обѣихъ сторонъ. Примиреніе тяжущихся—главнѣйшая задача мирового судьи и высшее качество его правосудія. На эти задачи мирового суда и разсчитано его устройство. Уѣздъ съ находящимися въ немъ городами составляетъ мировой округъ, который дѣлится по мѣст-

нымъ условіямъ на большее или меньшее количество мировыхъ участковъ. Обѣ столицы дѣлятся каждая на нѣсколько мировыхъ округовъ, состоящихъ изъ двухъ или болѣе частей города. Въ мировомъ округѣ сверхъ *участковыхъ* полагаются еще *почетные* мировые судьи, служащіе безвозмездно и замѣняющіе участковыхъ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Тѣ и другіе избираются на три года *всѣми сословіями*, именно уѣздными земскими собраніями, въ городахъ думами, изъ *мѣстныхъ* жителей, обладающихъ установленнымъ цензомъ образовательнымъ и имущественнымъ (недвижимой собственностью извѣстнаго размѣра или цѣнности, наприм. 400 десят. земли въ Московской губ.). Собраніе участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей округа составляетъ высшую мировую инстанцію—*съѣздъ мировыхъ судей*.

Окружные суды рѣшаютъ и гражданскія и уголовныя дѣла всѣхъ сословій и замѣнили собою прежніе сословные суды первой инстанціи (уѣздные суды, магистраты или ратуши, нижнія расправы), установленные губернскимъ Учрежденіемъ 1775 г. Окружной судъ состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ и учреждается на нѣсколько уѣздовъ. Членами окружнаго суда считаются и *судебные слѣдователи*, которые производятъ слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ въ назначенныхъ для каждаго изъ нихъ участкахъ судебнаго округа. Въ уголовныхъ дѣлахъ, за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, къ составу суда присоединяются *присяжные засѣдатели* для опредѣленія вины или невиновности подсудимыхъ. Отдѣльное рѣшеніе вопросовъ о виновности и о наказаніи и даже различными судьями необходимо для того, чтобы рѣшеніе суда внушало къ себѣ общественное довѣріе, какъ приговоръ правосудія, а не произвола. Опредѣленіе наказанія, которое должно быть основано на законѣ, на его знаніи и правильномъ пониманіи,—дѣло судей-законовѣдовъ. Вопросъ о виновности можетъ быть справедливо рѣшенъ только по совѣсти. Въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, вызываемыхъ изъ общества, призывается къ такому рѣшенію *общественная совѣсть*. Потому присяжными засѣдателями могутъ быть только лица, пользующіяся заслуженнымъ общественнымъ довѣріемъ, какъ выразители мнѣнія большинства благонадежныхъ гражданъ или какъ представители лучшихъ элементовъ общества и притомъ *всего* общества, а не какихъ-либо отдѣльныхъ его классовъ. Сверхъ извѣстныхъ нравственныхъ качествъ для правильной оцѣнки вины подсудимаго необходимо еще хорошее знакомство съ нравами, обычаями и общественной жизнью извѣстной мѣстности. Этими соображеніями и опредѣляются внѣшнія и внутреннія качества, которыми обусловливаются способность

и право быть присяжнымъ засѣдателемъ: опредѣленный возрастъ (отъ 25 до 70 лѣтъ), жительство въ уѣздѣ не менѣе 2 лѣтъ, владѣніе имуществомъ (наприм. землею не менѣе 100 десятинъ или доходъ во всѣхъ мѣстахъ кромѣ столицъ не менѣе 200 р. въ годъ), извѣстная степень образованія, довѣріе, пріобрѣтенное государственной или общественной службой и т. п. Мѣстные обыватели всѣхъ сословій (кромѣ духовенства и военно-служащихъ чиновъ), удовлетворяющіе *внѣшнимъ* условіямъ, вносятся въ *общіе* списки присяжныхъ засѣдателей, составляемые по каждому уѣзду отдѣльно особыми временными коммиссіями изъ лицъ, назначаемыхъ ежегодно уѣздными земскими собраніями, а въ столицахъ соединенными засѣданіями городскихъ думъ и мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Тѣ же коммиссіи подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства составляютъ *очередные* списки по уѣздамъ, выбирая изъ общихъ только тѣ лица, которыя въ предстоящемъ году имѣютъ быть призываемы къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей (по городамъ С.-Петербургу и Москвѣ съ ихъ уѣздами 1200 лицъ, по уѣздамъ, гдѣ болѣе 100 тысяч. жителей, 400, гдѣ менѣе—200). Коммиссія производитъ эту выборку по своему усмотрѣнію на основаніи внимательной оцѣнки *внутреннихъ* качествъ каждаго избираемаго лица, необходимыхъ для добросовѣстнаго выполненія имъ судебныхъ обязанностей. Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей не подлежитъ пересмотру; но если судъ признаетъ единогласно, что этимъ рѣшеніемъ осужденъ невинный, то онъ постановляетъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ.

Судебныя палаты. Приговоры по уголовнымъ дѣламъ, постановленные окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ, могутъ быть обжалованы (*апелляція*) въ судебной палатѣ. Приговоры ея, какъ и окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ, почитаются окончательными, которые могутъ быть отмѣняемы только въ случаѣ нарушенія или неправильнаго примѣненія закона (*кассація*). Вѣдомство судебной палаты простирается на округъ, состоящій изъ нѣсколькихъ губерній или областей.

Главныя начала, положенныя въ основаніе судебнаго порядка, такъ устроеннаго: 1) отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной, 2) введеніе въ гражданскія дѣла состязательнаго, въ уголовныя обвинительнаго процесса вмѣсто слѣдственнаго, 3) гласное и устное или словесное судопроизводство вмѣсто закрытаго канцелярскаго и письменнаго, 4) установленіе только двухъ судебныхъ инстанцій и кассаціоннаго суда, 5) сочетаніе выборнаго начала съ правительственнымъ назначеніемъ. Уже

губернское *Учрежденіе* 1775 г. предоставило тремъ сословіямъ замѣщать нѣкоторыя судебныя должности по выборамъ; но эти выборы производились каждымъ сословіемъ отдѣльно отъ остальныхъ и притомъ выборное право было распредѣлено между сословіями неравномѣрно. По *Уставамъ* 1864 г. мировые судьи выбираются всѣми сословіями, а присяжные засѣдатели изъ всѣхъ сословій произносятъ приговоры о винѣ или невиновности надъ подсудимыми безъ различія сословій. Такимъ образомъ сословное представительство въ судѣ получило полное развитіе и дѣйствительное значеніе и судебная реформа стала дальнѣйшимъ и крупнымъ шагомъ въ ходѣ уравненія и сближенія сословій для совмѣстной дѣятельности.

Уставъ 1874 г. о воинской повинности составилъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ уравнительномъ переустройствѣ русскаго общества. При системѣ рекрутскихъ наборовъ воинская повинность, наиболѣе тяжелая изъ всѣхъ государственныхъ повинностей, была распредѣлена крайне неравномѣрно: вслѣдствіе разнообразныхъ сословныхъ и другихъ изъятій вся тяжесть ея падала почти исключительно на мѣщанъ и крестьянъ ($5\frac{1}{2}$ милліон. изъятыхъ на $24\frac{1}{2}$ милліон., подлежавшихъ повинности). Уставъ, утвержденный 1 января 1874 г. (при военномъ министрѣ Д. А. Милютинѣ), установилъ всесословный призывъ къ исполненію воинской повинности. Мужское населеніе подлежитъ этой повинности «безъ различія состояній». Вступленіе въ военную службу по ежегоднымъ призывамъ рѣшается жеребьемъ, который вынимаютъ всѣ, достигшіе призывнаго возраста (20—21 г.). Изъ нихъ признанные годными принимаются на службу въ числѣ, ежегодно назначаемомъ, какое требуется для пополненія *постоянныхъ войскъ* сухопутныхъ и морскихъ; остальные зачисляются въ *ратники ополченія*, которое созывается лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени и составляется изъ всего нечислящагося въ постоянныхъ войскахъ, но способнаго носить оружіе мужскаго населенія отъ призывнаго до 40-лѣтняго возраста включительно. Выслужившіе срокъ *дѣйствительной* службы увольняются въ *запасъ*, призываемый на дѣйствительную службу въ случаѣ необходимости привести войска въ полный составъ. Полные сроки службы дѣйствительной и въ запасѣ 6 и 9 лѣтъ въ арміи, 7 и 3 года во флотѣ. Отмѣнены замѣщенія и откупы отъ военной службы, но допущены отсрочки въ отправленіи повинности, а также разныя изъятія и льготы, дающія (по неспособности къ военной службѣ, по семейному или имущественному положенію, по званію и роду занятій и особенно по образованію) право на освобожденіе отъ воинской повинности вообще, или

отъ дѣйствительной службы въ мирное время, либо только на сокращеніе сроковъ дѣйствительной службы. Такъ освобождаются отъ воинской повинности священнослужители всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, а также православные псаломщики (на извѣстныхъ условіяхъ), льготные по семейному положенію *перваго разряда* (единственный способный къ труду сынъ при отцѣ къ труду неспособномъ или при матери вдовѣ и т. п.); освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ армейскій запасъ на 15 лѣтъ преподаватели учебныхъ заведеній, содержимыхъ правительствомъ или уставы коихъ имъ утверждены; сроки дѣйствительной службы въ арміи по жеребью сокращаются по степени полученнаго образованія (отъ 4 лѣтъ въ начальныхъ училищахъ до 6 мѣсяцевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ) съ увеличеніемъ на соотвѣтствующее число лѣтъ срока состоянія въ запасѣ. Лицамъ, удовлетворяющимъ опредѣленнымъ условіямъ образованія, предоставляется отбывать воинскую повинность въ арміи безъ жеребья, *вольноопредѣляющимися* и соотвѣтственно полученному образованію они обязаны прослужить въ дѣйствующихъ войскахъ 3 мѣсяца, полгода или 2 года. Широкими льготами по образованію военная реформа весьма много способствовала распространенію народнаго просвѣщенія. Въ первые пять призывовъ (1874—1878 гг.) вынимало жребій ежегодно среднимъ числомъ не много менѣе 700,000 человѣкъ; изъ нихъ для ежегоднаго пополненія арміи и флота требовалось около 180,000; съ правами на сокращенные сроки по образованію поступало на службу немного болѣе 1% всего числа новобранцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ

НА РУСИ.

СОЧИНЕНІЕ

Профессора Московскаго Университета

И. Д. Бѣляева.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 7 января 1902 года.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

Земскіе соборы на Руси. *)

Осьмнадцати-лѣтній царь Иванъ Васильевичъ, на другой годъ послѣ вѣнчанія на царство, разослалъ гонцовъ по всѣмъ городамъ Русской земли, звать на соборъ въ Москву выборныхъ отъ всѣхъ состояній. Зовъ необычный, небывалая всероссійская новость. Что же, эта новость была ли прихоть молодого царя-юноши, или случайная потребность времени, или неминуемая нужда, вызванная самою исторіей, самою жизнію Русской земли? Отвѣтъ — и то, и другое, и третье.

На небывалую на Руси новость—на созваніе земскаго собора всей тогдашней, еще недавно собранной Русской земли, правду сказать, могъ рѣшиться только молодой царь-юноша, и только такой юноша-царь, какимъ по воспитанію и по обстоятельствамъ его дѣтства былъ царь Иванъ Васильевичъ, отъ природы одаренный большими способностями и непреклонною волей, а по обстоятельствамъ жизни очень рано сдѣлавшійся опытнымъ и пріобрѣтшимъ особый взглядъ на дѣла и на людей. Другая личность, на мѣстѣ царя Ивана Васильевича, едва ли бы такъ скоро рѣшилась на таковую необычную новость, какъ земскій соборъ.

---

*) Рѣчь читанная 12-го января 1867 года на торжественномъ актѣ.

Впрочемъ, для царя Ивана Васильевича и его тогдашнихъ совѣтниковъ рѣшиться на небывалое созванiе земскаго собора было вовсе не прихотью, а существенною, настоятельною необходимостiю, чтобы выпутаться изъ безвыходнаго положенiя безпорядковъ, неудовольствiй и опасностей, въ которыхъ тогда находился царь со своими совѣтниками; характеръ и молодость царя нужны были только для того, чтобы не отступать отъ принятаго рѣшенiя и смѣло ждать конца начатому. Пятнадцать лѣтъ продолжавшiеся безпорядки, придворныя интриги, страшное самовластiе бояръ, расхищенiе казны, разоренiе народа, и, наконецъ, пожары и возмущенiе черни должны были вынудить подросшаго царя и его тогдашнихъ совѣтниковъ рѣшиться на какую-либо мѣру болѣе серьезную, чѣмъ смѣна однихъ властей и назначенiе на ихъ мѣсто другихъ. И эта потребность въ серьезныхъ мѣрахъ могла быть, а можетъ быть и дѣйствительно была, прямою и непосредственною причиною, вынудившею молодого царя созвать небывалый земскiй соборъ, на который онъ могъ бы въ случаѣ нужды опереться, какъ на волю цѣлаго народа.

Но и не одна эта временная случайная потребность побудила къ созванiю земскаго собора въ Москвѣ; причины этого созванiя были гораздо сильнѣе временныхъ потребностей и лежали въ самой исторiи и почти шестисотъ-лѣтней жизни Русской земли; причины сiи скоплялись 584 года, отъ самаго призванiя Рюрика, перваго Варяго-Русскаго князя. Все это довольно продолжительное время Русская земля мало-по-малу, такъ или иначе, подготовлялась къ земскому собору, который долженъ былъ увѣнчать собою объединенiе Русской земли. Признанiе власти Русскаго князя сперва Новгородцами и ихъ союзниками, а потомъ другими Славянскими племенами на Руси, было только первымъ

приготовительнымъ актомъ объединенія Русской земли, актомъ чисто внѣшнимъ, не проникавшимъ въ глубь Русской жизни и едва скользившимъ только на поверхности. За этимъ первымъ актомъ должно было слѣдовать объединеніе Русской земли внутреннее, которое и началось принятіемъ христіанства и учрежденіемъ единой церкви для всѣхъ краевъ Русской земли съ верховнымъ представителемъ, митрополитомъ всея Руси, который, на основаніи номоканона, обязанъ былъ созывать церковные соборы всей Русской земли и, дѣйствительно, по мѣрѣ надобности, созывалъ и охранялъ единство Русской церкви, и такимъ образомъ Русская церковь до половины XV столѣтія составляла одно цѣлое, съ однимъ верховнымъ представителемъ митрополитомъ всея Руси.

Но далеко не то было съ гражданскимъ обществомъ на Руси. По смерти Ярослава великаго, Русская земля была раздѣлена между его сыновьями и распалась на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ и независимыхъ владѣній, связанныхъ между собою церквію и родствомъ князей, потомковъ Владиміра и Ярослава, которые только одни имѣли признанное народомъ право быть владѣтельными князьями на Руси, а затѣмъ ничего почти неимѣвшихъ общаго между собою и преслѣдовавшихъ свои частные мѣстные интересы. При внукахъ и правнукахъ Ярослава дробленіе Русской земли развилось еще болѣе, такъ что въ XIII столѣтіи при Монголахъ, и кажется, съ ихъ помощію, образовалось изъ Русской земли нѣсколько совершенно независимыхъ государствъ съ своими великими и удѣльными князьями. Такимъ образомъ княжеская власть, долженствовавшая объединить раздѣленную по племенамъ Русскую землю, и съ начала, дѣйствительно, объединившая ее внѣшнимъ образомъ, впослѣдствіи мало-по-малу привела къ результатамъ совершенно про-

тивоположнымъ. Но гдѣ княжеская власть оказывалась временно несостоятельною относительно объединенія Русской земли, тамъ независимо отъ нея и даже безъ вѣдома князей работала исторія и сама жизнь общества, не замѣтно подрывая самыя основы разъединенія, до которыхъ не могла добраться княжеская власть.

Главнымъ и самымъ существеннымъ препятствіемъ къ полному объединенію Русской земли было строгое подчиненіе младшихъ городовъ или пригородовъ старшимъ городамъ, такъ что приговоръ вѣча въ старшемъ городѣ былъ закономъ для всѣхъ его пригородовъ, какъ прямо выражаетъ лѣтопись: *на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ*. Въ каждомъ же краѣ Русской земли былъ свой старшій городъ, отъ котораго въ полной зависимости находились всѣ пригороды того края; такъ что, и мимо дробленія Русской земли между князьями, она еще дробилась по своимъ старшимъ городамъ, изъ которыхъ каждый съ своими пригородами составлялъ отдѣльное строго организованное земское владѣніе. А посему, чтобы подать помощь объединенію Русской земли, напередъ должно было уничтожить прежнее значеніе старшихъ городовъ и освободить отъ ихъ власти пригороды. И здѣсь то работали исторія и жизнь, не спрашиваясь князей и даже пользуясь княжескою властію для уничтоженія власти и авторитета старшихъ городовъ; такъ напримѣръ, это было въ концѣ XII вѣка въ спорѣ Владиміра Клязьминскаго съ своимъ старшимъ городомъ Ростовомъ, въ которомъ Владимірцы, видимо отстаивая избранныхъ ими князей Михаила и Всеволода Юрьевичей, въ сущности вели борьбу не за князей, а за свою самостоятельность и независимость отъ старшаго города Ростова. Борьба сія, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ и стоившая много крови, кончилась побѣдою гражданъ пригорода—Владимірцевъ надъ гражданами старшаго

города, Ростовцами, и пригородъ Владиміръ сдѣлался независимымъ отъ Ростова. Потомъ съ легкой руки Владиміра и другіе пригороды стали выбиваться изъ подъ зависимости старшихъ городовъ, частію сами, частію при помощи князей, которымъ старшіе города были также тяжелы. Наконецъ, во время владычества Монголовъ окончательно мало-по малу была разорвана связь пригородовъ съ ихъ старшими городадами, и старые города отошли на заднiй планъ, представителями же того или другого края сдѣлались пригороды и притомъ самые младшіе, — напримѣръ, Москва, Тверь, Нижній-Новгородъ и другіе, въ которыхъ утвердились сильнѣйшіе и старшіе князья; такъ что къ XVI вѣку, съ паденіемъ Новгорода и Пскова, уже не осталось ни одного старшаго города, держащаго въ зависимости свои пригороды.

Впрочемъ, уничтоженіемъ власти старшихъ городовъ надъ пригородами только были подорваны основы разъединенія, путь же къ объединенію всей Русской земли еще далеко не былъ расчищенъ. Не стало старшихъ городовъ; но еще остались самостоятельные князья, независимые владѣльцы того или другого края Русской земли; и поэтому Русская земля продолжала быть разрозненною. А князья знали и заботились только о томъ краѣ, которымъ они владѣли, до всей же Русской земли бо̀льшею частію имъ не было и дѣла, для нихъ достаточно было, ежели съ ними были согласны земцы ихъ области. Такъ напримѣръ, въ 1212 году, по смерти князя Всеволода Юрьевича, сынъ его князь Ярославъ пріѣхалъ въ Переяславль и, собравши тамошнихъ земцевъ на вѣче, сказалъ: „братія Переяславцы! отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ оставилъ мнѣ, а меня вамъ далъ на руки, хотите ли меня имѣть княземъ“? И когда Переяславцы въ одинъ голосъ отвѣчали: „очень хотимъ, ты нашъ князь, ты нашъ Всеволодъ“ (Лѣтоп. Переяслав-

ля Суздальск., стр. 100), то Ярославу нечего было и думать о томъ, какъ о немъ думаютъ въ другихъ земщинахъ и во всей Русской землѣ; ему на этотъ разъ нужны были только Переяславцы. То же самое было и въ другихъ краяхъ Руси съ другими князьями; каждый князь дорожилъ только своею земщиной; и ежели мѣстное вѣче жило съ нимъ согласно и повиновалось ему, то для него было и довольно, и онъ оставался совершенно обезпеченнымъ владѣльцемъ своего княжества, и надѣясь на это, нерѣдко ссорился и воевалъ съ другими князьями. При таковомъ порядкѣ естественно голосу всей Руской земли негдѣ было высказаться, да и нужды въ этомъ не настояло: каждая земщина знала только своего князя и органомъ своимъ для сношенія съ княземъ имѣла мѣстное вѣче, на вѣчѣ заявляла свои нужды князю, на вѣчѣ и князь заявлялъ свои требованія своей земщинѣ. Въ голосѣ же всей Русской земли не было нужды ни для князей, ни для мѣстныхъ земщинъ; не было общихъ дѣлъ для всей Русской земли, не было и общаго центра, къ которому бы тянула вся Русская земля; не было нужды и въ органѣ, которымъ бы она могла всецѣло высказаться и заявить свои нужды; слѣдовательно, не было и надобности въ общемъ земскомъ соборѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не было и земскихъ соборовъ, и мы не имѣемъ о нихъ даже темныхъ намековъ въ памятникахъ.

Но, по мѣрѣ того какъ сталъ вырабатываться общій центръ для всей Русской земли въ Москвѣ, какъ малопо-малу Русская земля, такъ или иначе, начала тянуть къ Москвѣ,—сперва въ церковномъ отношеніи, куда еще въ первые годы XIV столѣтія была перенесена митрополія всей Русской земли, потомъ въ отношеніи промышленномъ, когда начали стягиваться туда азіатская и европейская торговля и богатства всей Русской земли, и когда, наконецъ, въ политическомъ отношеніи

великіе князья Московскіе сдѣлались первенствующими между русскими князьми и мало-по-малу успѣли унизить и лишить владѣній своихъ соперниковъ, являвшихся то тамъ, то сямъ, потомъ освободили Русь отъ Монгольскаго ига и сдѣлались князьями всей Руси; то съ тѣмъ вмѣстѣ начала постепенно выясняться потребность въ общемъ органѣ для всей Русской земли, при помощи котораго она могла бы заявлять свои нужды и желанія передъ образовавшеюся общею верховною властію, и тѣмъ болѣе, что мѣстные органы—народныя вѣча, какъ уже отслужившія свою службу Русской землѣ, мало-по-малу замолкли и получили чистую отставку. И этотъ общій органъ для всей Русской земли, наконецъ, былъ отысканъ молодымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ и его опытными совѣтниками, въ формѣ земскаго собора, созваннаго въ Москвѣ въ 1548 году.

Такимъ образомъ первый земскій соборъ въ Москвѣ, созванный царемъ Иваномъ Васильевичемъ, не былъ собственно ни прихотью молодого царя, ни единственно послѣдствіемъ тѣхъ безпорядковъ, которые происходили во время малолѣтства; а напротивъ онъ былъ потребностію, вызванною самою исторіей, цѣлою жизнію, прожитою русскимъ обществомъ. Потребность въ созваніи общаго земскаго собора начала ощущаться вслѣдъ за уничтоженіемъ разновластія и соединеніемъ всей Русской земли въ одно цѣлое. Съ присоединеніемъ къ Москвѣ послѣднихъ самостоятельныхъ русскихъ государствъ, Пскова и Рязани, и съ возвращеніемъ къ Россіи Смоленска уже начались неудовольствія мѣстныхъ земщинъ на судъ и управу московскихъ намѣстниковъ. Стоитъ только припомнить слова псковскаго лѣтописца о первыхъ московскихъ намѣстникахъ во Псковѣ: „и у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлова-

ніе, взлетѣла на небо, и кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая въ нихъ, быша немилостивы до Псковичь, а Псковичи бѣдные невѣдаша правды московскія. И далъ князь великій свою грамоту уставную Псковичамъ, и послалъ князь великій своихъ намѣстниковъ по пригородамъ, и велѣлъ имъ приводити пригорожанъ къ крестному цѣлованію; и начаша пригородскіе намѣстники пригорожаны торговати и продавати великимъ и злымъ умышленіемъ, поклепомъ, подметомъ, а бысть людемъ великъ налогъ тогда". Дѣйствительно ли были таковы тогдашніе московскіе намѣстники,—разбирать это намъ нѣтъ теперь надобности; но то несомнѣнно, что жалобы непремѣнно были бы, хотя бы намѣстники были самые добросовѣстные и снисходительные; главная причина жалобъ заключалась не въ личности того или другого намѣстника, или тіуна, а въ сущности самаго дѣла, и, какъ говоритъ самъ лѣтописецъ, въ томъ, что Псковичи бѣдные не вѣдали московской правды. И это невѣданіе московской правды, съ одной стороны, порождало жалобы, а, съ другой стороны, московскимъ намѣстникамъ и ихъ тіунамъ подавало приманку на разныя притѣсненія и неправды подъ видомъ невѣдомой народу правды московской. Здѣсь мало помогали уставныя грамоты, которыя государи Московскіе давали той или другой области. Нужда, настоятельная потребность времени состояла не въ паліативныхъ средствахъ, каковыми были уставныя грамоты и смѣна намѣстниковъ тяжелыхъ для той или другой области, а въ радикальной, коренной реформѣ всего современнаго строя въ управленіи и судѣ; нужно было напередъ узнать, чего желала вся Русская земля, какія были ея настоятельныя нужды и какія лучшія средства, потребныя для удовлетворенія сихъ нуждъ и желаній всей Русской земли. Словомъ сказать, какъ скоро собралась Русская

земля подъ власть Московскаго князя, такъ вслѣдъ затѣмъ стала обнаруживаться потребность въ неотложномъ созваніи земскаго собора отъ всей Русской земли въ Москву. И откладывать этого созванія собора уже нельзя; ибо, въ противномъ случаѣ, собранное опять могло распасться на свои составныя части или отшатнуться, примкнуть къ другому цѣлому.

Показавши на историческую, не случайную необходимость земскаго собора всей Русской земли въ Москвѣ, теперь слѣдуетъ разсмотрѣть, что же сдѣлалъ первый земскій соборъ въ Москвѣ и какія были его ближайшія послѣдствія, и какое онъ имѣлъ значеніе для жизни всей тогдашней Россіи, признавшей власть государя Московскаго. Хотя до насъ не дошелъ подлинный актъ или даже списокъ дѣяній перваго земскаго собора въ Москвѣ, и мы имѣемъ только отрывочныя о немъ извѣстія, разсыпанныя въ разныхъ частію оффиціальныхъ и частію неоффиціальныхъ памятникахъ; тѣмъ не менѣе мы не лишены возможности представить дѣянія этого собора хотя въ общихъ чертахъ. Изъ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ свидѣтельствъ мы прежде всего узнаемъ, что первый земскій соборъ по самой формѣ своей не походилъ на всѣ прежнія вѣча; онъ былъ созванъ по повелѣнію царя изъ выборныхъ людей отъ всякаго чина изъ всѣхъ городовъ Московскаго государства; тогда какъ прежнія вѣча составлялись безъ выбора изъ всѣхъ наличныхъ гражданъ, домохозяевъ, дѣйствительныхъ членовъ общинъ того или другого города. Тѣ же извѣстія свидѣтельствуютъ, что молодой царь и его совѣтники, созывая соборъ, были неспокойны и хорошо понимали всю важность и громадность этого великаго, небывалаго дѣла. По описанію сего собора, составленному на основаніи древнихъ памятниковъ знаменитымъ нашимъ исторіографомъ, столѣтнюю годовщину котораго еще недавно

праздновала вся Россія, царь Иванъ Васильевичъ прежде открытія собора на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы, созвалъ святителей, умиленно каялся во грѣхахъ, и разрѣшенный и успокоенный ими въ совѣсти, причастился святыхъ таинъ; потомъ, когда выборные изъ городовъ съѣхались всѣ въ Москву, то въ одинъ воскресный день далъ повелѣніе собраться имъ на площади у Лобнаго мѣста, и послѣ обѣдни самъ вышелъ изъ Кремля съ духовенствомъ, съ крестами, окруженный своими боярами и воинскою дружиной и встрѣченный отъ собранныхъ представителей Русской земли не шумными возгласами толпы, а глубокимъ величественнымъ безмолвіемъ, приказалъ служить молебенъ, и послѣ молебна, обратившись къ митрополиту всея Руси, знаменитому Макарію, сказалъ: „Святый владыко! Знаю усердіе твое ко благу и любовь къ отечеству; будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Извѣстно тебѣ, что послѣ отца моего, государя и великаго князя Василія Ивановича, остался я четырехъ лѣтъ, а послѣ матери осьми лѣтъ; родители меня не воспитали, сильные мои бояре и вельможи о мнѣ нерадѣли; они присвоили себѣ самовластіе, моимъ именемъ похитили саны и почести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ, и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ моемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію бѣдныхъ, и не было обличенія во устахъ моихъ; они же властвовали. Хищники, лихоимцы и самосуды неправедные! какой дадите теперь отвѣтъ за многія слезы, вами причиненныя? Я же чистъ отъ сей крови, а вы ожидайте воздаянія.“ Затѣмъ государь, поклонившись всѣмъ и на всѣ стороны, продолжалъ, обратившись къ представителямъ земли: „Людіи Божіи, и Богомъ намъ дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ; нынѣ вашихъ обидъ и раззореній и налогъ исправить

невозможно замедленія ради юности моея, неопытности и безпомощности, и неправдъ ради бояръ моихъ и властей, и безстудства неправеднаго и лихоиманія и сребролюбія. Молю васъ, оставите другъ другу вражды и тяготы, развѣ чего простить нельзя. Отнынѣ я вамъ во всемъ, сколько возможно, самъ буду судія и оборона, и неправды раззорять и хищенія возвращать." Покончивъ рѣчь къ собраннымъ представителямъ земли, царь обратился къ своимъ боярамъ и разнымъ властямъ, отпустилъ имъ всѣ прежнія вины и назначилъ срокъ примириться въ всякихъ дѣлахъ со всѣми людьми Московскаго государства. Это назначеніе срока и требованіе примиренія съ народомъ бояръ и властей имѣло громадное значеніе для того времени; симъ однимъ актомъ государь заразъ отсѣкалъ и уничтожалъ путаницу въ дѣлахъ суда и управы, которая въ продолженіи многихъ лѣтъ накопилась отъ невѣданія московской правды жителями разныхъ областей, собранныхъ подъ власть Московскаго государя, и въ которой почти одинаково были виноваты какъ судящіе и управляющіе, такъ и управляемые и судимые; о чемъ подробно говоритъ самъ царь въ своихъ уставныхъ грамотахъ, описывая, какъ намѣстники и волостели жаловались на жителей областей, „что они нейдутъ къ нимъ подъ судъ и управу", а жители жаловались въ то же время на неправедный судъ и управу намѣстниковъ и волостелей. Наконецъ, царь испросилъ у бывшихъ на соборѣ святителей благословеніе исправить Судебникъ по старинѣ и утвердить, чтобы судъ былъ праведенъ и всякія дѣла не поколебимы во вѣки; затѣмъ объявилъ представителямъ Русской земли, что по всему государству, по всѣмъ городамъ, пригородамъ, волостямъ и погостамъ и даже въ частныхъ владѣніяхъ бояръ и другихъ землевладѣльцевъ должны быть избраны самими жителями старосты и цѣловальники, сот-

скіе и дворскіе, и что для всѣхъ областей отъ царя будутъ написаны уставныя грамоты для болѣе правильнаго суда и управленія, при помощи которыхъ области могли бы судиться и управляться сами собою безъ государевыхъ намѣстниковъ и волостелей.

Вотъ и все, что мы знаемъ о дѣяніяхъ перваго земскаго собора въ Москвѣ, было ли еще что на этомъ соборѣ и говорили ли что созванные представители Русской земли, или были только безмолвными слушателями краснорѣчиваго царя, объ этомъ до насъ не дошло никакихъ извѣстій; но судя по ходу дѣла, кажется, должно признать, что представители Русской земли, ежели не на самомъ соборѣ, то, по крайней мѣрѣ, предварительно видѣлись съ царемъ, или скорѣе съ его совѣтниками въ то время, какъ царь уклонился въ уединеніе, и предъ ними изложили желанія и нужды тѣхъ обществъ, отъ которыхъ они были присланы: ибо распоряженія царя, объявленныя па соборѣ, прямо относились къ удовлетворенію желаній и нуждъ Русской земли и не могли быть сдѣланы иначе, какъ по предварительномъ совѣщаніи съ представителями земли, и нисколько не походили на распоряженія правительства, предшествовавшаго даже ближайшаго времени, что, впрочемъ, для насъ будетъ яснѣе, когда мы разсмотримъ, какія были ближайшія непосредственныя послѣдствія перваго земскаго собора въ Москвѣ.

Ближайшмими послѣдствіями перваго земскаго собора были громадныя, чисто въ земскомъ духѣ, согласно съ нуждами и желаніями народа, реформы въ судѣ и управленіи. Реформы такія, въ которыхъ царь, основываясь, вѣроятно, на заявленіяхъ представителей земли, обратился, по собственнымъ его словамъ, къ старинѣ, оставленной было его дѣдомъ и отцомъ, но, очевидно, еще желанной для народа,—къ старинѣ, въ которой центральное правительство Московское свои-

ми намѣстниками и волостелями стояло рядомъ съ мѣстнымъ самоуправленіемъ областей и не подавляло его. На сколько успѣлъ въ этомъ царь съ своими реформами,—это другой вопросъ, до насъ теперь не касающійся, но то несомнѣнно, что реформы, послѣдовавшія за первымъ земскимъ соборомъ, клонились къ возстановленію самоуправленія мѣстныхъ общинъ и къ огражденію ихъ отъ притязаній центральной администраціи, особенно сильно развившихся при направленія правительства, которое было принято дѣдомъ и отцомъ царя Ивана Васильевича. Именно въ сихъ новыхъ реформахъ ясно высказалась мысль, заявленная самимъ царемъ на соборѣ 1551 года, на которомъ царь сказалъ святителямъ: „да благословилися есми у васъ тогда же судебникъ исправити по старинѣ, и по вашему благословенію судебникъ исправилъ и великія заповѣди написалъ.“

Реформы, обѣщанныя царемъ на первомъ соборѣ 1548 года, согласно царскому обѣщанію были приведены въ исполненіе въ 1550 году изданіемъ новаго исправленнаго судебника и уставныхъ грамотъ мѣстнаго самоуправленія.

Въ царскомъ судебникѣ на первомъ планѣ относительно мѣстнаго суда намѣстниковъ и волостелей, на который особенно много слышалось жалобъ въ то время, узаконено: намѣстники и волостели, постановленные правительствомъ, не могутъ судить безъ участія выборныхъ дворскихъ, старостъ и лучшихъ людей цѣловальниковъ; а гдѣ въ волостяхъ нѣтъ старостъ и цѣловальниковъ и не было прежде, и тамъ во всѣхъ волостяхъ непремѣнно выбирать старостъ и цѣловальниковъ. И всѣ судныя дѣла у намѣстниковъ и тіуновъ писать выборному земскому дьяку, а дворскому и старостѣ и цѣловальникамъ къ тѣмъ суднымъ дѣламъ прикладывать руки; а копіи или противни съ тѣхъ судныхъ дѣлъ

слово въ слово писать намѣстничьему дьяку, а намѣстнику къ той копіи прикладывать свою печать; и списокъ суднаго дѣла, писанный земскимъ дьякомъ и за руками дворскаго или старостъ и цѣловальниковъ, отдавать намѣстнику; а противень со списка, писанный намѣстничьимъ дьякомъ и за печатью намѣстника, отдавать дворскому да старостамъ и цѣловальникамъ. По судебнику же намѣстничьи и волостелины люди ни до суда, ни послѣ суда не должны отводить къ себѣ подъ арестъ тѣхъ людей, по которыхъ поруки не будетъ, а должны являть объ этомъ въ городѣ выборнымъ,—городовому прикащику, старостѣ и цѣловальникамъ, а въ волости волостнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, которые у намѣстниковъ и волостелей и у ихъ тіуновъ въ судѣ сидятъ. А кого намѣстничьи и волостелины люди къ себѣ сведутъ и скуютъ неявя; то старостамъ и городовому прикащику и цѣловалькамъ у намѣстничьихъ и волостелиныхъ людей тѣхъ людей вынимать. И кого вымутъ скованнаго, а неявленнаго; то на намѣстничьемъ и волостелиномъ человѣкѣ взять того скованнаго человѣка безчестье, смотря по человѣку; а чего тотъ на намѣстничьѣ и волостелинѣ человѣкѣ взыщетъ, и тотъ искъ взять на немъ (волостелинѣ человѣкѣ) вдвое.“ Намѣстники и волостели и даже царскіе тіуны въ судѣ по уголовнымъ дѣламъ не могутъ ни казнить, ни отпустить безъ доклада самому государю. Въ гражданскихъ же дѣлахъ, по царскому судебнику, давать судъ, обыскивая по животамъ и промысламъ и по розмету, или податной раскладкѣ. А розметныя книги старостамъ и всѣмъ людямъ ежегодно присылать въ Москву къ боярамъ, у кого будутъ которые города въ приказѣ; а другія книги своихъ розметовъ отдавать тѣхъ городовъ старостамъ и цѣловальникамъ, которые у намѣстниковъ въ судѣ сидятъ. И кто тѣхъ городовъ городскіе люди

учнутъ межъ себя искать много, не по своимъ животамъ, и про тѣхъ истцовъ сыскивать разметными книгами,—сколько онъ рублевъ съ своего живота (капитала) подати даетъ; и будетъ живота его столько есть, на сколько ищетъ, и ему давать судъ; а будетъ живота его столько нѣтъ, и тѣхъ истцовъ въ ихъ искахъ тѣмъ и винить, и брать съ нихъ пошлины по судебнику, а самихъ отсылать въ Москву въ царевѣ государевѣ пенѣ. Въ случаѣ же исковъ или жалобъ на самихъ намѣстниковъ или волостелей отъ мѣстныхъ жителей, они, какъ и другіе отвѣтчики, должны являться на судъ въ Москву къ назначенному сроку, или присылать за себя повѣренныхъ; а который намѣстникъ на срокъ къ суду не явится и повѣреннаго не пришлетъ, того тою неявкою и обвинить по иску или жалобѣ истца.

Въ окружной уставной грамотѣ о мѣстномъ самоуправленіи общинъ, обѣщанной царемъ на первомъ земскомъ соборѣ и выданной въ одно время съ судебникомъ, государь прямо говоритъ: „Напередъ сего мы жаловали бояръ своихъ князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленья; и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели, и праветчики и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованья указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей, и отъ праветчиковъ, и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многія, что имъ посадкіе и волостные люди подъ судъ и поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ; и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великія, да отъ того на посадѣхъ многіе крестьянскіе дворы и въ уѣздахъ деревни и дворы запустѣли, и наши дани и оброки сходятся несполна. И мы, жалуючи крестьянство для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и

волостелей отставили; а за намѣстничьи и волостелины и за праветчиковы доходы и за присудъ, и за ихъ пошлинныхъ людей пошлины велѣли мы посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчити деньгами для того, чтобы крестьянству продажъ и убытковъ не было, и намъ бы отъ нихъ на намѣстниковъ и на волостелей и на праветчиковъ, и отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ праветчиковъ на посадскихъ и на волостныхъ людей челобитья и докуки не было, и посады и волости отъ того не пустѣли. А велѣли мы во всѣхъ городахъ и въ станахъ и въ волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинить и намѣстничьи и волостелины и праветчиковы доходы собирать и къ намъ на срокъ привозить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, и разсудити бы ихъ умѣли въ правду безпосульно и безволокитно, и за намѣстничь доходъ оброкъ сбирать умѣли и къ нашей бы казнѣ на срокъ привозили безъ недобору.“ (Ак. Ар. Эк. Т. 1, № 243).

Значеніе перваго земскаго собора въ Москвѣ должно разсматривать съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, соборъ былъ найденною формою непосредственныхъ отношеній царя къ русской землѣ. Хотя царь Иванъ Васильевичъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ еще за годъ до своего перваго земскаго собора; но онъ, подобно своимъ предкамъ, продолжалъ еще быть въ сущности только великимъ княземъ всей Руси; царемъ же въ собственномъ смыслѣ, какой выработался русскою жизнію, онъ сдѣлался только съ созванья земскаго собора; только соборъ далъ ему истинную царскую власть, только соборъ разрушилъ тотъ заколдованный кругъ дружиннаго совѣта и потомъ боярской думы, которыми Московскій государь отдѣлялся отъ народа; только съ созванья перваго земскаго собора бояре дружин-

ники и боярская дума утратили свое прежнее значеніе необходимой среды, отдѣляющей государя отъ народа; только послѣ перваго собора государь получилъ окончательное непререкаемое право приближать къ себѣ или удалять отъ себя тѣхъ или другихъ бояръ. Послѣ перваго собора царь Иванъ Васильевичъ уже смѣло и не обинуясь писалъ къ боярамъ: „Земля правится Божіимъ милосердіемъ, и Пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги... А жаловати есьмя своихъ холопей вольны, и казнити вольны же есьмя.“ (Курб. стр. 179) Первый земскій соборъ въ Москвѣ далъ царю необходимую опору для развитія своей власти, такую опору, на которой царская власть могла держаться твердо,—безъ опасенія отъ какихъ-либо притязаній; ибо послѣ собора за нее уже явно стояла воля всей русской земли, заявившая себя на соборѣ на сторонѣ царской власти. Послѣ перваго собора преданія стараго московскаго строя потеряли значеніе неотразимой и неотложной необходимости; на первомъ земскомъ соборѣ Москва ясно увидала, что она уже выросла изъ Москвы до всей русской земли и что, слѣдовательно, собственно московскій строй уже для ней узокъ, и она должна принять строй всей русской земли съ царемъ всея Руси, а не прежнимъ великимъ княземъ Московскимъ и всея Руси. Такимъ образомъ первый земскій соборъ имѣлъ значеніе полнаго утвержденія самодержавной власти царя волею всей русской земли, собранной въ 1548 году въ Москву въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей.“

Съ другой стороны, первый земскій соборъ въ Москвѣ имѣлъ большое значеніе для всей русской земли. Русская земля на этомъ соборѣ узнала вполнѣ, что она

составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, что у ней одни интересы, и что сіи интересы тѣсно связаны съ Москвою. На первомъ земскомъ соборѣ и Новгородецъ, и Псковитянинъ, и Смольнянинъ, и Рязанецъ ясно увидали, что они такія же дѣти русской земли, какъ Владимірецъ, Нижегородецъ, Ростовецъ и Москвичъ; что Москвичъ не владыка ихъ, не завоеватель, а прямой родной братъ, что всѣ они дѣти одной земли русской, безъ привилегій, безъ особыхъ правъ одинъ надъ другимъ. На первомъ земскомъ соборѣ они узнали, что врознь имъ жить уже нельзя, что всѣ они должны жить вмѣстѣ подъ одною властію, нести одни обязанности, пользоваться одними правами и тянуть къ Москвѣ, какъ къ общему центру, что всякое отдѣленіе отъ Москвы для нихъ должно равняться самоубійству. Наконецъ, на первомъ земскомъ соборѣ для всей русской земли отыскивался общій органъ, чрезъ посредство котораго она можетъ законно заявлять свои желанія и нужды, но съ тѣмъ вмѣстѣ на первомъ же земскомъ соборѣ ясно обозначилось, что этотъ общій органъ всей русской земли долженъ оставаться въ рукахъ верховной власти, которая должна обращаться къ нему, какъ къ своей опорѣ и утвержденію во всѣхъ важныхъ случаяхъ, чтобы дѣйствовать за одно съ волею и голосомъ всей русской земли. Царь Иванъ Васильевичъ распустилъ первый земскій соборъ съ полною увѣренностію, что русская земля поддержитъ его въ случаѣ надобности и что въ важныхъ случаяхъ онъ опять долженъ обратиться къ созванію земскаго собора, дабы при встрѣтившихся недоразумѣніяхъ опять откровенно узнать волю всей русской земли.

И дѣйствительно, нужда въ созваніи новаго земскаго собора открылась черезъ 18 лѣтъ послѣ перваго собора. Въ 1558 году царь началъ войну съ Ливонскими Нѣмцами; война эта съ перемѣнными успѣхами за-

тянулась и впутала царя въ войну съ королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ Сигизмундомъ-Августомъ; Ливонскіе Нѣмцы отдались во власть Сигизмунду, только бы онъ защитилъ ихъ отъ царя. Много войска и денегъ было потрачено на эту войну, продолжавшуюся уже восемь лѣтъ; притомъ съ самаго начала войны бояре были нерасположены къ ней и спорили изъ-за нея съ царемъ; между тѣмъ Сигизмундъ сталъ соглашаться на перемиріе, не совсѣмъ выгодное. Не зная, какъ смотритъ народъ на эту продолжительную и не совсѣмъ успѣшную войну, и притомъ не довѣряя боярамъ, царь въ 1566 году, среди переговоровъ съ Сигизмундомъ, снова рѣшился созвать земскій соборъ. Судя по дошедшей до насъ соборной приговорной грамотѣ, въ этомъ соборѣ участвовало 376 человѣкъ представителей русской земли; первое мѣсто на соборѣ занимало высшее духовенство, за нимъ слѣдовали бояре, окольничіе и государевы дьяки, потомъ дворяне первой статьи, далѣе дворяне и дѣти боярскія второй статьи, за ними торопецкіе и луцкіе помѣщики и дьяки по приказамъ, и, наконецъ, гости, купцы и Смольняне, какъ ближайшіе сосѣди съ Литвою, слѣдовательно, болѣе заинтересованные войною или миромъ. По свидѣтельству приговорной грамоты, самъ царь лично переговорилъ съ высшимъ духовенствомъ о томъ положеніи, въ какомъ находятся дѣла относительно войны и переговоровъ съ Польскимъ королемъ; боярамъ же, окольничимъ и государевымъ дьякамъ по государеву указу дана была выпись съ рѣчей боярскихъ и съ Литовскими послами о литовскомъ дѣлѣ по наказу, данному имъ по повелѣнію государя. На соборѣ духовенство дало государю совѣтъ, что отступиться отъ тѣхъ Ливонскихъ городовъ, которые взялъ въ обереганье король Сигизмундъ, государю непригоже, а пригоже государю за тѣ городы

стоять, а какъ стоять, и въ томъ государева воля, какъ государя Богъ вразумитъ. Бояре, окольничіе и государевы дьяки отвѣчали довольно пространно, что ихъ мысль продолжать войну и въ съѣздѣ Литовскимъ посламъ отказать: „а будетъ король похочетъ съ государемъ съѣхаться, и въ тѣхъ дѣлѣхъ промежъ себя договоръ учинить; и въ томъ государи вольны для покою христіанскаго.... а намъ всѣмъ за государя головы свои класти, видя королеву высость.“ При чемъ печатникъ Иванъ Михайловичъ Висковатаго подалъ отдѣльно мнѣніе, что съ Литовскими послами тогда только начать переговоры о перемиріи, когда опи напередъ согласятся вывести Литовскихъ людей изъ занятыхъ ими Нѣмецкихъ городовъ и не будутъ вступаться въ Ливонскіе города, въ съѣздѣ же посламъ отказать. Дворяне первой статьи отвѣчали: „намъ кажется, въ которые города вступился королъ въ обереганье, и государю нашему тѣхъ городовъ не поступаться, и нашему государю пригоже за то за все стояти: а наша должная за него государя и за его государеву правду служити ему государю своему до своей смерти.“ Дворяне и дѣти боярскіе (вторая статья) отвѣчали: намъ кажется, что государю должно стоять за тѣ городы; а мы холопи его на его государево дѣло готовы. То же отвѣчали торопецкіе и луцкіе помѣщики. Дьяки по приказамъ дали отвѣтъ: „а въ ливонскихъ городахъ вѣдаетъ Богъ да государь нашъ, чего для ихъ государю отступатися; а мы холопи, къ которымъ государскимъ дѣламъ пригодимся, головами своими готовы.“ Гости, купцы и Смольняне отвѣчали: „Государя нашего царя и великаго князя передъ братомъ его, передъ королемъ, правда великая. И государю нашему велѣти дѣлати съ королемъ такъ, какъ ему государю годно. А мы молимъ Бога о томъ, чтобы государева рука была высока; а мы люди неслужилые, службы не знаемъ,

вѣдаетъ Богъ да государь, не стоимъ токмо за свои животы, и мы и головы свои кладемъ за государя вездѣ, чтобы государева рука вездѣ была высока.“ И въ заключеніе приговорной грамоты написано: „Всѣмъ намъ государю своему, царю и великому князю и его дѣтямъ служити правдою, и добра хотѣти государю и его дѣтямъ и ихъ землямъ безо всякія хитрости, и противъ его недруговъ стояти по государскому приказу, кто во что пригодится, и до своего живота по сему крестному цѣлованію. (Собр. гос. гр, и дог., т. 1 № 192). Такимъ образомъ второй земскій соборъ въ Москвѣ разъяснилъ царю недоумѣнія на счетъ продолженія или прекращенія Ливонско-Литовской войны и снова утвердилъ царя въ мысли, что русская земля вполнѣ полагается на него и готова поддерживать его предпріятія всѣми находящимися у ней средствами, и слѣдовательно, всѣ прежніе толки бояръ противъ войны съ Ливоніей (Курбскій, стр. 220) вовсе не были выраженіемъ воли всей русской земли, и онъ теперь можетъ продолжать или покончить эту войну по своему благоусмотрѣнію.

Хотя о второмъ земскомъ соборѣ мы имѣемъ болѣе опредѣленныя свидѣтельства, именно приговорную грамоту самаго собора; тѣмъ не менѣе намъ неизвѣстна еще форма,—какъ составился этотъ соборъ, какъ избирались представители и какіе наказы получили отъ своихъ избирателей, и были ли имъ какіе наказы. Изъ приговорной грамоты мы только видимъ: 1) что представители Русской земли на соборѣ дѣлились на группы или статьи, и каждая группа подавала отдѣльное мнѣніе,— группа духовенства, группа бояръ, окольничьихъ и государевыхъ дьяковъ, группа дворянъ первой статьи, группа дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, группа торопецкихъ помѣщиковъ, группа луцкихъ помѣщиковъ, группа дьяковъ и приказныхъ людей и группа гостей,

купцовъ и Смольнянъ; 2) что при подачѣ мнѣній по группамъ допускалась и подача мнѣній каждымъ членомъ той или другой группы; такъ, въ группѣ бояръ было отдѣльное мнѣніе печатника Висковатаго, или въ группѣ гостей и купцовъ отдѣльное мнѣніе Смольнянъ; 3) разнымъ группамъ, какъ уже мы имѣли случай упомянуть, были даны отдѣльныя предварительныя свѣдѣнія о дѣлѣ, предложенномъ на разсужденіе собора;—такъ, духовенству предварительно объявлялъ дѣло самъ государь, боярамъ, окольничимъ и государевымъ дьякамъ предварительно была дана выпись изъ предшествовавшихъ переговоровъ Московскихъ бояръ съ Литовскими послами, а остальнымъ группамъ были даны отъ государя наказы, объясняющіе весь прежній ходъ дѣла о войнѣ съ Ливоніею и Литвою. 4) Самое утвержденіе приговорной грамоты для той или другой группы имѣло свою форму: такъ, для духовенства достаточно было приложить къ своимъ рѣчамъ и грамотѣ свои руки (а архіреямъ печати), по старому русскому обычаю; группа бояръ должна была утвердить свои рѣчи и грамоту крестнымъ цѣлованіемъ и приложеніемъ своихъ рукъ, остальныя группы утверждали свои рѣчи и приговорную грамоту только крестнымъ цѣлованіемъ. 5) Самъ Государь и никто изъ его семейства не присутствовалъ на соборѣ; въ приговорной грамотѣ сказано только: „повелѣніемъ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи мы такіе-то разсуждали и проч.“ Отсутствіемъ самого государя этотъ соборъ рѣзко отличается отъ перваго собора, въ которомъ, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, государь былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; но, очевидно, основною формою для земскаго собора была форма второго собора, первый же соборъ былъ въ исключительномъ положеніи, ибо на немъ государь представился какъ бы челобитчикомъ за неудовлетворитель-

ное управленіе государствомъ во время его малолѣтства. По крайней мѣрѣ, на большинствѣ земскихъ соборовъ въ Москвѣ впослѣдствіи государи не присутствовали, можетъ быть, въ тѣхъ видахъ, чтобы своимъ присутствіемъ не тѣснить свободнаго выраженія мнѣній представителями Русской земли, чтобы земскій соборъ былъ чисто земскимъ, безъ постороннихъ вліяній, чтобы онъ былъ чисто земскимъ дѣломъ, а земскія дѣла постоянно и строго отличались отъ государевыхъ дѣлъ.

Послѣ земскаго собора 1566 года ни царь Иванъ Васильевичъ, ни его преемникъ Ѳеодоръ Ивановичъ въ продолженіе 32-хъ лѣтъ не созывали полныхъ земскихъ соборовъ, хотя, очевидно, по мѣрѣ надобности не отвергали этой формы обращенія къ Русской землѣ, какъ это ясно доказываютъ созванія соборовъ духовнаго чина: 1-е въ 1566 году, вслѣдъ за земскимъ соборомъ по случаю избранія въ митрополиты игумена Соловецкаго монастыря Филиппа, не соглашавшагося принять этого сана, ежели царь не уничтожитъ опричнины (Собр. гос. гр. и дог. Т. I. № 193); 2-е въ 1580 году о томъ, чтобы имѣющихся при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ вотчинъ не отбирать и не выкупать, а впредь никому въ монастыри вотчинъ по душѣ не давать, и монастырямъ земель не покупать и закладной не держать; а вотчины, издревле доставшіяся монастырямъ, предоставить въ волю государя (ibid. № 200) и 3-е въ 1584 году, на которомъ опредѣлено отмѣнить всѣ тарханы или освобожденія отъ суда и податей, коими пользовались монастырскія вотчины, и чтобы съ монастырскихъ вотчинъ платить подати, какъ и съ прочихъ земель (ibid. № 202).

Наконецъ, по смерти бездѣтнаго царя Ѳеодора Ивановича, послѣдовавшей въ 1598 году, оказалась неотложная надобность въ созваніи полнаго земскаго собора, чтобы всею землей избрать царя для всей Рос-

сіи, и таковый соборъ дѣйствительно былъ созванъ: до насъ дошла его утвердительная грамота объ избраніи на царство Бориса Ѳеодоровича Годунова и объ утвержденіи преемственно царской власти за его дѣтьми и потомствомъ. Но этотъ новый соборъ, судя по дошедшей до насъ грамотѣ, былъ далеко не полный и не выражалъ воли всей Русской земли. Изъ грамоты видно, что его составляли бояре и окольничіе царскаго двора, притомъ далеко не всѣ, высшее духовенство съ патріархомъ, предсѣдателемъ собора, думные дворяне, дьяки, стольники и дьяки по приказамъ; затѣмъ слѣдовали служивые люди воинскаго чина, — дворяне московскіе, жильцы, стряпчіе, выборные дворяне городовые, стрѣлецкіе, головы, бараши и дворцовые ключники, и вообще служилые люди въ довольно полномъ составѣ, ибо на нихъ преимущественно разсчитывалъ тогдашній искатель престола Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, ихъ собственно вызывали на соборъ посланные имъ въ города агенты; изъ неслужилыхъ или жилецкихъ людей были приглашены на соборъ только находившіеся въ Москвѣ гости, старосты гостиной и суконной сотенъ и сотскіе всѣхъ черныхъ сотенъ, собственно только города Москвы, и два человѣка гостей отъ великаго Новгорода и одинъ выборный отъ города Ржева. Такъ что на соборѣ на 83 представителя отъ духовенства и на 336 представителей отъ служилыхъ людей было только 37 человѣкъ, представителей отъ неслужилыхъ или жилецкихъ людей, да и изъ тѣхъ отъ городовъ были только три человѣка, два отъ двухъ Новгородскихъ пятинъ и одинъ отъ города Ржева, остальные же 34 человѣка принадлежали къ жителямъ Москвы. Такимъ образомъ соборъ 1598 года собственно не былъ земскимъ соборомъ, а представлялъ собою собраніе преимущественно духовенства и служилыхъ людей и частію жителей города

Москвы, двухъ выборныхъ отъ двухъ Новгородскихъ пятинъ и одного выборнаго отъ города Ржева; слѣдовательно, царь Борисъ Ѳеодоровичъ былъ избранъ на царство почти исключительно духовенствомъ и служилыми людьми, а отнюдь не голосомъ и не волею всей Русской земли. Земщина всей Русской земли только смолчала при этомъ избраніи, не протестовала противъ него; но она смолчала и не поддержала — несвоего избранника, когда противъ Бориса Ѳеодоровича явился самозванецъ лже-Димитрій.

Соборъ 1598 года носилъ только форму земскаго собора, на самомъ же дѣлѣ былъ прикрытіемъ происковъ извѣстной партіи, составившейся въ пользу Годунова еще въ царствованіе царя Ѳеодора Ивановича, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ сама дошедшая до насъ утвердительная грамота этого собора, изъ которой всякій можетъ ясно видѣть, что на этомъ, такъ-называемомъ, соборѣ вовсе не было свободной воли даже тѣхъ представителей, которые были приглашены, а напротивъ, все дѣлалось по плану, напередъ составленному, извѣстною партіей. По свидѣтельству грамоты: 1) соборъ 1598 года былъ созванъ патріархомъ Іовомъ, приверженцемъ Годунова; о немъ въ грамотѣ сказано: „и посла по митрополитовъ, по архіепископовъ и епископовъ, и по архимандритовъ, и по игуменовъ, и по бояръ, и по воеводъ, и по дворянъ, и по приказныхъ, и по служилыхъ, и по всякихъ людей,“ по какому праву патріархъ присвоилъ себѣ власть созывать земскій соборъ, мы не знаемъ: права этого ему никто не давалъ. 2) Засѣданіе собора, по свидѣтельству той же грамоты, было въ палатахъ патріарха, какъ сказано въ грамотѣ: „Святѣйшій Іовъ, патріархъ Московскій и всея Русіи, велѣлъ у себя быти на соборѣ.“ Понятно, что соборъ духовныхъ могъ быть въ палатахъ у патріарха, но зачѣмъ туда былъ созванъ

земскій соборъ, неизвѣстно и не въ порядкѣ вещей. 3) Патріархъ открылъ соборъ рѣчью къ представителямъ, въ которой разсказалъ о кончинѣ царя Θеодора Ивановича и о томъ, что московскіе чины и всѣ жители города Москвы молили Бориса Θеодоровича Годунова принять царскій скипетръ, но онъ имъ отказалъ. Затѣмъ патріархъ обратился къ представителямъ, чтобы они объявили свою мысль о великомъ дѣлѣ избранія царя; но съ тѣмъ вмѣстѣ заявилъ, что его, патріарха, мысль и мысль всѣхъ Москвичей—не хотѣть и не искать иного царя, кромѣ Бориса Θеодоровича. Такое предварительное заявленіе патріаршей мысли, выраженное въ такой недопускающей другихъ мнѣній формѣ, для созванныхъ въ патріаршія палаты представителей почти равнялось прямому указанію подать голосъ только въ пользу Бориса Θеодоровича, и имъ оставалось одно—отвѣчать, что они согласны съ мнѣніемъ патріарха; они, дѣйствительно, такъ и отвѣчали, что кромѣ Бориса Θеодоровича никого не желаютъ и просятъ патріарха опять соборнѣ молить Бориса Θеодоровича. 4) Прежде отправленія собора молить Бориса Θеодоровича, патріархъ Іовъ потребовалъ, чтобы бояре, дворяне, приказные люди, дѣти боярскіе, гости и всѣхъ чиновъ люди царствующаго града Москвы и всея Русскія земли утвердилися крестнымъ цѣлованіемъ,— преслѣдовать какъ измѣнника и предать проклятію и градскому суду того, кто бы похотѣлъ на царство кого другого, кромѣ Бориса Θеодоровича и его дѣтей, и чтобы сталъ мыслить на нихъ какое лихо. На каковое требованіе послѣдовало безпрекословное согласіе членовъ собора, не смѣвшихъ противорѣчить патріарху и окружающимъ его святителямъ. Далѣе, когда Борисъ Θеодоровичъ изъявилъ свое согласіе на принятіе царскаго скипетра, то патріархъ Іовъ опять созвалъ соборъ духовенства, на которомъ соборѣ пред-

ложилъ ежегодно праздновать крестнымъ ходомъ день принятія Борисомъ Ѳеодоровичемъ царскаго скипетра. На что духовенство, подчиненное патріарху, разумѣется, и не думало возражать. 5) Патріархъ потребовалъ отъ бояръ и всѣхъ членовъ собора написать утвердительную грамоту объ избраніи и подписать ее всѣмъ бывшимъ на соборѣ. Наконецъ, когда грамота была написана, прочтена собору и всѣми подписана въ двухъ экземплярахъ, то опять патріархъ же предложилъ собору избрать мѣсто для ея храненія; и тутъ же опредѣлено соборомъ одинъ экземпляръ ея хранить въ царскомъ хранилищѣ вмѣстѣ съ докончальными и утвержденными грамотами, а другой экземпляръ положить на храненіе въ патріаршей ризницѣ. Такимъ образомъ все дѣяніе собора, какъ оно записано въ грамотѣ, было лично дѣломъ одного патріарха Іова, отъ членовъ собора не требовалось ни мнѣній, ни разсужденій: патріархъ прямо предлагалъ и совѣтовалъ сдѣлать то и то, а отъ членовъ собора требовалъ только безпрекословнаго согласія; слѣдовательно, соборъ былъ только для формы, и для насъ служитъ прямымъ свидѣтельствомъ, какъ въ то время былъ неотложно необходимъ земскій соборъ; когда и не желавшіе его должны были соблюсти хотя только форму собора.

Борисъ Ѳеодоровичъ, избранный въ цари наружно подстроеннымъ соборомъ, а отнюдь не голосомъ всей Русской земли, въ продолженіе всего своего царствованія ни разу не осмѣлился обратиться къ этому голосу, хотя въ наставшія смутныя времена, очевидно имѣлъ нужду въ этомъ голосѣ, и съ тѣмъ погибъ, а за нимъ погибло и все его семейство. Захватившій верховную власть по смерти его лже-Димитрій, возведенный на престолъ толпою крамольниковъ и оружіемъ Поляковъ, также не осмѣлился обратиться къ голосу всей Русской земли въ формѣ земскаго собора, и, не

процарствовавъ полнаго года, погибъ среди народнаго возстанія въ Москвѣ. Послѣ смерти лже-Димитрія послышался, было, голосъ и довольно сильный о необходимости созвать земскій соборъ со всѣхъ краевъ Русской земли для избранія новаго царя; но голосъ этотъ былъ заглушенъ горячими сторонниками князя Василія Ивановича Шуйскаго, руководившаго народнымъ возстаніемъ противъ лже-Димитрія, и Шуйскій поспѣшно былъ провозглашенъ царемъ всей Россіи только своими ближайшими сторонниками, бывшими при дворѣ, такъ что и не всѣ Москвичи вѣдали о его избраніи. Четырехлѣтнее царствованіе Василія Ивановича, исполненное небывалыхъ доселѣ смутъ, не дало времени созвать крайне необходимый земскій соборъ, и Шуйскій былъ низведенъ съ престола крамольниками и, выданный Полякамъ, умеръ плѣнникомъ въ Польшѣ. По низведеніи съ престола Василія Ивановича Шуйскаго, боярская дума, очевидно, по настоянію патріарха Гермогена, заявила, было, желаніе созвать полный земскій соборъ, чтобы голосомъ всей Русской земли избрать царя, но это желаніе было заглушено разными нестроеніями и происками Поляковъ и измѣнниковъ; и слѣдствіемъ этого были новыя междоусобія и смуты, продолжавшіяся почти два года съ половиной, въ которое время Поляки, при помощи измѣнниковъ, даже успѣли завладѣть Москвою. Наконецъ, Русская земля, видя крайнюю гибель, поднялась противъ крамольниковъ, очистила Кремль отъ Поляковъ и рѣшилась созвать полный земскій соборъ со всѣхъ краевъ Россіи для избранія царя.

Во всѣ концы Русской земли были разосланы отъ боярской думы и отъ всей Москвы грамоты, въ которыхъ было написано: „Москва отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя въ нихъ славится попреж-

нему, но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься объ немъ и людьми Божіими промышлять не-кому: безъ государя вдосталь Московское государство разорятъ все, безъ государя государство ничемъ не строится и воровскими заводы на многія части раздѣляется и воровство многое множится; и потому бы всѣ власти духовныя были къ Москвѣ, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земкаго совѣта и государскаго избранія всѣ города прислали бы въ Москву, и чтобы власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры.“

Боярская дума и всякихъ чиновъ люди, съѣхавшіеся въ Москву для изгнанія Поляковъ и измѣнниковъ, и не могли поступить иначе, какъ созвать земскій соборъ со всей Русской земли. Разныя дружины изъ городовъ сшедшіяся въ Москву, были собраны самими городами и содержались на ихъ счетъ, и сами собою безъ воли городовъ не могли сдѣлать такого великаго дѣла, какъ избраніе государя для всей Русской земли; на такое великое дѣло они не были уполномочены и должны были ждать голоса всей Русской земли, который долженъ былъ высказаться на полномъ земскомъ соборѣ; плачевные опыты предшествовавшаго недавняго времени прямо говорили, что въ этомъ дѣлѣ безъ земскаго собора обойтись нельзя.

По зову боярской думы и всякихъ чиновъ людей, бывшихъ въ Москвѣ при освобожденіи ея отъ Поляковъ, съѣхались въ Москву выборные отъ всѣхъ почти городовъ и краевъ Русской земли, выключая Сибири и тѣхъ городовъ, которые еще были въ рукахъ непріятелей и измѣнниковъ. Выборные пріѣхали въ

Москву съ наказами отъ избравшихъ ихъ общинъ и съ полномочіями, и на первомъ же собраніи порѣшили, чтобы не выбирали царя изъ иноземныхъ государей, а выбрать изъ своихъ честныхъ родовъ; потомъ собирались еще нѣсколько разъ и уговорились избрать въ цари Михаила Θеодоровича Романова-Юрьева, племянника покойному царю Θеодору Ивановичу, по матери его, царицѣ Анастасіи Романовнѣ; но не рѣшая дѣла окончательно въ собраніи 7-го февраля, отложили до 21-го февраля, пока съѣдутся въ Москву бояринъ князь Θеодоръ Ивановичъ Мстиславскій и другіе бояре, бывшіе по городамъ, а также отправили скорыхъ гонцовъ во всѣ города, отъ которыхъ еще не успѣли пріѣхать выборные въ Москву. И когда, наконецъ, всѣ съѣхались на срокъ; то 21-го февраля, въ недѣлю православія, въ соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кремлѣ, весь священный соборъ, бояре, окольничіе и другіе приказные люди, и всѣ выборные и множество народа, по принесеніи молитвъ Господу Богу Вседержителю, окончательно избрали на царство Михаила Θеодоровича Романова-Юрьева; и вслѣдъ за избраніемъ, не выходя изъ церкви, всѣ выборные дали присягу по записи, чтобы мимо царя Михаила Θеодоровича никого не искать и не хотѣть. По окончаніи избранія и утвержденіи присягой, выборные всѣмъ соборомъ избрали посольство для отправленія въ Кострому, гдѣ тогда находился новоизбранный царь, — просить его, чтобъ онъ принялъ избраніе и ѣхалъ въ Москву. Когда же отъ посольства пришло извѣщеніе о принятіи Михаиломъ избранія въ цари; то по принесеніи Господу Богу молебствія, соборъ опять имѣлъ засѣданіе 14-го апрѣля, на которомъ всѣ члены собора рѣшили написать утвержденную грамоту объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова и, написавши, тутъ же передъ всѣмъ

соборомъ прочли, и митрополиты, архіепископы и епископы приложили къ грамотѣ руки, и привѣсили свои печати, прочіе же всѣ бывшіе на соборѣ приложили свои руки и опредѣлили хранить грамоту въ царскомъ хранилищѣ вмѣстѣ съ докончательными и утвержденными грамотами. А подписана грамота осмью архіереями, двадцатью четырьмя архимандритами, и игуменами, семнадцатью боярами, и послѣ бояръ окольничими, крайчимъ, стряпчими, чашниками, думнымъ дьякомъ и стольниками, всего шестидесятью человѣками, шестидесятью дворянами московскими, и сто восемью выборными людьми отъ сорока восьми городовъ, приславшихъ на соборъ своихъ представителей и уполномоченныхъ (Собр. Гос. грам. и дог. Т. I, № 202).

Соборъ 1613 года составляли: 1) духовныя власти— архіереи, архимандриты и игумены по приглашенію безъ выбора; 2) придворные чины,—бояре, окольничіе, кравчій, чашникъ, стольникъ и другіе, также безъ выбора; 3) дворяне московскіе, также безъ выбора, и 4) выборные и уполномоченные отъ городовъ, какъ духовные, такъ и дворяне, казаки, посадскіе и уѣздные люди, смотря по тому, кому мѣстное общество дало свое полномочіе, безъ различія званій и состояній. Такъ, напримѣръ, изъ Кашина былъ присланъ выборнымъ только одинъ келарь Калязина монастыря, старецъ Порфирій; изъ Твери были выборными два архимандрита, нѣсколько дворянъ и посадскихъ людей; изъ Коломны игуменъ Голутвина монастыря, нѣсколько дворянъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей; изъ Вятки одинъ протопопъ, одинъ священникъ и нѣсколько посадскихъ людей; изъ Ливенъ одинъ священникъ и нѣсколько боярскихъ дѣтей и казаковъ; изъ Нижняго-Новгорода выборными были: протопопъ и нѣсколько посадскихъ людей и стрѣльцовъ. Изъ этого перечня

выборныхъ людей явствуетъ, что на земскій соборъ 1613 года выборные избирались не по сословіямъ, а по тому, кому вѣритъ мѣстное общество, кого уполномочиваетъ своимъ избраніемъ; и выборные являлись на соборъ представителями не того или другого сословія, а цѣлаго мѣстнаго общества,—цѣлый земскій соборъ былъ представителемъ, всей Русской земли безъ различія сословій, а слѣдовательно, и имѣлъ въ виду интересы всей Русской земли и уже по самому составу своему не могъ имѣть другихъ интересовъ. Къ кому являлись выборные отъ городовъ, пріѣхавши въ Москву, и кому представляли свои полномочія или наказы, объ этомъ относительно собора 1613 года до насъ пока не дошло никакихъ извѣстій.

Земскій соборъ 1613 года, подобно первому земскому собору при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, вручилъ новоизбранному царю Михаилу Ѳедоровичу полное самодержавіе; но молодой 16-ти лѣтній царь и его боярская дума не рѣшались еще принять на себя всю отвѣтственность по управленію: времена безпорядковъ самозванщины были еще очень близки, Русская земля далеко еще не была окончательно успокоена, — шведы, поляки владѣли еще многими русскими городами, и вообще всякаго рода измѣнники и самозванцы продолжали еще дѣлать безпорядки въ разныхъ краяхъ Русской земли, а царская казна была пуста, деньги были крайне нужны на содержаніе царскаго двора, на жалованіе войску и на другіе неотложные расходы. А посему земскій соборъ, избравшій царя, не былъ распущенъ еще въ продолженіе трехъ лѣтъ, такъ что власть самодержавнаго государя непосредственно опиралась на волю всей Русской земли, выражаемую земскимъ соборомъ, и государь не начиналъ и не рѣшалъ ни одного важнаго дѣла, не посовѣтовавшись съ земскимъ соборомъ,—и мало того даже въ своихъ

указахъ писалъ: „Мы, великій государь, учинили о томъ соборъ и приговорили то и то.“ Или „по нашему великаго государя указу и по соборному приговору всей Русской земли и проч.“ Земскій соборъ, избравшій на царство Михаила Ѳеодоровича въ 1613 году, писалъ отъ своего имени окружныя грамоты во всѣ города Русской земли объ избраніи царя и о томъ, чтобы вездѣ дали присягу служить ему вѣрой и правдой (Соб. гос. грам. и дог., т. III, № 4). И въ томъ же, 1613 году, соборъ отъ своего имени писалъ къ Сигизмунду, королю Польскому, чтобъ онъ вывелъ польскія войска изъ Русской земли, возвратилъ задержанныхъ русскихъ пословъ и приступилъ къ размѣну плѣнниковъ. Грамота къ Сигизмунду запечатана печатью Казанскаго митрополита на красномъ воску и земскою печатью на черномъ воску (Соб. гос. грам. и дог. т. III, № 7). Значитъ, соборъ, какъ органъ воли всей Русской земли, имѣлъ свою печать, или иначе печать Русской земли, земскую печать, какъ она названа въ грамотѣ. Потомъ въ томъ же 1613 году, вмѣстѣ съ царскою грамотой, послана была грамота отъ собора къ Строгановымъ объ уплатѣ слѣдующихъ съ нихъ въ казну доходовъ и объ отпускѣ взаймы денегъ и разныхъ припасовъ на войско. (Ак. ар. эк. т. III, № 4). Далѣе въ 1614 году, вмѣстѣ съ царскими грамотами, были посланы грамоты отъ собора къ Волжскимъ и Донскимъ казакамъ, чтобъ общими силами дѣйствовать противъ Ивана Заруцкаго и Марины Мнишекъ, и даже грамота къ Заруцкому съ обѣщаніемъ помилованія, ежели онъ покорится государю (ibid. №№ 23, 25 и 39). Тѣ же члены земскаго собора присутствовали въ собраніи въ 1615 году, на которомъ, по указу государеву и по приговору всей Русской земли, велѣно со всѣхъ городовъ Московскаго государства со всякихъ людей, съ животовъ

служилымъ людямъ на жалованье (Доп. № 66), деньги пятые для [illegible].

Въ концѣ [illegible] или въ началѣ [illegible] года выборные люди изъ всѣхъ городовъ, составлявшіе земскій соборъ, избравшій на царство Михаила Ѳедоровича Романова, были распущены по домамъ; но тѣмъ засѣданіе земскаго собора не прекратилось, а перемѣнились лишь выборные. [illegible] и [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] и въ январѣ же мѣсяцѣ [illegible] года разосланы по всѣмъ городамъ грамоты о присылкѣ въ Москву новыхъ выборныхъ для земскаго собора: въ [illegible] изъ тѣхъ грамотъ, писанной отъ 12 января, [illegible]: велѣно было прислать въ нихъ въ Москву, для [illegible], для [illegible], [illegible], помѣщиковъ людей, лучшихъ и среднихъ трехъ человѣкъ, добрыхъ, разумныхъ и постоятельныхъ людей: [illegible], не [illegible] не быть, и въ Москвѣ тѣмъ людямъ велѣно явиться въ Посольскій приказъ, дьяку Петру Третьякову (Доп. № [illegible]). А въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же [illegible] года новые выборные люди уже присутствовали на соборѣ въ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] и съ [illegible], [illegible] [illegible], о которыхъ въ своей царской грамотѣ отъ [illegible] апрѣля [illegible] такъ: [illegible] на соборѣ всѣхъ великихъ россійскихъ государствъ митрополиты, архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и стольники, и стряпчіе, и всѣ ратные люди, и московскіе и всѣхъ городовъ гости и торговые и выборные всякіе люди приговорили на ратныхъ людей, [illegible] ратныхъ людей [illegible], собрати денегъ съ Москвы и со всѣхъ городовъ и съ посадовъ и съ уѣздовъ [illegible] [illegible], и съ [illegible] и съ торговыхъ [illegible] людей, [illegible] [illegible] [illegible], и съ монастырей, которые торгуютъ [illegible] [illegible] деньгу;

а съ Максима, и съ Никиты, и съ Андрея и Петра Строгановыхъ власти и всѣхъ городовъ выборные люди приговорили взяти съ вотчинъ и промысловъ и животовъ сорокъ тысячъ рублевъ" (ibid. № 81). А въ другой грамотѣ того же года сказано: „а сошныхъ денегъ съ уѣздовъ съ сошныхъ людей по сошному развода по 120 рублевъ съ сохи" (ibid. № 80). Потомъ тѣ же выборные люди въ 1618 году въ общемъ собраніи съ духовенствомъ и боярами, въ присутствіи самого государя, въ царскихъ палатахъ, по случаю похода къ Москвѣ королевича Владислава, приговорили: „стоять за государя и православную церковь единодушно и сидѣть въ осадѣ безъ сомнѣнія и съ королевичемъ Владиславомъ битись до смерти, не щадя головъ своихъ, а къ воеводамъ по городамъ разослать царскіе указы, чтобы спѣшили съ своими полками къ Москвѣ." И тутъ же, соборомъ, приговорили и утвердили роспись: „какъ государю, на Москвѣ будучи въ осадѣ, противъ недруга своего, королевича Владислава промышлять, и кому съ нимъ государемъ боярамъ и окольничьимъ и думнымъ людямъ быть, и на Москвѣ всякихъ чиновъ людямъ быть, и кого бояръ и воеводъ и дьяковъ по городамъ послать, для помочи Московскому государству, чтобы въ городахъ боярамъ и воеводамъ, собрався съ ратными людьми, ему государю и Московскому государству помочь чинить" (Соб. гос. гр. и дог. Т. III, № 40). Наконецъ, тѣ же выборные люди 1616 года присутствовали на соборѣ 1619 года и всѣмъ соборомъ, вмѣстѣ съ царемъ и патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, по его предложенію, приговорили: „1-е, во всѣ городы, которые не были въ разореньи, послать писцовъ (для составленія ординарныхъ писцовыхъ книгъ, необходимыхъ при назначеніи и раскладкѣ податей); а въ тѣ городы, которые отъ Литовскихъ людей и отъ Черкасъ были въ разореньи,

послать дозорщиковъ добрыхъ, приведши къ крестному цѣлованью и давъ имъ полные наказы, чтобъ они описали и дозрили всѣ города въ правду (т. е. составили дозорныя книги, въ которыхъ прописывалось подробно, какія разоренія и запустѣнія въ какой мѣстности и почему та мѣстность не можетъ платить податей въ томъ размѣрѣ, въ какомъ платила по писцовымъ книгамъ, писаннымъ до разоренья). 2-е: Собрать свѣдѣнія, которые жители украинныхъ городовъ живутъ на Москвѣ или въ другихъ городахъ, тѣхъ сыскивать и отсылать въ тѣ города, гдѣ прежде жили, и давать имъ льготы, смотря по разоренію. А которые люди заложились за митрополитовъ, за бояръ и за всякихъ чиновъ людей, и тѣхъ высылать на прежнія мѣста жительства, и что за ними податей за прежніе годы, то взыскать по счетамъ на тѣхъ, за кѣмъ они жили, заложившись. 3-е: Сыскать и выписать, сколько со всѣхъ городовъ всякихъ доходовъ по окладу и сколько въ нынѣшнихъ годахъ доходовъ въ приходѣ, и что въ расходѣ, и что въ доимкѣ осталось, и что отъ разоренья опустѣло. И, наконецъ, 4-е: изъ всѣхъ городовъ для вѣдома и устроенья указали взять къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренье, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы Московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство.“ (Соб. гос. гр. и дог. т. III № 47).

Послѣ этого собранія выборные люди 1616 года были отпущены по домамъ и на мѣсто ихъ созваны, по ихъ же соборному приговору, новые выборные люди изъ всѣхъ городовъ, которые, какъ сказано выше въ

соборномъ приговорѣ, должны были разсказать объ обидахъ, насильствахъ, разореньи и чѣмъ Московскому государству полниться. Главною обязанностію сихъ новыхъ выборныхъ людей было указать на нужды того или другого мѣстнаго общества и на тѣ средства помочь этимъ нуждамъ, которыя считаются необходимыми по мѣстнымъ соображеніямъ. Долго ли прожили въ Москвѣ сіи новые выборные люди и когда распущены по домамъ, мы объ этомъ пока еще не имѣемъ извѣстій; но, кажется, по ихъ указанію о налогахъ и обидахъ отъ мѣстныхъ властей были сдѣланы нѣкоторыя распоряженія со стороны царя въ слѣдующемъ же 1620 году относительно прекращенія безпорядковъ и притѣсненій со стороны областныхъ правителей. Въ царской грамотѣ по этому предмету сказано: „Вѣдомо намъ учинилось, что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и монастырямъ, и служилымъ, и посадскимъ и уѣзднымъ, и проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильственно и убытки и продажи великія, и посулы и поимки и кормы емлютъ многіе“. Таковое извѣстіе о притѣсненіяхъ изъ всѣхъ городовъ царь ниоткуда не могъ получить, какъ отъ выборныхъ людей, съѣхавшихся на соборъ именно за тѣмъ, чтобы разсказать убытки и обиды. Самая царская грамота была послана не къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, а на имя мѣстныхъ земщинъ, какъ охранный листъ противъ воеводскихъ притѣсненій, о чемъ прямо сказано въ заключеніи грамоты. „А пишемъ мы къ вамъ, милосердуя о васъ, чтобъ вы, Божіею милостію и нашимъ царскимъ призрѣньемъ, жили въ покоѣ и въ тишинѣ и отъ великихъ бѣдъ и отъ скорбей поразживались, и тѣсноты бъ вамъ и продажи и иныхъ никакихъ налогъ не чинилось, и во всемъ бы

въ наше царское милосердіе были надежны“ (Ак. Ар. Эк., Т. III, № 115).

Въ 1621 году былъ созванъ новый земскій соборъ, на которомъ участвовали какъ духовенство, бояре, думные люди, дворяне, дѣти боярскія, стрѣльцы и казаки и всякіе служилые люди, такъ и гости торговые и всякихъ чиновъ жилецкіе люди всего Московскаго государства; поводомъ къ созванію сего собора было то, что турецкій султанъ, крымскій ханъ и шведскій король предлагали царю начать общую войну съ Польшею. Соборъ сей засѣдалъ въ золотой большой государевой Грановитой палатѣ; государь и патріархъ открыли соборъ рѣчью, въ которой подробно были изложены неправды и нарушенія мирныхъ договоровъ польскимъ королемъ и его урядниками и замыслы поляковъ при первой возможности напасть на Московскія владѣнія, а также раскрыты всѣ удобства смирить поляковъ войною въ союзѣ съ Турціею, Крымомъ и Швеціей. На эту рѣчь царя и патріарха соборъ отвѣчалъ просьбою, чтобы царь и патріархъ за святыя Божіи церкви и за свою государскую честь, и за свое государство противъ недруга своего, исконнаго вѣчнаго врага Московскому государству, короля польскаго стояли крѣпко, сколько имъ, государямъ, милосердый Богъ помочи подастъ, и служилые люди сказали: „за нихъ, государей, и за ихъ государство противъ польскаго и литовскаго короля ради, битися, не щадя головъ своихъ. Да дворяне и дѣти боярскія били челомъ, чтобъ государи пожаловали, велѣли ихъ въ городѣхъ разобрати, кому мочно ихъ государева служба служити, чтобъ дворяне и дѣти боярскія никаковъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ. А гости и торговые люди били челомъ, что они имъ, государемъ, въ помочь ихъ государевѣ казнѣ, ради съ себя давати деньги, какъ кому мочно, смотря по ихъ прожиткамъ“.

Государь и патріархъ, на соборѣ же, посовѣтовавшись съ боярами, указали: „послать съ собору въ города къ боярамъ и воеводамъ, и къ дьякамъ, и ко всякимъ приказнымъ людемъ, и къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и ко всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ свои государевы грамоты, объявляя всѣ неправды и злой совѣтъ литовскаго короля и сына его и пановъ радъ, и что они, государи, на соборѣ приговорили за злыя неправды стояти на Литовскаго короля, и въ городѣхъ бы дворяне и дѣти боярскія и всякіе служилые люди на государеву службу были готовы, лошади кормили и запасъ пасли". И тутъ же на соборѣ сдѣлана роспись, кого бояръ, дворянъ и дьяковъ послать по городамъ для разбора, и записана въ самомъ актѣ соборнаго дѣянія (Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 57).

По случаю начавшейся войны съ Польшею въ 1632 г снова былъ созванъ земскій соборъ, на которомъ было приговорено: „на жалованье прибылымъ ратнымъ людямъ въ городахъ съ торговыхъ людей взять пятую деньгу, т.-е. по сороку денегъ съ рубля; а духовенство, бояре, дворяне и другіе помѣщики и вотчинники дали слово представить роспись, сколько кто дастъ на вспоможенье государевой казнѣ". Подлиннаго акта этого собора пока еще не отыскано, но о немъ есть прямое упоминаніе въ наказѣ, данномъ 18-го ноября 1632 года, опредѣленнымъ къ сбору означенныхъ денегъ, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому и Симоновскому архимандриту Левкію съ товарищами. Въ этомъ наказѣ сказано: „Государь-царь и отецъ его патріархъ совѣтовавъ съ митрополиты и съ архіепископы и съ епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ окольничими, и съ думными людьми, и съ стольники, и съ стряпчими, съ дворяны, и съ приказными людьми, и съ гостьми и всякихъ

чиновъ людьми, что нынѣ въ походѣ съ бояры и воеводы, рати конныя и пѣшія, многіе люди и проч. (Ак. ар. Эк., т. III, т. III, № 213). Этотъ земскій соборъ очевидно, не былъ распущенъ во все продолженіе тогдашней Польской войны: ибо въ дошедшемъ до насъ актѣ соборнаго дѣянія, 29-го января 1634 года (7142), въ рѣчи къ членамъ собора прямо сказано: въ прошломъ 141 году (въ 1632 съ сентября) государь-царь, совѣтовавъ со отцемъ своимъ патріархомъ, объявили вамъ на первомъ соборѣ многія неправды прежняго польскаго короля Сигизмунда и сына его Владислава". Въ этомъ новомъ засѣданіи собора царь объявилъ, что польскій король Владиславъ стѣснилъ государева воеводу боярина Шеина подъ Смоленскомъ и что въ помощь Шеину уже послано новое войско, и что этому новому войску и тому, которое стоитъ подъ Смоленскомъ съ Шеинымъ, нужны деньги на жалованье ратнымъ людямъ и на содержаніе, а безъ новыхъ сборовъ одною прежнею казной обойтися нельзя. И члены собора приговорили: „что они для вспоможенія и избавы православныя христіанскія вѣры, на жалованье ратнымъ людямъ противъ польскаго и литовскаго короля денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кому мочно дать". И тутъ же на соборѣ по повелѣнію царя назначена новая коммиссія для сбора означенныхъ денегъ (С. гос. гр. и дог., т. III, № 99).

Въ 1637 году былъ созванъ новый земскій соборъ по случаю войны съ крымскимъ ханомъ, котораго, по словамъ соборной грамоты, посылаетъ турецкій султанъ большою войной за взятіе Азова Донскими казаками. Объ этомъ соборѣ дошло до насъ упоминаніе въ царской грамотѣ въ Устюжну Желѣзопольскую о сборѣ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, писанной отъ 12-го декабря 1637 года. Въ грамотѣ государь пишетъ: „И мы, великій государь, учинили о томъ со-

боръ и говорили на соборѣ патріарху, властямъ, боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и дьякамъ, и головамъ, и сотникамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, и гостямъ, и торговымъ, и всякимъ жилецкимъ людямъ объявили: какъ намъ для избавленія православныхъ крестьянъ противъ таковаго недруга Крымскаго царя стоять и какими обычаи ратныхъ людей сбирать и чѣмъ строить. И мы, великій государь, приговорили на соборѣ съ патріархомъ и властьми и съ бояры, и со всякими чинми людьми, прося у Бога помощи противъ недруга нашего Крымскаго царя стоять со всѣми ратными людьми, сколько милосердый Богъ помочи подастъ; и боярамъ нашимъ, и воеводамъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и жильцамъ, и изъ городовъ дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и стрѣльцамъ, и казакамъ, и всякимъ ратнымъ людямъ нашу службу противъ недруга нашего Крымскаго царя сказать велѣли. Да противъ недруга нашего Крымскаго царя указали есмя съ нашихъ дворцовыхъ селъ взять ратныхъ людей съ 20 дворовъ по человѣку, а съ патріарха и съ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и большихъ монастырей указали есмя взять съ земель, съ вотчинъ даточныхъ людей пѣшихъ съ десяти дворовъ по человѣку, а съ бояръ, съ окольничихъ и съ думныхъ людей и со всякихъ чиновъ людей, съ помѣстій и съ вотчинъ съ двадцати дворовъ по человѣку, а съ середнихъ и съ меньшихъ монастырей съ десяти дворовъ по четыре лошади подъ ратныхъ людей, а съ городовъ, съ посадовъ и съ уѣздовъ, съ черныхъ волостей указали есмя взять ратнымъ людямъ на жалованье, съ десяти дворовъ за даточнаго человѣка по двадцати рублевъ, съ двора по два рубля." (Ак. Ар. Эк., т. III, № 27). Судя по извѣстію, сохранившемуся въ грамотѣ, на соборѣ присутствовалъ самъ

царь, самъ предлагалъ вопросы и разсуждалъ съ членами собора, и потомъ уже дѣлалъ распоряженія отъ своего имени.

Наконецъ, въ 1642 году былъ созванъ новый соборъ, состоявшій изъ высшаго духовенства, бояръ, выборныхъ людей отъ городовъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ, и выборныхъ отъ гостей и торговыхъ людей разныхъ черныхъ сотенъ города Москвы. При извѣщеніи о созваніи этого собора было объявлено, что на соборѣ будетъ разсуждаемо о томъ, какой отвѣтъ дать турецкому посланнику относительно Азова, взятаго у турокъ Донскими казаками въ 1637 году; и повелѣно выбрать изъ всякихъ чиновъ изъ лучшихъ, изъ среднихъ и изъ молодшихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорить; и выбрать изъ большихъ статей человѣкъ по 20 и по 15-ти и по 10 и по 7-ми, а не изъ многихъ людей человѣкъ по 5 и по 6 и по 4 и по 3 и по два человѣка. И когда выборные люди сошлись въ столовую избу, гдѣ уже были бояре и думные люди, и имъ всѣмъ вслухъ при боярахъ было прочтено въ подробномъ изложеніи все дѣло о взятіи Азова Донскими казаками и о войнѣ съ турками, и былъ поставленъ вопросъ — разрывать ли миръ съ Турками изъ-за Азова или не разрывать, и ежели разорвать миръ, то гдѣ взять средства для войны. И по прочтеніи списки съ прочтеннаго розданы выборнымъ людямъ, чтобы они о томъ поразмыслили накрѣпко и свою мысль объявили государю на письмѣ. Затѣмъ выборные люди были раздѣлены по статьямъ или по чинамъ, т.-е. отдѣльно стольники, отдѣльно дворяне московскіе и жильцы, отдѣльно городовые дворяне и дѣти боярскія и къ каждой статьѣ, или чину приставленъ былъ особый дьякъ. Соборъ продолжался болѣе двухъ недѣль (Соб. гос. гр. и дог. т. III, № 113), но, къ сожалѣнію, актъ

этого собора до насъ дошелъ безъ конца, а только записаны мнѣнія разныхъ чиновъ и даже отдѣльныхъ лицъ, но на чемъ остановились сіи мнѣнія и какой былъ окончательный приговоръ собора, мы не знаемъ. И кажется, окончательнаго приговора не состоялось, да, судя по началу дошедшаго до насъ акта, его и не требовалось, а требовались только отдѣльныя мнѣнія на письмѣ, и въ царской грамотѣ къ Донскимъ казакамъ объ оставленіи Азова вовсе не упоминается о соборномъ приговорѣ. А посему, кажется, должно признать, что соборъ сей былъ созванъ только для того, чтобы освѣдомиться, какъ русское общество расположено къ Азовскому дѣлу, и когда въ своихъ мнѣніяхъ представители общества на соборѣ не высказали особеннаго расположенія къ Азовскому дѣлу, то это дѣло и было оставлено и приказано казакамъ сдать Азовъ.

Такимъ образомъ въ тридцати-двухъ-лѣтнее царствованіе царя Михаила Ѳедоровича, первоначальника дома Романовыхъ на престолѣ, было семь земскихъ соборовъ въ Москвѣ, о которыхъ мы имѣемъ оффиціальныя извѣстія, или акты которыхъ дошли до насъ, а, вѣроятно, на дѣлѣ ихъ было гораздо больше, по крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что выборные люди одного выбора принимали участіе въ нѣсколькихъ соборныхъ собраніяхъ; ибо въ первыя семь лѣтъ своего царствованія царь Михаилъ Ѳедоровичъ постоянно держалъ при себѣ выборныхъ отъ всей Русской земли; выборные 1613 года, избравшіе его на царство, не распускались изъ Москвы до 1616 года, а когда они были отпущены, то въ томъ же году на ихъ мѣсто были созваны новые выборные, которые жили при царѣ до 1619 года. Съ 1619 года, съ прибытіемъ изъ польскаго плѣна царскаго родителя Филарета Никитича Романова, поставленнаго въ патріархи всей Россіи, дѣла нѣсколько измѣнились, и новые выборные

отъ всей Русской земли были уже созваны только на одно дѣло — чтобы разсказать обиды и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей жаловать, и по окончаніи этого дѣла выборные были отпущены. Затѣмъ остальные четыре собора созывались, подобно третьему собору, на одно какое-либо дѣло и немедленно по окончаніи этого дѣла распускались; но и сіи соборы, очевидно, имѣли по нѣскольку собраній: по крайней мѣрѣ, соборъ 1632 года, остававшійся при царѣ въ продолженіе всей войны съ польскимъ королемъ Владиславомъ, имѣлъ нѣсколько собраній, и о двухъ изъ нихъ до насъ дошли даже оффиціальныя свѣдѣнія.

Съ открытія перваго земскаго собора въ 1548 году до кончины царя Михаила Ѳедоровича прошло почти сто лѣтъ, и въ этотъ довольно продолжительный періодъ времени мы видѣли въ Москвѣ нѣсколько соборовъ, которые созывались при разныхъ обстоятельствахъ; а потому мы не лишены возможности отыскать нѣкоторыя общія черты для всѣхъ соборовъ за это время, выработанныя жизнію русскаго общества. Черты сіи, по нашему мнѣнію, были слѣдующія:

1) Земскіе соборы, за все это время бывшіе въ Москвѣ, раздѣлялись на двѣ половины по своему составу. Первую половину составляло высшее духовенство, — патріархъ, митрополиты, архіепископы и епископы, и боярская дума при царѣ, —бояре, окольничіе и вообще думные люди; эта половина присутствовала на соборѣ не по мірскому выбору, а по своему положенію въ государствѣ, какъ совѣтники государя по своему званію. Вторую половину членовъ собора, многочисленнѣйшую, составляли выборные люди отъ городовъ и уѣздовъ всей Русской земли изъ служилыхъ и жилецкихъ людей, присылаемые на соборъ по мірскому выбору. Но обѣ половины, несмотря на неодинако-

вость вступленія въ число членовъ собора, имѣли одинъ характеръ представителей Русской земли, и на соборѣ ни которая половина не пользовалась особыми правами ни по предметамъ разсужденія, ни при подачѣ голосовъ.

2) Форма веденія дѣлъ на соборѣ была двоякая — или рѣчью, или письменная. Такъ, на соборахъ 1613, 1618, 1621 годовъ предметы для разсужденія предлагались рѣчью; напротивъ того, на соборахъ 1566 и 1642 годовъ членамъ собора даны были особо составленныя записки, подробно излагающія предметъ разсужденія. Отвѣты или мнѣнія членовъ собора иногда подавались изустно на самомъ соборѣ, какъ это было на соборахъ 1613, 1616, 1618, 1621 и 1634 годовъ; а иногда письменно, какъ это было на соборахъ 1566 и 1642 годовъ. Иногда царь самъ присутствовалъ на соборѣ и говорилъ къ собору рѣчь, а иногда не присутствовалъ. Иногда къ выборнымъ по статьямъ или чинамъ приставлялись государевы дьяки; такъ, на соборѣ 1642 года къ стольникамъ былъ приставленъ дьякъ Спиридовъ, къ дворянамъ московскимъ, стрѣлецкимъ головамъ и жильцамъ — дьякъ Лукинъ, къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ городовымъ — дьякъ Атарскій. Мѣста для засѣданій собора были различны,—такъ, соборъ 1548 года былъ на площади подлѣ Лобнаго мѣста; соборъ 1613 года, избравшій на царство Михаила Өедоровича, въ Успенской соборной церкви въ Кремлѣ; соборъ 1621 года въ золотой большой Грановитой палатѣ, соборъ 1634 года — въ столовой избѣ. Время, или число засѣданій собора условливалось предметомъ занятій, такъ, соборы 1612 и 1642 годовъ имѣли по нѣскольку засѣданій, а соборы 1618 и 1621 годовъ по одному засѣданію.

3) Приглашеніе на земскій соборъ дѣлалось правительствомъ изъ Москвы, которое посылало грамоты

по всѣмъ городамъ, чтобы высылали выборныхъ людей, которыхъ излюбятъ мѣстныя земщины, причемъ опредѣлялось сколько выборныхъ людей прислать изъ какого города; число это по разнымъ соборамъ было неодинаково, а иногда даже вовсе не опредѣлялось число выборныхъ. Такъ, напримѣръ, на соборъ 1613 года тогдашнее Московское правительство посылало грамоты по городамъ, чтобъ изо всѣхъ городовъ, изо всякихъ чиновъ послали къ Москвѣ для земскаго совѣта и государскаго обиранья лучшихъ и разумныхъ людей, не опредѣляя по скольку человѣкъ, которые выборные и были членами земскаго собора въ Москвѣ до 1616 года. При перемѣнѣ же выборныхъ людей въ 1616 году, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ по городамъ, чтобы выслали для царскаго и земскаго дѣла на совѣтъ по три человѣка съ города, лучшихъ и середнихъ людей, добрыхъ, разумныхъ и постоятельныхъ, которымъ, пріѣхавши въ Москву, явиться въ посольскомъ приказѣ къ дьяку Петру Третьякову. Судя по приглашеньямъ на сіи два собора, выборные люди избирались всѣмъ мѣстнымъ обществомъ безъ различія сословій; выборъ падалъ на того, кому вѣрило цѣлое общество, не обращая вниманія на то, къ какому бы сословію ни принадлежалъ выборный. Это соображеніе вполнѣ подтверждается соборною грамотою 1613 года, какъ это мы уже видѣли выше въ своемъ мѣстѣ; по этой грамотѣ даже могъ быть одинъ выборный отъ цѣлаго города и уѣзда, такъ, напримѣръ, изъ Переяславля-Рязанскаго выборнымъ на соборѣ 1613 года былъ только одинъ игуменъ Льгова монастыря Игнатій, слѣдовательно, онъ былъ выборнымъ отъ всѣхъ сословій Переяславля-Рязанскаго. Но съ 1619 года на земскій соборъ въ Москву для разсужденія о новой раскладкѣ податей приглашались выборные уже въ опредѣленномъ числѣ, отъ каждаго

сословія отдѣльно; въ пригласительной грамотѣ было написано: „выслать на Москву изъ каждаго города, изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, да по два жъ человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды, и насильства и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться." А на соборъ 1642 года, для разсужденія о сдачѣ туркамъ Азова, въ пригласительныхъ грамотахъ писано: „выбрать изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, изъ середнихъ и меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорить, изъ большихъ статей человѣкъ по 20-ти и по 15, и по 10-ти и по 7-ми, а изъ немногихъ людей человѣкъ по 5-ти и по 6-ти, и по 4, и по 3, и по два человѣка, а кого выберутъ, тѣмъ людемъ принести имяна."

4) Выборы на земскій соборъ въ каждомъ городѣ производились, согласно съ пригласительными грамотами изъ Москвы. Пригласительная грамота обыкновенно присылалась къ городскому начальству, которое должно было созвать жителей и объявить имъ присланную грамоту, затѣмъ дѣлались выборы и составлялись списки выборныхъ за руками избирателей. Такъ, при созваніи на соборъ 1619 года въ пригласительной грамотѣ городскому начальнику прямо написано: „И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ велѣлъ быть въ соборной церкви архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ и попамъ, и всему освященному собору, и дворянамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ и посадскимъ, и уѣзднымъ всякимъ людемъ; и какъ сойдутся, и ты бъ сю грамоту велѣлъ прочесть всѣмъ въ слухъ; а прочетши сю грамоту, велѣлъ бы духовнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ, и посадскимъ, и всякимъ людямъ выбрати изо всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ, и выборные бы

списки на нихъ дали за руками“ (Ак. Ар. Эк. Т. III, № 105). Впрочемъ, въ одной пригласительной грамотѣ есть какъ бы указаніе, что иногда формы выборовъ не опредѣлялись въ грамотѣ, а просто предписывалось выслать выборныхъ людей; такъ, въ призывѣ на земскій соборъ 1616 года въ грамотѣ было написано: „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ по сей нашей грамотѣ тѣхъ выборныхъ людей тотъ часъ прислали къ намъ къ Москвѣ, чтобъ за тѣмъ наше и земское великое дѣло не стало“ (Ак. Ар. Эк. Т. III, № 77). Но эта грамота была повторительная, посланная потому, что общество замедлило высылкою людей; слѣдовательно, въ этой грамотѣ и не было нужды вторично писать о формѣ выбора.

5) Давались ли выборнымъ какія инструкціи или наказы отъ избирателей, на этотъ вопросъ по всему вѣроятію должно отвѣчать — давались; ибо, хотя до насъ пока еще не дошло ни одного акта объ избраніи выборныхъ людей и ни одного наказа ими даннаго, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что уже по пригласительнымъ грамотамъ нельзя было послать выборнаго безъ наказа и полномочія. Такъ, напримѣръ, когда выборные приглашались для избранія государя, то, конечно, избиратели должны были сказать имъ, кого бы они желали имѣть государемъ; и даже въ пригласительной грамотѣ на соборъ 1613 года прямо сказано, чтобы выборные привозили съ собою договоры, данные избирателями. Или въ призывной грамотѣ на соборъ 1619 года ясно сказано: „прислать выборныхъ, которые бы умѣли разсказать обиды, насильства и разоренья и чѣмъ Московскому государству полниться.“ При таковомъ прямомъ требованіи избиратели естественно должны были дать своимъ выборнымъ подробные наказы о мѣстныхъ нуждахъ и о тѣхъ средствахъ къ ихъ удовлетворенію, которыя, по мнѣнію общества,

были бы для того пригодны. Здѣсь выборные безъ наказовъ были бы совершенно безполезны и неудовлетворяли бы требованіямъ правительства. По всему вѣроятію наказъ, или инструкція выборному человѣку на соборъ писалась при самомъ выборномъ листѣ, какъ это дѣлалось обыкновенно въ выборныхъ листахъ, дошедшихъ до насъ, по другимъ дѣламъ.

Опредѣливши, сколько дозволили памятники, порядокъ земскихъ соборовъ въ первое столѣтіе, самое обильное соборами, теперь слѣдуетъ указать, что же сдѣлали соборы, какое они имѣли значеніе въ Русской жизни общества, въ исторіи. Земскіе соборы перваго столѣтія вообще сослужили великую службу Московскому государству. Они, во-первыхъ, утвердили царскую власть и освободили ее отъ стѣснительныхъ условій княжеской власти, выработанныхъ въ продолжительный удѣльный періодъ и съ уничтоженіемъ удѣловъ уже потерявшихъ свое жизненное значеніе. Что земскіе соборы утвердили царскую власть, этому служитъ лучшимъ доказательствомъ то, что первый царь Иванъ Васильевичъ на другой же годъ по вѣнчаніи на царство нашелъ нужнымъ собрать первый земскій соборъ. Во-вторыхъ, земскіе соборы сблизили царя съ народомъ и дали ему возможность непосредственно отъ представителей Русской земли знать нужды и желанія земства. Первый земскій соборъ царя и народъ поставилъ лицомъ другъ къ другу и расшаталъ стѣну дружиннаго совѣта, опиравшуюся на своихъ историческихъ правахъ; безъ перваго земскаго собора царь Иванъ Васильевичъ далеко не былъ бы такимъ самодержавнымъ царемъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ-третьихъ, послѣ страшныхъ смутъ самозванщины и междуцарствія земскій соборъ 1613 года успѣлъ отыскать средство возстановить желанный порядокъ избраніемъ на царство Михаила Ѳеодо-

ровича Романова и въ продолженіе слишкомъ трехъ лѣтъ продолжалъ поддерживать его, постоянно заявляя единомысліе воли царя и воли всей Русской земли; такъ что царь Михаилъ Θеодоровичъ, отпустивъ представителей собора 1613 года, немедленно созвалъ новый соборъ въ 1616 году, который, подобно предшествовавшему собору, не расходился въ продолженіе слишкомъ трехъ лѣтъ и дѣйствовалъ точно такъ же, какъ и соборъ 1613 года. Такъ что Русская земля, избравшая на царство Михаила, въ продолженіе почти семи лѣтъ послѣ избранія, въ лицѣ земскаго собора стояла неотступно подлѣ своего избранника и старалась охранять и утверждать его власть. Въ-четвертыхъ, съ 1619 года, когда обстоятельства измѣнились и не было уже болѣе надобности въ постоянномъ присутствіи собора при царѣ, земскіе соборы продолжали свою службу государству въ иной формѣ: они являлись по призыву царя всякій разъ, когда того требовали обстоятельства, и во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ царь всегда находилъ себѣ опору въ земскомъ соборѣ. Нужно ли было привести въ лучшій порядокъ сборъ податей и увеличить средства правительства,—земля высылала своихъ представителей на земскій соборъ, которые умѣли разсказать, какъ полниться государству Московскому. Настояла ли надобность отразить врага или объявить войну,—собирался земскій соборъ и отъ лица всей Русской земли предлагалъ средства къ защитѣ и веденію войны, назначалъ чрезвычайныя подати. Рождался ли вопросъ продолжать войну или заключить миръ,—и земля на своемъ соборѣ давала отвѣтъ на то и на другое. Словомъ сказать, земскіе соборы были самою твердою и надежною опорою царской власти; они развязывали руки царю во всѣхъ затруднительныхъ обстоятель-

ствахъ и охраняли государство отъ смутъ и безпорядковъ.

Но, служа вѣрой и правдой Русскому государству, земскіе соборы, утвердившіе и взлелѣявшіе царскую власть, постоянно держались одного принципа, что они должны собираться для поддержанія царской власти и ея утвержденія, что самодержавная власть царя есть выраженіе воли всей Русской земли, что самое созываніе собора принадлежитъ царю, что онъ долженъ созывать соборъ по своему усмотрѣнію и по своему усмотрѣнію такъ или иначе вести дѣла на соборѣ. А посему въ продолженіе почти ста лѣтъ не выработалось почти никакихъ постоянныхъ правилъ, какъ вести дѣла на земскомъ соборѣ, и даже нѣтъ никакихъ намековъ въ памятникахъ, чтобы Русская земля въ продолженіе всего этого времени заявляла желаніе объ установленіи таковыхъ правилъ или назначала какіе-либо сроки для земскихъ соборовъ. Все это было предоставлено самодержавной волѣ царя; о какихъ-либо стѣсненіяхъ или ограниченіяхъ этой воли не было и помину. Русская земля, вполнѣ довѣряя ею же утвержденной царской власти, смотрѣла на земскіе соборы не какъ на какую-либо привилегію или право народа, какъ смотрѣли въ старое время мѣстныя земскія общества на свои вѣча; а напротивъ, принимала земскій соборъ, какъ необходимую и должную помощь со стороны земли царю, когда самъ царь найдетъ для себя нужнымъ обратиться за этою помощью къ Русской землѣ.

По смерти царя Михаила Ѳеодоровича, какъ свидѣтельствуетъ современникъ Котошихинъ, патріархомъ и боярскою думою былъ созванъ земскій соборъ въ Москву, по два выборныхъ отъ каждаго города, для избранія новаго царя; и всею землею былъ избранъ на царство сынъ покойнаго царя шестнадцати-

лѣтній юноша, царевичъ Алексѣй Михайловичъ. До насъ не дошло никакихъ подробностей о земскомъ соборѣ, избравшемъ Алексѣя Михайловича на царство, и, кромѣ Котошихина, мы не имѣемъ никакимъ извѣстій объ этомъ соборѣ; но отвергать извѣстіе современника мы не имѣемъ никакого права, да въ томъ и нѣтъ никакой надобности. Соборъ 1645 года подтвердилъ только то, что уже было узаконено земскимъ соборомъ 1613 года при избраніи на царство Михаила Θеодоровича, на которомъ „соборѣ всею землею цѣловали крестъ царю и великой княгинѣ, и ихъ царскимъ дѣтямъ, которыхъ имъ великимъ государемъ впередъ Богъ дастъ“. Тѣмъ не менѣе патріархъ и боярская дума, по молодости преемника покойному царю, очевидно, признали за нужное обратиться къ собору и получить утвержденіе молодому царю отъ всей Русской земли, въ лицѣ ея представителей, созванныхъ на соборъ въ Москву. Хотя до насъ не дошелъ самый актъ собора 1645 года; но то несомнѣнно, что Русская земля такъ же отнеслась къ новому царю Алексѣю Михайловичу, какъ она отнеслась въ 1613 году къ его покойному родителю, Михаилу Θеодоровичу: она не измѣнила своего убѣжденія, что власть царя должна выражать волю всей Русской земли, что она самодержавна. Лучшимъ сему доказательствомъ служитъ все царствованіе царя Алексѣя Михайловича: дѣла правительства во все это время шли попрежнему, и царская власть постепенно развивалась, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны Русской земли.

Все царствованіе Алексѣя Михайловича свидѣтельствуетъ, что правительство было вполнѣ увѣрено въ согласіи Русской земли съ царемъ и чувствовало себя настолько сильнымъ, что не нуждалось въ частомъ созываніи земскихъ соборовъ, тѣмъ не менѣе, въ важнѣйшихъ дѣлахъ, непосредственно касавшихся всей Рус-

ской земли, царь Алексѣй Михайловичъ находилъ еще нужнымъ обращаться къ Русской землѣ и хотя изрѣдка созывалъ земскіе соборы. Таковые были при немъ: соборъ 1648 года, при изданіи соборнаго уложенія, соборъ 1650 года, по случаю продолжительнаго бунта въ Новгородѣ и потомъ во Псковѣ, и соборъ 1653 года, по случаю присоединенія Малороссіи, изъ-за которой нужно было вести войну съ Польшею. Но соборы времени царя Алексѣя Михайловича уже носятъ на себѣ совсѣмъ не тотъ характеръ, который они имѣли при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; въ нихъ уже незамѣтно той широты дѣйствій, которая была у предшествовавшихъ соборовъ; впрочемъ, характеръ ихъ будетъ яснѣе виденъ при описаніи каждаго собора.

О соборѣ 1648 года, созванномъ по указу самого царя по случаю сочиненія общаго Уложенія, или книги законовъ, для всей Русской земли, мы имѣемъ два оффиціальные акта. И первый изъ нихъ—грамота отъ 28-го іюля 1648 года въ Обонежскую пятину о созваніи выборныхъ на земскій соборъ. Въ грамотѣ этой сказано: „По государеву указу и отца его государева и богомольца святѣйшаго Іосифа патріарха Московскаго и всея Руссіи, и по приговору государевыхъ бояръ и по челобитью стольниковъ, и стряпчихъ и дворянъ московскихъ, и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, и иноземцевъ, и гостей, и гостиныя и суконныя сотни, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей, велѣно на Москвѣ государевымъ боярамъ князь Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи, на всякія расправныя дѣла написать Судебникъ и Уложенную книгу, чтобы впредь по той Уложенной книгѣ всякія дѣла дѣлать и вершить безъ всякаго переводу и безволокитно. А для того государева и земскаго дѣла Государь указалъ взять къ Москвѣ изо-всѣхъ городовъ дворянъ и посадскихъ людей добрыхъ, чтобы го-

сударевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы государевы дѣла, по его государеву указу и по Уложенью, были ничѣмъ нерушимы“. Далѣе, о самомъ сборѣ выборныхъ людей сказано: „мѣстному начальнику дворянъ и дѣтей боярскихъ своего присуда на губный станъ собрать всѣхъ безъ выбора и прочесть въ слухъ государевъ указъ о выборныхъ людѣхъ, чтобъ имъ государевъ указъ былъ вѣдомъ, и сказать имъ, чтобъ они для государева и земскаго дѣла выбрали изъ своей братьи человѣка добра, которому-бъ быть на Москвѣ для государева и земскаго дѣла съ государевыми бояры, и то-бъ имъ дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ сказать имянно, чтобъ они для того государева и земскаго дѣла къ Москвѣ выбрали человѣка добра и смышлена, кому бы государевы и земскія дѣла за обычай, и на того-бъ выборнаго человѣка у нихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, взять выборъ за руками. А кого именемъ дворянина выберутъ, и выборъ на него за руками дадутъ, и тому выборному человѣку ѣхать тотчасъ съ запасомъ, безъ всякаго молчанья, чтобы поспѣть къ Москвѣ, къ указному сроку, сентября въ 1-й день 157 года, да и выборъ на него прислать за руками, съ кѣмъ пригоже“ (Ак. Арх. Эк. т. IV, № 27).

Второе свидѣтельство о семъ соборѣ составляетъ самый соборный актъ, какъ онъ помѣщенъ въ предисловіи къ соборному уложенію 1648 года. Въ этомъ актѣ сказано: „Приговорили выбрать изъ стольниковъ, изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ Московскихъ и изъ жильцовъ, изъ чину по два человѣка; также изъ всѣхъ городовъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ взяти изъ большихъ городовъ по два человѣка, а изъ Новгородцевъ съ пятины по человѣку, а изъ меньшихъ городовъ по человѣку, а изъ гостей трехъ человѣкъ, изъ гостиныя и изъ суконныя сотенъ по два чело-

вѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ, и изъ городовъ съ посадовъ по человѣку добрыхъ и смышленыхъ людей... И въ нынѣшнемъ 157 году, октября съ 3-го числа, государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ, со отцемъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы, и епископомъ, также и съ своими государевыми бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми, того собранья слушалъ, и выборнымъ людемъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ, чтено, чтобы то все уложенье впредь было прочно и неподвижно. И указалъ государь то все уложенье написать на списокъ и закрѣпити тотъ списокъ святѣйшему Іосифу патріарху... (и всѣмъ бывшимъ на соборѣ)... А какъ то уложенье по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всей Русіи указу чтено выборнымъ людемъ; и въ то время въ отвѣтной палатѣ, по государеву указу, сидѣлъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой, да съ нимъ выборные люди".

Сіи оффиціальныя свидѣтельства ясно показываютъ. что соборъ 1648 года далеко не походилъ на прежніе земскіе соборы въ Москвѣ. Во 1-хъ, на этомъ соборѣ были рѣзко отдѣлены двѣ половины собора, т.-е. высшее духовенство, бояре и думные люди отъ выборныхъ люцей изъ городовъ, и какъ бы составлены два отдѣльные собора; первые слушали Уложенье вмѣстѣ съ царемъ въ особой, можетъ быть, въ Грановитой, палатѣ, а послѣднимъ оно было чтено отдѣльно, въ отвѣтной палатѣ, подъ предсѣдательствомъ боярина князя Юрья Алексѣевича Долгорукаго; таковаго рѣзкаго отдѣленія ни на одномъ изъ прежнихъ соборовъ не было. Во 2-хъ, у выборныхъ не требовалось совѣтовъ или разсужденій о новыхъ законахъ; имъ только

приказано выслушать книгу соборнаго Уложенія и подписаться подъ нею, чтобы своимъ подписомъ „это государево царственное и земское дѣло утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенью впредь были ничѣмъ нерушимы“. Въ 3-хъ, наконецъ хотя въ приглашеніи на соборъ и было сказано избирателямъ, чтобы выбирали людей добрыхъ и смышленыхъ, которымъ бы государевы и земскія дѣла были за обычай; но о какихъ-либо инструкціяхъ выборнымъ не было и помину, такъ что тѣ явились на соборъ безъ всякихъ наказовъ и должны были слушать чтеніе довольно большой книги безъ приготовленія. Да и самое чтеніе такой книги въ нѣсколько дней сряду и притомъ въ многочисленномъ собраніи и безъ предварительнаго знакомства съ ея содержаньемъ, очевидно, было только одною формальностію и не представляло никакихъ средствъ къ надлежащему обсужденію дѣла. И Никонъ патріархъ въ своихъ отвѣтахъ боярину Стрѣшневу едва ли не правильно говоритъ: „И то всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ не по волѣ, боязни ради междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя ради правды“.

О соборѣ 1650 года, по случаю продолжительныхъ мятежей въ Новгородѣ и Псковѣ, мы имѣемъ пока только одно извѣстіе, именно, наказъ выборнымъ людямъ, по которому они должны были ѣхать въ Псковъ. Въ этомъ наказѣ сказано: „по указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Россіи самодержца, его государеву богомольцу Рафаилу епископу Коломенскому и Каширскому, и съ нимъ Андрониковскому архимандриту Селивестру, да Черниговскому протопопу Михаилу и государевымъ разныхъ чиновъ выборнымъ людямъ ѣхать въ Псковъ для унятія христіанскія крови ко псковичамъ всякаго

чина людямъ... А напередъ себя послати во Псковъ въ гонцѣхъ изъ провожатыхъ дворянина добра, и приказати имъ псковичамъ, всякихъ чиновъ людямъ; что они, Рафайло епископъ Коломенскій и Каширскій и изъ государевыхъ разныхъ чиновъ выборные люди, изъ стольниковъ и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ и изъ гостей и изъ торговыхъ людей, присланы отъ великаго государя, царя... къ нимъ во Псковъ съ его государевою грамотою и съ милостивымъ его государевымъ указомъ; и они-бъ, псковичи, тотчасъ въ городъ ихъ пустили и государева указу у нихъ выслушали". А съ Рафаиломъ епископомъ Коломенскимъ были посланы выборные люди по одному изъ стольниковъ, изъ стряпчихъ и дворянъ Московскихъ, два городовыхъ дворянина, да по одному человѣку изъ гостей, гостиной и суконной сотни, и четверо изъ черныхъ сотенъ, — Покровской, Срѣтенской, Новгородской и Кадашевецъ. Съ ними вмѣстѣ посланы государева и патріаршая грамоты ко псковичамъ. Другихъ свидѣтельствъ о соборѣ 1650 года мы не имѣемъ, изъ настоящаго же свидѣтельства, судя по выборнымъ людямъ, посланнымъ въ Псковъ, на соборѣ, кажется, участвовали преимущественно служилые люди, изъ жилецкихъ же людей были только одни Москвичи; а по сему соборъ выражалъ собою не голосъ всей Русской земли, а только голосъ служилыхъ людей и жителей Москвы: да и правительство воспользовалось симъ соборомъ только для посредничества съ возмутившимися псковичами; грамоты же во Псковъ были написаны не отъ собора, а только отъ царя и патріарха; и мы не знаемъ, писаны-ли они по соборному приговору, какъ писались подобныя грамоты при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, или только по указу государя.

Послѣдній соборъ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, бывшій въ 1653 году, по свидѣтельству

дошедшаго до насъ акта этого собора, происходилъ слѣдующимъ порядкомъ: „Государь указалъ о Литовскомъ и о Черкасскомъ дѣлахъ учинить соборъ; а на соборѣ быть великому государю святѣйшему Никону, патріарху Московскому и всей Россіи, и митрополитамъ, и архіепископамъ, и епископу, и чернымъ властямъ, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ Московскимъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, и гостямъ и торговымъ, и всякихъ чиновъ людямъ; и указалъ государь имъ объявить Литовскаго короля и пановъ-радъ прежнія и нынѣшнія неправды, а также и Запорожскаго гетмана Богдана Хмельницкаго о присылкѣ объявить, что они бьютъ челомъ подъ государеву высокую руку въ подданство“. Далѣе въ актѣ сказано: „И государь для собора былъ въ Грановитой палатѣ, а на соборѣ были: Никонъ патріархъ Московскій и всея Россіи, митрополитъ Сербскій Михайло, митрополитъ Крутицкій Селивестръ, архимандриты и игумены со всѣмъ священнымъ соборомъ, бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе и дворяне Московскіе, и жильцы, и дворяне и дѣти боярскія изъ городовъ, и гости и гостиныя и суконныя сотни, и черныхъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ торговые и иныхъ всякихъ чиновъ люди, и стрѣльцы. И по государеву указу о неправдахъ Яна Казимира короля Польскаго и пановъ-радъ и о челобитьи государю въ подданство Богдана Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго, читано всѣмъ въ слухъ... И, выслушавъ, бояре и думные люди приговорили: за честь великаго государя стояти и противъ Польскаго короля войну вести, а терпѣти больше того нельзя... А о гетманѣ о Богданѣ Хмельницкомъ и о всемъ войскѣ Запорожскомъ бояре и думные люди приговорили, чтобъ великій государь изволилъ того гетмана Богдана

Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами ихъ и съ землями принять подъ свою государскую высокую руку для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей... А стольники и стряпчіе и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы, и дворяне и дѣти боярскія изъ городовъ, и головы стрѣлецкіе, и гости, и гостиныя и суконныя сотни, и черныхъ сотенъ, и дворцовыхъ слободъ тяглые люди и стрѣльцы о государевой чести и о пріемѣ гетмана Богдана Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго допрашиваны-жъ по чинамъ порознь. И они говорили то жъ и за честь государя стояти и противъ Литовскаго короля война весть, а они, служилые, люди за ихъ государскую честь учнутъ съ Литовскимъ королемъ битися, не щадя головъ своихъ, и ради померeть за ихъ государскую честь. А торговые и всякихъ чиновъ людей вспоможеньемъ за ихъ государскую честь головами своими ради помереть; а гетмана Богдана Хмельницкаго, для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, пожаловалъ бы государь по ихъ челобитью, велѣлъ ихъ приняти подъ свою государскую высокую руку" (Соб. гос. гр. и дог. Т. III, № 157). Этотъ послѣдній земскій соборъ съ одной стороны напоминаетъ старые земскіе соборы времени царя Михаила Θеодоровича,— на немъ присутствовалъ самъ царь въ Грановитой палатѣ, гдѣ вмѣстѣ засѣдали и боярская дума и выборные люди; на соборѣ спрашивали совѣта и приговора отъ каждаго чина отдѣльно. Но, съ другой стороны, этотъ соборъ походитъ на соборъ 1650 года, — на немъ присутствовали служилые и жилецкіе люди, только бывшіе въ Москвѣ, и не было выборныхъ отъ городовъ; слѣдовательно, этотъ соборъ выражалъ собою только голосъ боярской думы и служилыхъ и жилецкихъ людей, бывшихъ въ Москвѣ не по вызову и не по выбору, а не всей Русской земли въ лицѣ ея пред-

ставителей. Но, тѣмъ не менѣе, сей соборъ имѣлъ еще большое значеніе; ибо царь Алексѣй Михайловичъ, уже около полугода назадъ рѣшившійся принять въ подданство все войско Запорожское и извѣстившій уже объ этомъ Хмельницкаго, не прежде далъ повелѣніе приводить Малороссію къ присягѣ на подданство, какъ по окончаніи земскаго собора, и по отобраніи приговора отъ всѣхъ чиновъ порознь; слѣдовательно, призналъ нужнымъ, чтобы торжественное присоединеніе Малороссіи было учинено по рѣшенію земскаго собора, на которомъ бы Русская земля изъявила свою волю объ этомъ присоединеніи.

Послѣ собора 1653 года, царь Алексѣй Михайловичъ въ продолженіе остальныхъ 22-хъ лѣтъ своего царствованія уже не созывалъ болѣе земскихъ соборовъ и во всякихъ, даже затруднительныхъ обстоятельствахъ, дѣйствовалъ и распоряжался только по совѣту съ боярскою думой или даже по совѣту лишь съ своими приближенными боярами. Послѣдній соборъ вѣроятно убѣдилъ царя Алексѣя Михайловича, что мысль и воля царя признается Русскими людьми за мысль и волю всей Русской земли, и что потому въ созываніи новыхъ земскихъ соборовъ не настоитъ надобности. Но преемникъ царя Алексѣя Михайловича, сынъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ, глядѣлъ на это дѣло иначе. Онъ хотя не созывалъ общихъ или полныхъ земскихъ соборовъ, но въ первые же дни по смерти родителя показалъ, что желаетъ совѣтоваться съ земщиною, знать непосредственно отъ нея самой ея нужды и отъ нея же получать указанія, какъ помочь нуждамъ. Онъ черезъ мѣсяцъ по кончинѣ родителя приказалъ созвать въ палату выборныхъ людей отъ купечества для совѣта о томъ, какъ лучше устроить торгъ съ персіянами, и устроилъ этотъ торгъ такъ, какъ сказали купцы. Далѣе, царь созвалъ выборныхъ

отъ купечества для совѣщанія объ устройствѣ торга съ голландцами; и съ голландцами былъ заключенъ торговый договоръ на тѣхъ условіяхъ, какихъ желали купцы. Въ 1681 году были собраны въ Москву выборные отъ всѣхъ городовъ, кромѣ сибирскихъ, для разсужденія о лучшихъ средствахъ къ уравненію податей и службъ податныхъ людей. Въ указѣ отъ 11-го декабря сего года, данномъ боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, сказано: „чтобы всѣмъ по его государскому милостивому разсмотрѣнію служить и всякія подати платить въ равенствѣ и не въ тягость; а для того разбору и росписки и изравненья во всякія службы и платежи, взять изъ гостей четырехъ человѣкъ, гостиныя и суконныя сотенъ, и дворцовыхъ слободъ, и кадашевцовъ, и конюшенной, и мѣщанской, и изо всѣхъ городовъ, кромѣ сибирскихъ, и изъ дворцовыхъ селъ и волостей, изъ которыхъ бываютъ у его государевыхъ и у кабацкихъ сборовъ, по два человѣка самыхъ лучшихъ, добрыхъ и знающихъ къ такому дѣлу людей; а изъ городовъ и государевыхъ селъ и слободъ тѣмъ людемъ, которые для того къ Москвѣ высланы будутъ, велѣть взять съ собою окладныя книги съ 187 по нынѣшній 190 годъ, каковы есть въ земскихъ избахъ у земскихъ и волостныхъ старостъ, и сколько въ тѣхъ городахъ и волостяхъ лучшихъ, середней статьи и молодшихъ людей, и по скольку человѣкъ въ годъ бываетъ во всѣхъ службахъ, и кто имяны въ какихъ службахъ въ 187, и 188 и 189 годѣхъ были порознь по статьямъ именные списки въ тетрадѣхъ за руками приходскихъ священниковъ и земскихъ старостъ, а выслать къ Москвѣ генваря къ 1-му числу нынѣшняго 190 года безсрочно“ (Пол. соб. Зак. № 899). Совѣщанія сихъ выборныхъ людей, кажется, не были доведены до конца; ибо есть извѣстіе, что въ слѣдующемъ году, по случаю кончины

царя Θеодора Алексѣевича, были распущены по домамъ двойники, присланные въ Москву изъ городовъ для уравненія податей и службъ.

Наконецъ, въ 1682 году былъ созванъ соборъ, на который были приглашены высшее духовенство, бояре и думные люди, и выборные отъ всѣхъ служилыхъ людей для разсужденія и введенія лучшаго порядка въ военной службѣ. На этомъ соборѣ по общему приговору было опредѣлено уничтожить мѣстничество и родовые счеты бояръ, уже отжившіе свой вѣкъ и только возбудившіе вражду и мѣшавшіе государевой службѣ. И государь изволилъ сіе соборное дѣяніе утвердить своею государевою державною рукою сице: „Божіею милостію Царь и великій Князь Θедоръ Алексѣевичъ, всея Великія, Малыя, Бѣлыя Россіи и самодержецъ во утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе моею рукою подписалъ." Ниже сего подписали: Іоакимъ, Божіею милостію патріархъ царствующаго великаго града Москвы и всея Россіи, митрополиты, архіепископы, архимандриты, бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки, стольники комнатные, выборные стольники, генералы, полковники рейтарскіе, полковники пѣхотные, стряпчіе, дворяне и жильцы (Полн. соб. Зак. № 905).

Такимъ образомъ изъ четырехъ земскихъ соборовъ, бывшихъ въ шести-лѣтнее царствованіе царя Θеодора Алексѣевича, каждый соборъ былъ только собраніемъ выборныхъ отъ тѣхъ или другихъ сословій, и ни одинъ не былъ полнымъ соборомъ всей Русской земли, и каждый только выражалъ голосъ того или другого сословія, и ни одинъ не былъ голосомъ всей Русской земли. Но соборы царя Θеодора Алексѣевича рѣзко отличались отъ соборовъ предшествовавшаго царствованія тѣмъ, что выборные собирались не для слушанія

только распоряженій правительства и подтвержденія ихъ своимъ рукоприкладствомъ; а напротивъ, выборные давали свои приговоры, и приговоры сіи царь утверждалъ и обращалъ въ законъ.

По смерти царя Өеодора Алексѣевича наскоро былъ созванъ земскій соборъ въ Москвѣ, на которомъ, по случаю, кажется, пришлось участвовать и выборнымъ отъ городовъ и волостей, созванныхъ въ 1681 году для уравненія податей и службъ и тогда еще нераспущеннымъ. Собору этому предложено было патріархомъ Іоакимомъ избрать наслѣдника скончавшемуся царю Өеодору Алексѣевичу. Въ дошедшемъ до насъ дѣяніи этого собора сказано: „въ день кончины царя Өеодора Алексѣевича святѣйшій Іоакимъ, патріархъ Московскій и всея Русіи, и власти, и бояре пошли въ переднюю палату и говорили объ избраніи на царскій престолъ благородныхъ государей царевичей, кому изъ нихъ быть на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія великимъ государемъ-царемъ и великимъ княземъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, и говоря положили, что тому избранію быти общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей. И святѣйшій патріархъ, и архіереи, и бояре, и окольничіе, и ближніе и думные люди вышли на крыльцо, что передъ переднею, а стольники, и стряпчіе, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне и дѣти боярскія, и гости, и гостиныя и черныхъ сотенъ, и иныхъ чиновъ люди для того призваны и поставлены наверху на дворѣ, что передъ церковію нерукотвореннаго Спаса образа, и на площади, что за преградою. И святѣйшій патріархъ вышеписанныхъ чиновъ людямъ говорилъ: „нынѣ, изволеніемъ Божіимъ, великій государь, царь и великій князь Өеодоръ Алексѣевичъ, оставя земное царствованіе, переселился въ вѣчное блаженство небеснаго

царствія; а по немъ, великомъ государѣ, остались братья его государевы: благовѣрный государь царевичъ и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ, и благовѣрный государь, царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ, и изъ нихъ государей царскаго скипетра и престола блаженныя памяти брата ихъ, великаго государя, царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, кому преемникомъ быть и чтобы вы о томъ единодушнымъ согласіемъ и единосердечною мыслію намѣреніе свое мнѣ, святѣйшему патріарху и архіереямъ объявили.“ И стольники, и стряпчіе, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне и дѣти боярскія, и гости, и гостиныя и черныхъ сотенъ, и всякихъ чиновъ люди, всѣ единогласно, святѣйшему патріарху отвѣчали, чтобы быть на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, благовѣрному государю царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу. Потомъ святѣйшій патріархъ говорилъ боярамъ и окольничимъ, и думнымъ и ближнимъ людямъ, чтобъ они ему, святѣйшему патріарху и архіереямъ также, единодушно намѣреніе свое объявили,—кому на престолѣ Россійскаго царствія великимъ государемъ царемъ быти? И бояре, и окольничіе, и думные и ближніе люди также единогласно всѣ вѣщали: „да будетъ по избранію всего Московскаго государства всѣхъ чиновъ людей, великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, благовѣрный государь царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ“ (Пол. соб. Зак. № 915).

Оффиціальное описаніе сего собора ясно говоритъ, что онъ, хотя по составу своему былъ довольно полонъ, но отнюдь не выражалъ голоса всей Русской

земли; ибо ежели и предположить, что въ немъ участвовали выборные всѣхъ городовъ, кромѣ сибирскихъ, то выборные сіи, какъ мы уже видѣли, попали на него случайно, бывши въ Москвѣ по другому дѣлу, и на избраніе царя не имѣли никакихъ полномочій отъ своихъ избирателей. Да и самые жители Москвы были скликаны на скоро безъ выбора, кому пришлось быть въ Кремлѣ (ибо вечеромъ въ день кончины царя Ѳеодора Алексѣевича былъ созванъ соборъ и покончилъ все дѣло). И патріархъ говорилъ народу съ крыльца на площадь, такъ что не всѣ могли и разслушать его длинную рѣчь, и требовалъ только единодушнаго отвѣта, кому изъ двухъ царевичей быть царемъ, и толпа народа отвѣчала ему общимъ крикомъ безъ отбиранія голосовъ. Настоящій соборъ, несмотря на все разнообразіе прежнихъ соборовъ, по своей формѣ не походилъ ни на одинъ изъ нихъ, кромѣ собора, избравшаго на царство Бориса Ѳеодоровича Годунова. Въ немъ только замѣтно одно сходство съ прежними соборами, что онъ состоялъ изъ двухъ половинъ, — изъ царской думы, собранной во дворцѣ, и народа, стоявшаго на площади, и патріархъ отдѣльно спрашивалъ народъ и отдѣльно думу, но и здѣсь все-таки была громадная разница съ прежними соборами, ибо толпа народа, скликаннаго на площадь передъ дворцемъ, вовсе не состояла изъ выборныхъ представителей всей Русской земли, или даже одного или нѣсколькихъ сословій,—это въ полномъ смыслѣ была только толпа, не имѣвшая никакихъ полномочій.

Послѣ таковаго плачевнаго искаженія земскаго собора, недаромъ Петръ Великій въ продолженіе всего своего царствованія не находилъ нужнымъ созывать земскій соборъ, несмотря на многія затруднительныя обстоятельства, повидимому, долженствовавшія побудить его къ тому, чтобъ обратиться къ голосу Русской

земли. И тѣмъ болѣе Петръ Великій не расположенъ былъ къ земскимъ соборамъ, что и избравшій его соборъ нисколько не гарантировалъ его престола; ибо, черезъ мѣсяцъ (26 мая) послѣ избранія, толпа мятежныхъ стрѣльцовъ посадила впереди его на престолѣ брата его Іоанна Алексѣевича, подъ опекою правительницы царевны Софіи Алексѣевны, которая замышляла лишить его престола окончательно, причемъ опять употреблена въ дѣло толпа московской черни, подъ именемъ земскаго собора.

По смерти Петра Великаго, его преемница, императрица Екатерина І-я, нашла необходимымъ созвать что-то въ родѣ земскаго собора 1619 года, и указомъ отъ 21-го марта 1727 года учредила комиссію, которой велѣно созвать выборныхъ всѣхъ чиновъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника князя Голицына, чтобы разсмотрѣть состояніе всѣхъ городовъ и земель и по разсужденію ихъ состоянія такую подать положить, чтобы всѣмъ была сносна, и разсудить, какъ удобнѣе и сходно съ народною пользою учинить сборъ податей, — подушнымъ ли разсчетомъ, какъ устроено Петромъ Великимъ, или съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли, какъ было въ прежнее время, а также пріискать мѣры къ сокращенію государственныхъ расходовъ, и кончить все это, конечно, прежде сентября мѣсяца, дабы съ сентября мѣсяца по тому окладу, который положенъ будетъ, настоящій сборъ начать платить“ (Пол. Соб. Закон. № 5043). Но въ маѣ мѣсяцѣ скончалась императрица, и комиссія исчезла безъ слѣдовъ; мы даже не знаемъ, успѣла ли она собраться и устроиться до мая мѣсяца, въ которомъ скончалась императрица Екатерина І-я. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ снова была попытка созвать выборныхъ отъ Русской земли, какъ показываетъ указъ отъ 1-го іюня 1730 года, которымъ тре-

бовалось, чтобы сенатъ для сочиненія новаго уложенія по своему усмотрѣнію выбралъ депутатовъ отъ дворянства, купечества и духовенства; но лишь только стали съѣзжаться, вызванные изъ разныхъ губерній, депутаты отъ дворянства, какъ немедленно правительство отмѣнило свое распоряженіе, и указомъ отъ 10-го декабря того же года вызванные изъ разныхъ губерній депутаты отъ дворянства отосланы назадъ на мѣсто жительства, и новыхъ присылать не приказано (Соб. Зак. №№ 5567 и 5654). А при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ даже не было и попытокъ къ приглашенію выборныхъ отъ Русской земли; она при самомъ вступленіи своемъ на престолъ объявила, что будетъ царствовать въ духѣ покойнаго своего родителя, и дѣйствительно, въ продолженіе всего своего царствованія въ этомъ отношеніи шла по слѣдамъ его и не думала спрашивать голоса всей Русской земли. И только за три мѣсяца до ея кончины, по указу сената отъ 29-го сентября 1761 года, предписано было къ слушанію новаго уложенія изъ городовъ всякой провинціи прислать въ Петербургъ къ 1-му января 1762 года отъ дворянъ по два выборныхъ и отъ купцовъ по одному, и отъ духовенства, сколько найдетъ нужнымъ синодъ (Пол. собр. Зак. № 11,335). Но за кончиною императрицы дѣло это не состоялось.

Но императрица Екатерина II иначе взглянула на дѣло управленія государствомъ и нашла необходимымъ прислушаться къ голосу всей Русской земли, созванной въ лицѣ своихъ представителей къ подножію императорскаго престола, и съ этою цѣлію въ концѣ пятаго года своего царствованія, именно 14-го декабря 1766 года, издала Высочайшій манифестъ объ учрежденіи въ Москвѣ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Самый выборъ Москвы, какъ мѣста для за-

сѣданій комиссіи, ясно показываетъ, что мудрая императрица хотѣла видѣть во вновь учреждаемой комиссіи продолженіе тѣхъ земскихъ соборовъ, которые въ старое время созывались въ Москву по волѣ самодержавныхъ государей. Но и не въ одномъ избраніи мѣстности для засѣданій комиссіи императрица, какъ бы подражала древнимъ царямъ, а и въ другихъ распоряженіяхъ относительно комиссіи, что яснѣе мы увидимъ изъ содержанія манифеста 14-го декабря 1766 года.

Въ Высочайшемъ манифестѣ сказано: „Понеже наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольство можетъ на землѣ сей простираться; для того, дабы лучше намъ узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа, повелѣваемъ прислать изъ нашего сената и синода, изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ прочихъ, какъ коллегій, такъ и канцелярій, коимъ отъ сената особо предписано будетъ, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, также изо всѣхъ городовъ и уѣздовъ нашей имперіи въ первостоличный нашъ городъ Москву депутатовъ, съ полгода послѣ дня обнародованія въ каждомъ мѣстѣ сего манифеста. Выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, дастъ имъ отъ себя наставленіе и полном очіе, и всѣмъ выбраннымъ въ сіе достоинство явиться по пріѣздѣ ихъ въ нашемъ сенатѣ. Сихъ депутатовъ, коимъ особливыя выгоды отъ насъ даны будуть, и кои распущены быть имѣютъ по нашему усмотрѣнію, мы созываемъ не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста; но и допущенные, они быть имѣютъ въ комиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенія къ поднесенію намъ для конфирмаціи.“ А въ положеніи, изданномъ при манифестѣ, о депутатахъ

сказано: „отъ каждаго уѣзда, гдѣ губерніи росписаны на уѣзды, гдѣ же уѣзды называются полки, рейсы или инымъ названіемъ, то также отъ сихъ такъ-называемыхъ уѣздовъ, гдѣ есть дворянство, изъ каждаго по одному депутату. Отъ жителей каждаго города по одному депутату. Отъ однодворцевъ каждыя провинціи по одному депутату. Отъ пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служилыхъ людей, и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждыя провинціи по одному депутату. Отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ съ каждыя провинціи по одному депутату. Отъ некочующихъ разныхъ въ области нашей живущихъ народовъ, какого бы они закона ни были, крещеные или некрещеные, отъ каждаго народа каждыя провинціи по одному депутату. Отъ казацкихъ войскъ и войска Запорожскаго надлежитъ тѣмъ высшимъ командамъ, гдѣ они вѣдомы, примѣниваясь къ сему положенію, прислать потребное число депутатовъ. Всѣ же тѣ депутаты должны быть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду каждый.“

Относительно порядка выбора депутатовъ въ положеніи постановлено: „Дворяне каждаго уѣзда сперва должны выбрать на два года предводителя дворянства своего уѣзда, и потомъ подъ его руководствомъ выбрать депутата, для отправленія въ комиссію сочиненія проекта новаго уложенія, и дать ему отъ дворянства наказъ для заявленія о мѣстныхъ нуждахъ дворянства. Для составленія наказа дворяне изъ своей среды выбираютъ комиссію не болѣе, какъ изъ пяти человѣкъ; выбранные въ комиссію три дня занимаются разсужденіями съ дворянами о сочиненіи прошеній, въ чемъ они желаютъ исправленія, затѣмъ слѣдующіе три дня занимаются составленіемъ и написаніемъ наказа и прошеній; и по окончаніи сихъ занятій читаютъ написанное передъ собраніемъ и по одобреніи собрані-

емъ написаннаго всѣ присутствующіе подписываютъ наказъ, и предводитель вручаетъ его избранному депутату." Точно такъ же по положенію жители каждаго города, или горожане, должны сперва выбрать на два года градского главу и потомъ, подъ его руководствомъ, выбрать депутата въ комиссію и дать ему наказъ о мѣстныхъ нуждахъ гражданъ, который долженъ быть составленъ такимъ же порядкомъ, какъ и наказы отъ дворянства. А для выбора депутатовъ отъ однодворцевъ и другихъ старыхъ службъ служилыхъ людей, содержащихъ ландмилицію, и равнымъ образомъ отъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ и пахотныхъ солдатъ назначенъ такой порядокъ: „Жители каждаго селенія, или погоста, сперва должны выбрать повѣреннаго отъ погоста или селенія; потомъ выбранные повѣренные должны ѣхать въ уѣздный городъ и подъ руководствомъ начальника уѣзда избрать изъ своей среды уѣзднаго повѣреннаго; затѣмъ уѣздные повѣренные должны ѣхать въ провинціальный городъ и тамъ подъ руководствомъ начальника провинціи избрать изъ своей среды провинціальнаго депутата въ коммиссію и дать ему наказъ о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ" (Пол. соб. Зак. № 12,801).

Неизвѣстно, имѣла ли въ виду императрица Екатерина II-я земскіе соборы прежняго времени; но только составъ и устройство новаго земскаго собора, или коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, оказываются сдѣланными какъ бы по образцу прежнихъ земскихъ соборовъ. Новый соборъ, или коммиссія, раздѣляется на двѣ главныя половины: на выборныхъ по службѣ, т.-е. отъ сената, синода и коллегій, и на выборныхъ отъ земли, т.-е. отъ уѣздовъ и городовъ. Далѣе императрица въ своихъ намѣреніяхъ и въ своемъ взглядѣ на коммиссію какъ бы

слѣдовала примѣру царя Михаила Θеодоровича и патріарха Филарета Никитича; она созывала выборныхъ не для одного только выслушанія и подписанія вновь составленнаго уложенія, какъ это сдѣлалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 году, а напротивъ, требовала, чтобы выборные явились въ коммиссіи съ наказами и прошеніями отъ своихъ избирателей и по выбору участвовали въ самыхъ дѣлахъ коммиссіи, составляли и редактировали узаконенія, а не оставались безгласными слушателями. Манифестъ 14-го декабря 1766 года, очевидно, былъ принятъ земствомъ съ полною довѣренностію и готовностію исполнить давно желанную народомъ волю императрицы. Провинціи и города къ назначенному въ манифестѣ сроку выслали въ Москву своихъ депутатовъ съ подробными наказами о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ, и даже съ указаніемъ средствъ, какъ удовлетворить нуждамъ и исправить недостатки.

Въ 1767 году 30-го іюля, ко времени открытія засѣданій коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, была издана инструкція, или, какъ сказано въ самомъ актѣ, обрядъ для означенной коммиссіи. Въ этой инструкціи сказано: 1) каждый депутатъ по прибытіи своемъ долженъ предъявить въ сенатъ свое полномочіе. Потомъ отъ императрицы назначится день, въ который депутаты должны идти въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы къ присягѣ. Въ церкви, отслушавши обѣдню и молебенъ, депутатамъ идти во дворецъ на аудіенцію, гдѣ императрица вручитъ имъ наказъ и обрядъ; 2) на другій день депутаты должны собраться въ особой, приготовленной для нихъ, палатѣ и подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора приступить къ избранію кандидатовъ на должность предводителя, или маршала коммиссіи;

имена означенныхъ кандидатовъ генералъ-прокуроръ доложитъ императрицѣ, и кого императрица изъ означенныхъ кандидатовъ назначитъ предводителемъ, или маршаломъ, тому именемъ императрицы генералъ-прокуроръ вручитъ жезлъ; и выбранный маршалъ приметъ всѣ указы и сочиненія, изготовленныя къ прочтенію въ большомъ собраніи, а также и наказы, представленные депутатами. 3) Маршалъ прикажетъ прочесть данный императрицею наказъ коммиссіи и обрядъ, или инструкцію управленія ею. Затѣмъ маршалъ предложитъ выбрать нѣсколько кандидатовъ на пять мѣстъ для засѣданія въ дирекціонной коммиссіи; имена кандидатовъ докладываются императрицѣ, которая избираетъ и утверждаетъ изъ нихъ пятерыхъ въ званіи членовъ дирекціонной коммиссіи. Дирекціонная коммиссія обязана предлагать общему собранію чрезъ маршала о составленіи частныхъ коммиссій по пяти депутатовъ на каждую, которыя коммиссіи носятъ названія по роду дѣлъ, которыя каждой будутъ поручены, напримѣръ, коммиссія юстиціи, вотчинныхъ дѣлъ, торговли и проч. Ежели же дирекціонная коммиссія найдетъ нужнымъ усилить какую частную коммиссію, то можетъ требовать отъ собранія таковое жъ число новыхъ членовъ. Дирекціонная коммиссія имѣетъ право понуждать частныя коммиссіи и наблюдать за ихъ работами; частныя коммиссіи еженедѣльно подаютъ ей промеморіи о своихъ занятіяхъ. Частныя коммиссіи, окончивъ каждую работу, должны вносить въ дирекціонную коммиссію, которая, прочитавъ, соображаетъ, согласна ли работа съ основными правилами наказа, даннаго императрицею, и на основаніи наказа принимаетъ или измѣняетъ представленную работу и отсылаетъ въ большое депутатское собраніе на разсмотрѣніе съ означеніемъ, для чего что пере-

мѣнено. 4) По выборѣ членовъ дирекціонной коммиссіи маршалъ предложитъ собранію выбрать членовъ для экспедиціонной коммиссіи, безъ которой ни собраніе, ни прочія коммиссіи не имѣютъ силы; ея должность состоитъ въ томъ, чтобы положенія другихъ коммиссій написать по правиламъ языка и слога. Она существа дѣла перемѣнить ни въ чемъ не можетъ, но если противорѣчіе усмотритъ, то остерегать можетъ ту коммиссію, отъ которой къ ней будетъ прислана бумага, также и самую дирекціонную коммиссію; она отвѣтствуетъ за то, что рѣчей и словъ двоякаго смысла, темныхъ, неопредѣленныхъ и невразумительныхъ, не нашла и не оставила. 5) Большое собраніе дѣлаетъ свои примѣчанія на тѣ законы, которые представитъ ему маршалъ, и въ которыхъ болѣе настоитъ надобности въ исправленіи, и по согласномъ положеніи отсылаетъ въ дирекціонную коммиссію, а оттуда въ частныя коммиссіи для соображенія и уваженія съ прочими положеніями, о чемъ отъ каждой части коммиссіи должны давать отчетъ большому собранію. Маршалъ согласится напередъ съ генералъ-прокуроромъ о дѣлахъ, которыя предложитъ большому собранію, также о дняхъ собранія, и велитъ прибить листъ у дверей за день, что на другой день будетъ полное собраніе. А когда соберутся, то маршалъ предложитъ имъ, словами или письменно, о какомъ дѣлѣ разсуждаемо будетъ, и прикажетъ читать. При разсужденіяхъ каждый депутатъ можетъ говорить свое мнѣніе съ тою смѣлостію, которая потребна для пользы дѣла, и болѣе получаса никому не говорить, а въ противномъ случаѣ подать мнѣніе на письмѣ. Въ случаѣ разногласія мнѣній маршалъ оборачиваетъ оное несогласіе въ вопросъ, на который можно бы было отвѣтствовать *да* или *нѣтъ*, и, запи-

савъ число *да* и *нѣтъ*, отсылаетъ въ дирекціонную коммиссію. 6) наконецъ, для составленія журналовъ собранія долженъ быть избранъ особый директоръ, обязанность котораго, чтобы дневная записка, или журналъ, была составлена въ такомъ видѣ, чтобъ будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства и судить могли объ умоначертаніи сего вѣка; слѣдовательно, найти могли тѣ правила, кои имъ въ наставленія служить будутъ" (Пол. собр. Зак. № 12,948).

Сіи записки и другія бумаги, принадлежащія коммиссіи проекта новаго уложенія, и теперь хранятся, какъ заподлинно извѣстно, въ главномъ государственномъ архивѣ, и, конечно, есть полная надежда, что онѣ не всегда останутся мертвымъ капиталомъ архива, и завѣтъ императрицы Екатерины II-й: *„чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства и судить могли о умоначертаніи сего вѣка, и слѣдовательно найти могли тѣ правила, кои въ наставленіе служить будутъ"*, будетъ исполненъ вполнѣ и въ непродолжительномъ времени; и тогда мы можемъ судить, что сдѣлала коммиссія сочиненія проскта новаго уложенія, и тогда должны смолкнуть тѣ самохвалы-вѣщуны, которые говорятъ, что коммиссія ничего не сдѣлала, да и сдѣлать не могла. Въ настоящее же время, по свидѣтельству полнаго собранія законовъ Россійской имперіи, намъ оффиціально извѣстно, что собраніе коммиссіи въ полномъ своемъ составѣ оставалось въ Москвѣ только годъ и пять мѣсяцевъ и указомъ отъ 29-го декабря 1768 года было распущено по домамъ впредь до востребованія, а дѣлами поручено заниматься частнымъ коммиссіямъ, выбраннымъ изъ того же собранія (Пол. соб. зак. № 13221). Коммиссіи сіи не кончили своихъ поруче-

ній въ продолженіе всего царствованія Екатерины II-й, и при императорѣ Павлѣ I-мъ указомъ отъ 30-го декабря 1796 года переименованы въ коммиссію составленія законовъ. Такъ кончилось существованіе послѣдняго земскаго собора на Руси, онъ прекратился, не рѣшивъ всѣхъ заданныхъ ему вопросовъ и не составивъ полнаго проекта новаго уложенія.

Но, несмотря на неоканчаніе всѣхъ заданныхъ вопросовъ, мы не можемъ отрицать, что послѣдній земскій соборъ, или коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія имѣла громадное вліяніе на государственное устройство при императрицѣ Екатеринѣ II-й съ одной стороны тѣмъ, что правительство отъ выборныхъ земствомъ людей и изъ наказовъ и прошеній, ими представленныхъ, узнало ясно мѣстныя нужды и недостатки разныхъ областей. А съ другой стороны, важно было вліяніе коммиссіи тѣмъ, что проекты законовъ по разнымъ частямъ законодательства, составленные частными коммиссіями, по всему вѣроятію дали правительству надежныя средства для разныхъ необходимыхъ реформъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что всѣ важнѣйшія реформы Екатерининскаго времени послѣдовали послѣ созванія коммиссіи и ясно отмѣчены печатью земскаго вліянія. Таковы: учрежденіе для управленія губерній всероссійской имперіи, изданное въ 1775 году 7-го ноября и, какъ извѣстно, составленное по проекту одной коммиссіи; уставъ благочинія, изданный 8-го апрѣля 1782 года; жалованная грамота благородному Россійскому дворянству и городовое положеніе, изданныя 21-го апрѣля 1785 года, и многія другія узаконенія, въ свое время принесшія громадную пользу Русской землѣ. Все это земскій соборъ, созванный въ Москву манифестомъ 1766 года, поставитъ наряду съ тѣми

знаменитыми земскими соборами временъ царя Михаила Өеодоровича, которые заслужили въ русской исторіи безсмертную славу тѣмъ, что не рознь и раздоръ внесли въ государство, не увлекались частными и временными выгодами, не искали себѣ правъ и привилегій, а, напротивъ, дали правительству средства водворить порядокъ и окончательно утвердили верховную власть царя въ Русской землѣ, послѣ смутъ самозванщины и междуцарствія. 14-го декабря минувшаго 1866 года исполнилось ровно сто лѣтъ, какъ былъ изданъ императрицею Екатериною II-ю манифестъ о созваніи послѣдняго земскаго собора, или коммиссіи сочиненія проекта новаго уложенія. Въ сіи сто лѣтъ много перемѣнъ произошло въ Русской землѣ, и большая часть узаконеній Екатерины II-й замѣнена другими; но, тѣмъ не менѣе, слѣды послѣдняго земскаго собора еще живутъ въ насъ, и мы сами еще живемъ въ періодѣ этого собора, и Россія безъ этого собора не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть теперь. Труды нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, работавшихъ на этомъ соборѣ, не прошли даромъ, хотя, къ сожалѣнію, завѣтъ Екатерины II-й еще не исполненъ, и сокрытые въ архивѣ журналы собора не обнародованы, и, слѣдовательно, полная исторія собора еще не можетъ быть написана.

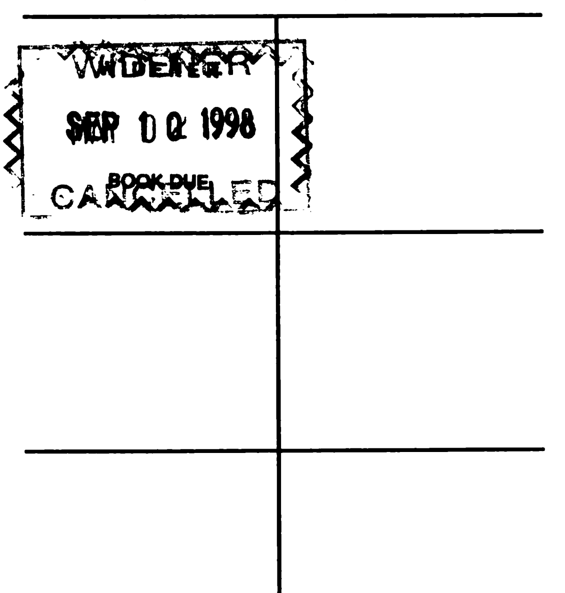
Мм. Гг.! Представивъ краткій очеркъ земскихъ соборовъ въ Москвѣ, о которыхъ дошли до насъ хотя какія-нибудь извѣстія, я волей-неволей заключаю мою рѣчь тѣми же вопросами, которые выставилъ вначалѣ, при описаніи перваго земскаго собора: что же земскіе соборы на Руси были ли прихотью царей, ихъ созывавшихъ, или случайною потребностью времени, или неминуемою нуждой, вызванной самою исторіей? Отвѣты мои на сіи вопросы и теперь, по

представленіи историческаго очерка всѣхъ московскихъ соборовъ, остаются почти тѣ же, какіе уже высказаны мною при первомъ соборѣ, ибо самое дѣло не даетъ другихъ отвѣтовъ.—Русскій царь созываетъ земскіе соборы по своему усмотрѣнію, такъ уже сложилось это дѣло на Руси; вотъ прошло 318 лѣтъ послѣ перваго земскаго собора въ Москвѣ, и, за исключеніемъ безгосударственнаго времени, ни одинъ соборъ не былъ созванъ не по волѣ царя. Созываніе соборовъ всегда вызывалось настоятельною нуждою времени, всегда былъ неотложный поводъ къ созванію собора въ данное время. Но этотъ поводъ всегда коренился въ исторіи, въ жизни Русской земли; исторія работала, закладывала сѣмя; а жизнь, какъ земля, незамѣтно, тайно, никого не спросясь, ростила это сѣмя; а изъ него выросталъ плодъ, который являлся неотложнымъ, какъ будто временно возникшимъ поводомъ къ созванію земскаго собора; но временнымъ здѣсь было только самое появленіе повода, настоящая же причина всегда глубоко лежала въ исторіи. Такъ, Петръ Великій, нисколько не думая о томъ, почти тридцать лѣтъ безъ устали работалъ надъ тѣмъ, чтобъ Екатерина Великая, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его кончины, созвала земскій соборъ въ Москвѣ. Самая воля царя, созывавшаго соборъ, была только историческою формой, а отнюдь не произволомъ той или другой царственной личности,—личность здѣсь только угадывала, чего требуетъ жизнь. Конечно, можно было сочинять, подстраивать земскіе соборы и искажать ихъ по произволу; но подстройка и искаженіе всегда оставались тѣмъ, чѣмъ они были въ сущности, т. е. ложью, и никогда недоставляли ожидаемой опоры тѣмъ, которые думали прикрыться подобною ложью. Наконецъ, исторія зем-

скихъ соборовъ на Руси ясно говоритъ, что самъ народъ, что земля Русская никогда не требовали земскихъ соборовъ, что земля никогда не присвоивала себѣ права созывать соборы, а всегда считала только своею повинностію выслать представителей на соборъ, когда царь потребуетъ этой повинности. Это завѣтъ нашихъ предковъ потомкамъ, постоянно повторяемый въ продолженіе слишкомъ 300 лѣтъ, именно съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только собралась Русская земля.

КОНЕЦЪ.

WIDENER
SEP 10 1998
BOOK DUE
CANCELLED

